

[Polaris]

УТЕС

ДРАКОНА

Палеофантастика русской эмиграции

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CDXIX

Salamandra P.V.V.

УТЕС ДРАКОНА

Палеофантастика
русской
эмиграции

Salamandra P.V.V.

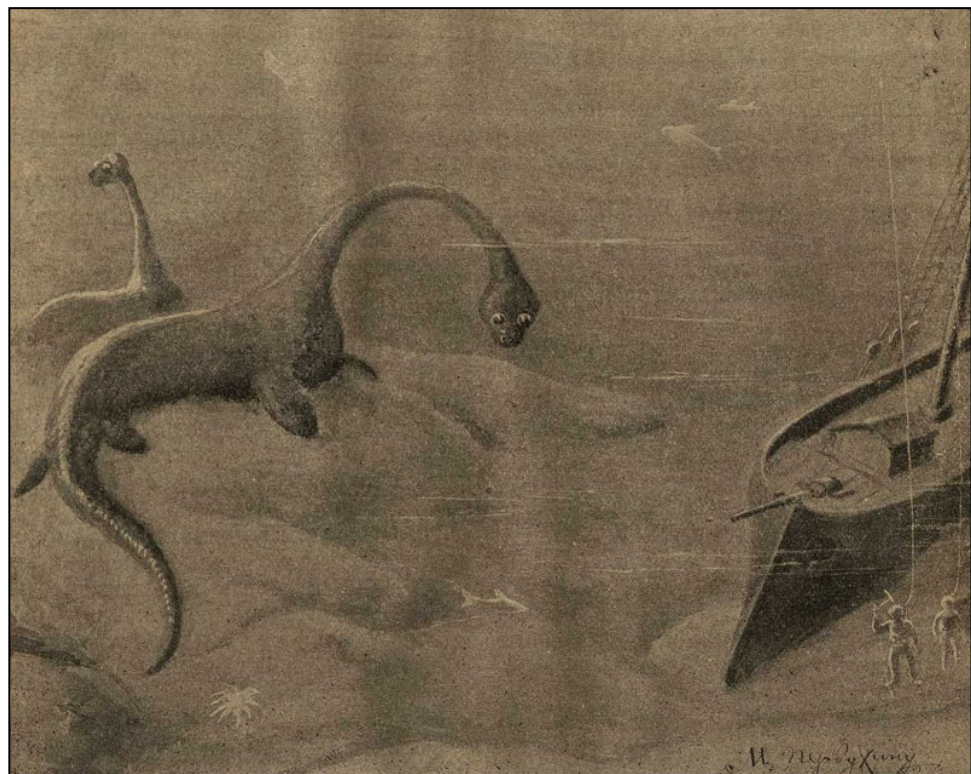
Утес дракона: Палеофантастика русской эмиграции. Сост. и прим. М. Фоменко (Забывтая палеонтологическая фантастика. Том XX). — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2023. — 204 с., илл. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CDXIX).

Палеонтологическая фантастика — это затерянные миры, населенные динозаврами и далекими предками современного человека. Это — захватывающие путешествия сквозь бездны времени и встречи с допотопными чудовищами, чудом дожившими до наших времен. Это — повествования о первобытных людях и жизни созданий, миллионы лет назад превратившихся в ископаемые...

В сборник «Утес дракона» вошли рассказы и повести писателей русской эмиграции, созданные в первой трети XX в.

© М. Fomenko, состав, комментарии, 2023

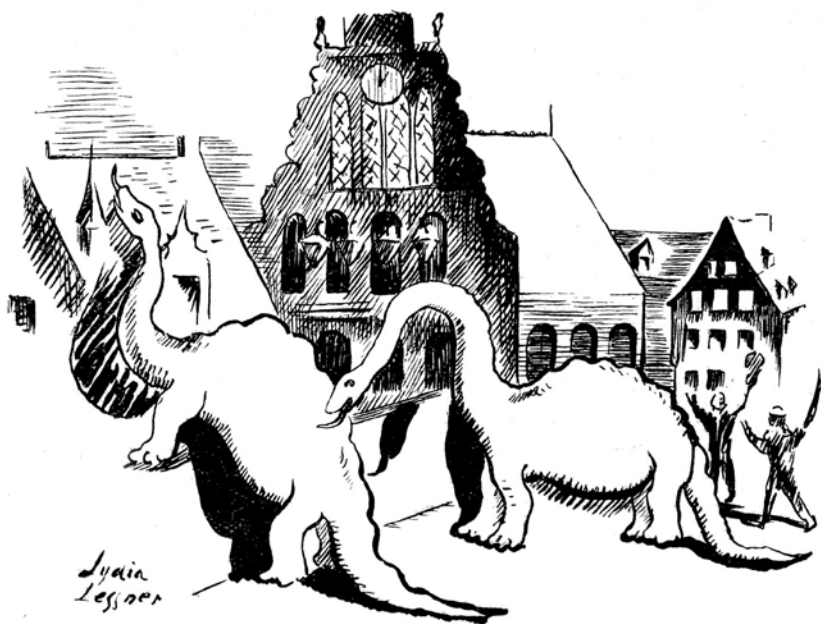
© Salamandra P.V.V., оформление, 2023

УТЕС ДРАКОНА

Иван Лукаш

ГОМУНКУЛУС МЕЛЬХИОРА
КРАУЗЕ

Что луну делают в Гамбурге, это известно всем.

Мастерил ее там на медных шарнирах один косой сапожник, лысый лунатик, и когда его лунный рог выплывал в ночное небо над черепицами Гамбурга, — желтый, как шафран, и ноздреватый, точно кривой и огромный кусок швейцарского сыра, — почтенные граждане говорили:

— Этот чудак-сапожник снова забавляется с луной.

Впрочем, история гамбургской луны настолько известна, что даже стала поговоркой.

А вот историю о Гомункулусе Мельхиора Краузе — голову могу дать в залог — не знает никто.

Между тем, я сам живой свидетель этого любопытного и причудливого происшествия.

Надобно вам сказать, что Мельхиор Краузе — мой друг.

Это тот самый Мельхиор, что очень молчалив и вежлив, держит голову по-птичьи несколько вбок, а на голове у него странные проплешины, точно черт однажды обложил ему череп синими пятаками, да так и пустил гулять в люди.

Поэтому, может быть, он был несчастен в любви и остался холостяком.

Служил он вторым счетоводом в конторе «Якорь», а жил в Старом городе, недалеко от Дома Черноголовых, в узком переулке, в прадедовской лачуге о трех этажах, с крутой лестницей прямо на двор, под самой крышей, в темных каморках.

И был мой Мельхиор тем мечтателем, какие еще не перевелись в Старой Риге...

Я любил бывать на его чердаке под вечер, когда затихает детвора внизу, и старые стены дышат теплом, и в старых каштанах вкрадчивой свежестью шумит ветер с Двины...

Первая каморка стояла пустой — только вешалка да табушет у пыльного зеркала, где можно было увидеть себя лишь при свече и то с кривой мертвецкой рожей. Во второй — стол, кровать и гитара, а третья была вечно заперта на ключ. Там были Мельхиоровы приборы и книги.

Когда он еще веселился буршем в Дерпте, в этих каморках помер его дядя, отставной рижский органист, задумчивый нелюдим, которого пугался весь переулок.

Мельхиор приехал пропивать дядино наследство и...

И бросил университет и застрял в каморках навсегда.

Я слышал стороною, что в пыльной рухляди органиста он нашел какие-то тяжелые книги в переплетах из свиной кожи, с ветхими листьями табачного цвета, изъеденными по краям крысами.

Какие там нашлись книги, я не знаю, но Мельхиор Краузе, второй счетовод рижской конторы «Якорь», стал... чернокнижником и алхимиком.

Алхимик, не правда ли, это дико в наше время, когда Старая Рига и ее старые сказки, и романтики, и вся романтика давно уже вымерли, исчезли, как тихий дым... Но, право, я не виноват, что Мельхиор занялся алхимией.

Он сам мне признался, что ищет золото, философский камень и Гомункулуса.

Я только мог закурить в ответ, хотя и подумал: «Ты, брат, тронулся»... А он ржавым ключом отпер дверь в третью каморку и вынес оттуда пыльную и огромную, как Библия,

книжищу. На ее пожелтевшем заглавном листе был изображен хвостатый дракон, три глобуса и затейливая надпись над ними: **Scientibus et Artibus**.

Я перекинул страницу, и черт знает какая понеслась чужь — квадраты черные, круги и ромбы красные, знаки, знамена, звезды, латинские литеры, сирены и змеи, скелеты и олени о восемнадцати рогах...

— Ее оставил мне дядя. Вот его пометки ногтем на полях. Он тоже искал Гомункулуса...

Теперь я понял, что синие пятна на голове Мельхиора — следы его многих и неудачных алхимических опытов.

— Послушай, мы, может быть, поедem на Взморье или посидим в парке на музыке? — сказал я как можно равнодушнее.

— Дрянь твое Взморье, хуже турецкого барабана музыка, — обиделся Краузе и понес такую ахинею, что я не стал даже слушать. Это было вечером в мае...

И только в августе, в безветренный и теплый вечер, я вспомнил о старом приятеле, и меня потянуло в его узкий переулочек, где стены так долго хранят тепло скупого солнца.

В переулочке — никого. Открыто под самой крышей крошечное окно у Мельхиора. Вечер еще румянит верхние стекла.

Я взбежал по лестнице и с разбегу дернул звонок — один раз, другой. Тишина. В досаде я стал уже сходить с лестницы, и тогда за мною легонько скрипнула дверь.

Мельхиор стоял на пороге со свечой, его глаза рассеянно мигали, точно у птицы, шарахнувшейся из ночной тьмы к огню.

— Что с тобою, Мельхиор, ты точно не узнаешь меня?

— Нет, узнаю... Но уходи, ты мне мешаешь, я занят.

— Отличный прием ... Опять, вероятно, алхимия?

— Да.

Он стоял со свечой в прихожей, у пыльного зеркала. Наши лица отражались в мутной бездне, как две мертвецкие бледные маски.

— А впрочем, если хочешь, останься, — тихо сказал Мельхиор. — Я могу открыться тебе: Гомункулус найден мною.

— Как? — Я попятился к дверям... Гомункулус, искусственный человек, — я читал в энциклопедическом словаре, что алхимики вываривали в котлах пропасть всяческой нечисти и бредили, что так точно из бульона можно выварить нового и совершенно живого человека.

— Нет, зачем же мешать тебе, — хитро сказал я. — Прощай.

— Нет уж, оставайся.

И за рукав потянул меня во вторую каморку.

Стол завален кипами чертежей, карандашными отгрызками, бутылками с отбитыми горлышками, обмазанными какой-то бурой жидкостью, отдающей миндалем.

— А, вот гитара, — присаживаясь на кровать, сказал я только для того, чтобы сказать что-нибудь, чтобы отогнать страх и молчание. — Ты играешь?

— Тсс ... Слышишь?

Он поднял палец. В запертой каморке что-то влажно и мягко сопело, шуршало, как будто там подымалась квашня.

— Это он, — прошептал Мельхиор, — Гомункулус.

— А его не взорвет?

— Нет... Состав девять недель набухает в котле, потом раздается с легким треском и Гомункулус готов... У меня не было алхимического тигеля, я подогревал его просто на керосинке в умывальной чашке.

Мельхиор грустно улыбнулся, и мне стало жалко его.

— Слушай, чужак, все равно, какую чушь коптишь ты на керосинке, но я не оставлю тебя.

— Это не чушь, а Гомункулус. После 49-й алхимической формулы я высчитал знак горения... Потом — кости вола, мышинный мозг, шестнадцать лягушечьих лапок, ртуть, шестьдесят шесть наборов трав, соли — это все пустяки... Главное, что я высчитал знак горения. Слышишь, он бухнет и бухнет уже тринадцатую неделю.

— Ты сумасшедший, Мельхиор, неужели ты думаешь, что у тебя в умывальной чашке родится голый младенец?

— Конечно. Великий алхимик Грегорий Адоратус учил, что Гомункулус в первый день во всем подобен младенцу, а потом становится прекрасным и совершенным, как боже-

ство... Я переверну всю землю, я заселю ее божествами...

И тут легко треснуло что-то, точно хлопущка, и за дверью кто-то влажно чихнул.

Мельхиор встрепенулся:

— Он! Он!

И едва не прошиб головой дверь каморки. И вдруг ахнул, затрясся и через меня, через кровать, через стол нырнул в другой угол.

Я оглянулся... И тут начинается то, чему не советую верить, но свидетелем чему был именно я.

Из темных дверей каморки посунулась плоская змеиная морда на длинной серой шее, в покатых глазах отблески свечи.

Я мигом был под кроватью, под столом, в том углу, где уже трясся Мельхиор. Нас била дрожь, как воробьев под градом.

А из каморки, покачивая, точно верблюд, длинной и голой, в пупышках, шеей, уже вылезал неспешно довольно рослый, раза в два выше меня, новорожденный... ихтиозавр... Да, ихтиозавр, точно такой, каких обычно рисуют в учебниках зоологии.

Его ноздреватый и студенистый горб терся о потолок, провел там темную мокрую полосу.

Ихтиозавр, влажно переступая студенистыми ступнями, пролез в другую дверь. Проверещали по полу позвонки его изогнутого хрящевого хвоста.

— Я... Я... ошибся, — зубы Мельхиора гремели, как кастаньеты, — вместо лягушки сунул жабу, она разрослась в ихти... в ихти...

— Молчи!

Другой ихтиозавр, ростом поменьше, выступал из каморки. Он протатился, как первый, но на пороге наморщилась его змеиная морда, он сочно чихнул, и разом погасла свеча и все заволочло сырым туманом.

Мы лежали на полу ничком. Мы ждали третьего, четвертого, пятого, целый эскадрон ихтиозавров, вылезших из умывальной чашки Мельхиора...

Но из каморки только пахло отсыревшим керосином и

затхлостью, а на лестнице во двор студенисто чавкали, удаляясь, слоновьи ступни чудовищ.

Мельхиор оправился первый. Он перевесился в окно, я заглянул через его голову, похожую на шахматную доску.

Была лунная ночь...

В узком переулке, у белых стен, один за другим важно выступали два серых страшилища, их мокрая обвислая кожа отблескивала при луне металлом. Горбатые тени колыхались до самых крыш.

— Завтра вся Рига сойдет с ума, — едва выговорил я, придерживая рукой дрожащий подбородок. — Мельхиор, что ты наделал? У тебя родилась целая двойня... Нас посадят в тюрьму.

— Их надо убить, — слышишь, — утопить их!..

Эта лунная ночь, узкие переулки, серые чудища — да было ли это, спрашиваю я себя иногда и щиплю за ухо, чтобы убедиться, что было.

Ихтиозавры, кажется, думали от Дома Черноголовых выйти на Известковую, но мы обогнали их... Мы гнались за ними по лунным переулкам, как две черные тени, я с выломанной ножкой стула, Мельхиор почему-то с гитарой.

Мы присели на корточки в конце переулка, замахали руками, ножкой, гитарой и оба вместе прокричали:

— Га-га-га!

Ихтиозавры стали. Кажется, эти студенистые гиганты были трусоваты и глупы, как коровы. Они растерянно поводили своими долгими шеями, а в их выпуклых глазах, как в покатых бутылочных стеклах, горела луна.

На наше счастье, под рукой нашлись куски три кирпича. Они угодили в студенистую грудь. Ихтиозавры довольно проворно повернули обратно.

Так мы загнали их в ту узкую улицу Роз, где нет ни одного окна, а только задние стены. Охота пошла оживленной.

Ловко пущенный последний кирпич заставил ихтиозавров перейти на тяжелую рысь, Они хотели было повернуть к Сейму, но мы загнали их в тот глухой переулок, где есть низкая кирка... Ихтиозавры устали. Потянули морды к кры-

ше и стали слизывать росу. Им, видно, хотелось пить.

— Теперь бей беспощадно, вперед! — скомандовал Мельхиор.

Я зажмурился, бросился за ним... Визжали лопнувшие струны гитары, раза два он задел его и меня, и я, а не ихтиозавр проломил головой гитарную деку... Ножка стула метила по студенистым спинам, я только отфыркивался от брызг.

А когда открыл глаза, передо мной стоял один Мельхиор с гитарным грифом в кулаке.

— А где же ихтиозавры? — спросил я, утирая лицо.

— Вот где, — строго сказал Мельхиор, указав на густой обвисающий с крыши туман, на утреннюю сырость, текущую по старой стене...

— Но ведь это одна сырость, Мельхиор.

— Ну да, мы так приколотили их, что они растаяли вовсе...

И почему-то усмехнулся, бросил гриф на мостовую и, не говоря больше ни слова, повернул к Известковой. Тогда и я бросил свою измочаленную ножку от стула и повернул на Грешную.

И это все о Гомункулусе Мельхиора Краузе. На его доме теперь весело блестят золотые буквы вывески «Бюро пишущих машин».

А где теперь Мельхиор — я не знаю, и об его занятиях алхимией, — если бы даже вы и спрашивали меня, — я ничего больше не могу вам рассказать.

Михаил Первухин

ЗВЕРЬ ИЗ БЕЗДНЫ

ЗВѢРЬ ИЗЪ БЕЗДНЫ.

Разсказъ М. Алазанцева.

Странная была эта компания: кафр Банга, который променял ассегай предков на винчестер и таскал на покрытой жесткими курчавыми черными волосами голове неимоверно дряхлую пробковую каскетку, бозэр Пит Ван-Ховен из Марицбурга, дравшийся с англичанами под знаменами генерала Кронье, а теперь состоявший разведчиком на службе у какой-то английской компании золотых россыпей Родезии, и немец Адольф Бернштейн, специалист по орнитологии, а, кажется, еще больше по части выпивки, и бельгиец Кайо, Анри Кайо, страстный охотник, зачарованный, замороженный могучей волшебницей-природой Южной Африки и ради этой красавицы забывший свою далекую туманную родину.

Бог вестъ, где встретились, где сошлись они, но вот уже несколько лет они странствовали всюду вместе. Если где-нибудь вы встречали толстого, страдающего одышкой герра Адольфа Бернштейна с прячущимися между припухших красных век маленькими глазками, гонящегося за каким-нибудь насекомым с сеткой в руках, то вы могли быть уверены, что где-нибудь поблизости находятся и остальные члены компании. В городе они сидят в темной и прохладной комнатухе грязного «бара». За городом вы отыщете их на какой-нибудь полянке у лениво горящего костерка, на огне которого поджаривается на вертеле тушка только что подстреленного южноафриканского зайца или ворчит, кипятся сердито, старый медный кофейник.

И тогда вы могли бы наблюдать картину: Анри Кайо, задумчиво помешивая обгоревшим сучком головешки в костре, напевает сквозь зубы какой-то старинный романс, го-

ворящий об ивах над сонным каналом, о белокурых голубоглазых девушках, тенью скользящих под угрюмыми сводами старинного готического собора, о белых парусах, маячащих далеко-далеко в морском просторе, о призраках, несущихся с волнами тумана над охваченным дремотой маленьким городком. Рядом сидит, чистя ружье, флегматичный и молчаливый Пит Ван-Ховен. И никто не подумает, глядя на него, что этот человек, сражаясь против англичан, от своих товарищей получил прозвище «истребителя», потому что под его меткими пулями легло в сырую могилу несколько десятков английских солдат.

А кафр Банга, держась несколько в стороне, сидит на корточках, смотрит вдаль странно блестящими глазами и думает. Думает какую-то древнюю, как сам кафрский народ, думу. Видит не то, что расстилается перед глазами, а какие-то странные, кошмарные картины, Бог весть где рождающиеся, плывущие, исчезающие вместе с клубами дыма от умирающего костра, вместе с гаснущими во мгле ночи искрами... И вдруг засмеется. Или вскочит, судорожно сжимая ружье, словно копье, готовясь метнуть его в невидимого для других врага, и крикнет.

Это — слова вызова на смертный бой, насмешки, презрения, кидаемые в лицо крадущемуся в густой траве врагу.

А потом опять опустится на землю, и сидит, охватив мускулистыми руками колени, и как-то качается, словно пьяный.

В общем, это была странная компания, и недаром среди охотников Лимпопо и разведчиков Родезии о всех ее членах говорили, что их всех вместе «связал черт веревочкой».

Весной 1909 года они бродили в окрестностях озера Лунга: Бернштейн получил поручение какой-то берлинской фирмы доставить партию птичьих шкурок, Ван-Ховен воспользовался случаем побродить в непосещаемых еще европейцами областях Южной Африки, Кайо мечтал произвести разведки «на золото» или «на бриллианты» и в тысячный раз толковал товарищам, что мифическое «море

У-Гала» в действительности не что иное, как болота реки Лунга. А ведь всем известно, что когда-то тут, именно у берегов таинственного «моря», было царство негрского Наполеона, Вай-Гути, о богатствах которого ходит столько фантастических легенд. Вай-Гути, отравленный одной из своих жен, по преданию, погребен на дне могучего потока, и в гроб его положены груды драгоценных камней, собиранием которых он и занимался всю жизнь.

— Камень белой воды — ведь это же алмазы! — резонировал бельгиец. — Тяжелый желтый песок — это, конечно, золото. В общем, было бы очень недурно, знаете ли, отыскать место похорон черного царька. Правда, легенда говорит, что при его похоронах было поступлено точно так же, как когда-то при похоронах Аттилы, или как там звался король каких-то готов или вандалов? Знаете, его наследник отвел в сторону русло реки, в дне была вырыта обширная могила. Над гробом Вай-Гути зарезаны все его триста жен, тысяча невольниц и невольников, три тысячи военнопленных. А затем разрушили плотину, и воды потока хлынули вновь на старое русло, смывая горы трупов и хороня под илом гробницу Вай-Гути.

Но ведь было бы, думаю, не так трудно обнаружить то, второе, искусственное русло? Раз вы определите его, то почему же, например, не попытаться вновь отвести воду таинственной реки, а затем обследовать тщательно дно? В общем, если бы найти серьезные указания на близость погребенного сокровища, то ведь без всякого труда можно будет составить компанию капиталистов. Бельгия задыхается от избытка капиталов, не находящих себе применения. Словом, мы все можем сделаться богатыми, да, очень богатыми людьми!

Эти речи выслушивались, надо признаться, довольно равнодушно: едва ли кто из компании знал бы, что делать с деньгами, если бы, в самом деле, подвернулся случай разбогатеть.

У боэра Питера Ван-Ховена во время кровавой распри с англичанами погибли до последнего человека все его родные и близкие люди, на него часто находило нечто вроде

черной меланхолии, и он тогда уходил в пустыню, избегая встречаться с себе подобными, за исключением Банга, Кайо и Бернштейна.

О кафе и говорить не приходилось: он десятки раз мог разбогатеть, потому что у него был какой-то дьявольский нюх на золото, он знал немало уголков, где драгоценный металл можно было без особых затруднений извлекать из недр земли, но он и сам не пользовался этим знанием и другим не желал открывать своих тайн, твердя, что брать золото из земли — страшный грех.

Не знал бы решительно, что делать с богатствами негрского Аттилы, и Бернштейн. Правда, иногда он вслух мечтал о том, что пора бы бросить бродяжническую жизнь, уехать в Германию, купить где-нибудь в окрестностях Гейдельберга, на берегу старика-Рейна, маленькую виллу и поселиться там, доживать последние годы. Комнаты все увешаны трофеями охот в Африке, коллекциями насекомых причудливых, фантастических форм. Пенковая трубка с головой Бисмарка, куда входит за раз чуть ли не четверть фунта душистого табачку. Старый верный друг и неизменный спутник в бродяжестве — сеттер. Камин, где горят, весело потрескивая, поленья сосны или горной ели. Молодая, веселая, ясноглазая, краснощекая певунья и хлопотунья Каролинхен или Марианнхен в качестве домоправительницы... Лихо!

Но на самом деле, когда однажды у Бернштейна скопилось десять или двенадцать тысяч марок и он, распрощавшись с бродяжнической жизнью, решил отправиться на родину, вся компания добралась лишь до Капштадта. Надо было «вспрыснуть дорожку» старику, собирателю насекомых и великому ловцу тропических пернатых.

И они засели вчетвером в каком-то кабаке, и ели, и пили, и пели, и без усталости вспоминали эпизоды охотничьих скитальчеств от мыса Доброй Надежды до Абиссинии. И так длилось до той поры, когда выяснилось, что из денег Бернштейна остается только пара тысяч марок. Хватит запастись новыми ружьями, одеялами, порохом, купить десяток упряжных быков, чтобы вернуться опять в пус-

тыню, приняться за любимое старое ремесло — за охоту и коллекционирование насекомых или ловлю птиц.

Иногда и теперь они вспоминали об этом курьезном эпизоде, причем для краткости говорили о целом периоде своей жизни не без юмора, как о «коллективной поездке в Европу».

Однако фантазия Кайо о сокровищах негрского царька несколько расшевелила их души. Бернштейна заинтересовало сходство южноафриканской легенды, родившейся всего двести лет назад, с легендой о смерти героя дней великого переселения народов, рожденной полторы тысячи лет назад. Ван-Ховену было безразлично, что делать, лишь бы уйти подальше от быстро надвигающейся на юг Африки «белой опасности», как он называл наплыв переселенцев из Европы. А кафру Банга было и подавно решительно все равно, куда идти и что делать: ведь всюду еще найдутся места, куда не проникает «черная полиция», организованная англичанами в южноафриканских колониях. И всюду найдутся полянки в лесу или холмы в степи, где можно развести костер, жарить на нем сайгу или зайца, кипятить кофе, сидеть, задумчиво следя блестящими глазами за уносящимися в темное небо огнистыми искрами, смотреть, как расплываются в теплом воздухе клубы синеватого дыма, так походящие на фантастические призраки, и слушать голоса неведомо откуда, неведомо чьи, — голоса степи и леса, быть может, голоса того, что умерло, что еще не родилось.

И вот все четверо очутились в обширной области болот между реками Кафоз и Лунга, на берегах реки Похади, обратившейся за последние пятьдесят лет в исчезающий во время летних засух ручей, но с тянущимися на бесконечное расстояние топкими болотистыми берегами.

Кайо твердил, что эта речонка и есть тот самый, некогда могучий поток, на дне которого погребен труп африканского Аттилы и его неисчислимые сокровища.

Это случилось пред рассветом.

На ночлег охотники расположились километрах в ста сорока или ста пятидесяти от берегов озера Лунга, на опушке леса, выросшего на берегах реки. За предшествующий день они пробродили достаточно, сильно утомились и были очень довольны, когда Анри Кайо скомандовал остановку.

Собственно говоря, охотники могли отлично переночевать в небольшом кафрском поселке, отстоявшем от их лагеря в одном километре, но Банга запротестовал:

— Кафры области Кафоз — воры! — сказал он. — Они обернут нас до нитки, как бы мы ни сторожили их. Лучше остаться в лесу и держать стражу всю ночь.

И вот пока трое спали, четвертый сторожил.

Перед рассветом Бернштейн сменил дежурившего кафра.

— Ну, иди спать! — сказал он, усаживаясь у костра с тяжелым карабином в руках. — Ничего? Все благополучно? Твои соотечественники не подбирались к лагерю?

— Кафоз — не братья Банга! — отвечал кафр гордо. — Банга — воин, кафоз — воры, шакалы, собаки.

— Ладно, ладно! — засмеялся немец, раскуривая трубку. — Но ты ничего не сказал, как дела? Ничего не слышал?

Какая-то тень промелькнула по лицу кафра.

— Я слышал гул, — сказал он. — Кто-то шел по берегу реки.

— Может быть, «господин леса» — слон? Было бы недурно. Пара хороших клыков всегда стоит десять-пятнадцать фунтов стерлингов.

— Это был не слон.

— Ну, так носорог?

— Носорог ночью не станет бродить в тростниках и вздыхать тяжело. Это был не носорог! — стоял на своем кафр.

— А, черт! — рассердился Бернштейн. — Не слон, не носорог, так кто же?

Негр пожал плечами:

— Почему я знаю? — сказал он. — Белые — ученые. Они все знают. Они такие умные, что даже в трубу видят, как первый человек и его жена гуляют в своем саду на луне...

— Банга, не будь ослом! — прикрикнул Бернштейн. — Ты что-то знаешь, но виляешь хвостом. Говори прямо: что ты думаешь?

Банга пробормотал что-то очень похожее на проклятие.

Потом он сказал, не глядя на Бернштейна:

— Я уйду отсюда. Это место — проклятое место. Здесь бродит дух болот Лунга. Он знает о нашем приходе, и он гневается на нас. Нам грозит опасность.

— Ты трусил? — засмеялся немец, безмятежно покури-
вая.

— Я никогда не боялся! — гордо ответил Банга. — Спроси Ван-Ховена, я был рядом с ним, когда шел бой при Блум-фонтейне. Спроси, показал ли Банга англичанам свою спину, или же дрался с ними, как храбрый муж?

— То было раннею весною! — засмеялся немец.

Задетый за живое, Банга ударил себя в грудь кулаком с такой силой, что грудь, казалось, загудела.

— Разве не я, Банга, встретив на берегах Лимпопо большого льва, который терзал быка боэра Ван-Стаада, подошел к нему вплотную, хотя у меня в руках было только два ассегая? Шкура этого льва до сих пор висит на стене зала дома Ван-Стаада. Кто убил его? — Банга. Каким оружием? Одним ударом ассегая.

Разве не я, Банга, когда был почти ребенком и служил в армии Цитевайо, убил носорога, который собирался затоптать великого вождя зулусов?

— Да что ты расписываешь мне свои подвиги? Знаю, знаю! — по-прежнему добродушно посмеиваясь, отозвался Бернштейн. — Все это хорошо. Но вот плюхнул кто-то в воду ночью, и у тебя душа ушла в пятки. И ты готов бросить нас и улепетнуть.

— Я буду драться со всяким живым существом. Один на один, — гордо отозвался кафр. — Но драться с «духом болот Лунга» кто сможет? Когда ты бросаешь в него копье, оно, ударяясь о тело его, звенит, как при ударе о камень или о металлический щит. Когда ты убегаешь от него, он, оставая неподвижным тело свое, только вытягивает язык и шею и настигает быстро скачущего коня за полкилометра.

—Ого! Длинная шея, должно быть. Если твой «дух болот Лунга» носит крахмальные воротнички, то прачкам в этой местности есть над чем повозиться. Дальше!

— Когда он, дух болот, видит хижину кафра, стоящую на пути его, одним ударом длинного хвоста дух сметает эту хижину с места, убивая одновременно всех, кто спит под кровлей этой хижины.

— Хорош хвостик!

— И когда ты вздумаешь стрелять в него, он только поглядит на тебя зелеными глазами, и пуля падает, не долетев до него.

— Уф, как страшно! Шея питона. Голова и хвост крокодила. Туловище с гору. А про крылья ты забыл упомянуть?

— Какие крылья? — недоверчиво отозвался Банга. — Те, которые видели «духа болот Лунга», никогда не говорили ничего о крыльях. Они говорили, что у него огромное туловище, напоминающее тушу гиппопотама или слона. И еще на носу рог.

— Стой! — заинтересовался Бернштейн. — Я думал, ты рассказываешь попросту одну из ваших глупых кафрских сказок. Но сейчас ты сказал: те, которые видели... Значит, этого «духа» видел кто-нибудь?

— Люди! — ответил кратко Банга, кратко и угрюмо.

— Положим, с поправкой, кафры. Но дальше: ты, лично ты знал кого-нибудь из тех, которые видели этого «духа»? Или это — ваша проклятая страсть к пустой болтовне? Я ведь знаю вас! Когда вы сидите у костров по ночам, в ожидании ужина, вы забавляетесь тем, что плетете небывальщину, рассказываете сказки, одну другой фантастичнее. Разве ты сам не рассказывал, я слышал это собственными ушами, как однажды ветром подхватило твоего старшего брата и закинуло на луну, где он подрался со сторожившим свой сад «первым человеком» и украл у его жены пояс с медными бляхами, а потом по веревке спустился на землю?

— То — сказка, и каждый знает, что у костра люди просто болтают. О «духе болот Лунга» лгать нельзя: он проглотит лжеца! А людей, которые своими глазами видели ду-

ха, я знал. Один был из племени Кафоз...

— Которых ты сам рекомендуешь за отчаянных воров?

— Но он не был лжецом. Он «ел песок», когда рассказывал мне об этом.

— А другой?

— Другой был моим побратимом. Его убил «дух болот Лунга».

— Что такое? — поднял испытующий взор на собеседника немец. — Хвостом, что ли, этот дух убил твоего побратима?

— Нет. Он убил его глазами.

— Ну что за чушь ты городишь?! — возмутился Бернштейн. — Убил глазами? Как это может быть?

Банга как-то закачался всем телом.

— Ты — белый. Ты не поймешь этого! — пробормотал он.

— А ты попробуй. Может быть, мои деревянные мозги как-нибудь понатужатся и поймут вашу кафрскую премудрость.

— Мой побратим был смел, как лев, и силен, как буйвол, — начал немного нараспев Банга.

— Дальше!

— Но он был недостаточно осторожен, он смеялся, когда при нем говорили о «духе болот», обитающем между реками Лунга и Кафоз, у тростников озера Лунга. И дух покарал его за это. Однажды мой побратим стоял на берегу одной реки, может быть, совсем близко от этого места, где находимся мы, и глядел на воду. И вот вода вдруг закипела, и оттуда высунулась страшная голова, схожая с головой крокодила, с выпуклыми зелеными глазами, с ужасной пастью, с длинным и гибким змеиным языком и с рогом на носу. А зеленые глаза глядели на моего побратима, и ужас сковал все члены его тела, и не слушались его ноги и руки. Он хотел бросить в чудовище ассегам, но рука не поднялась. Он хотел бежать, но ноги словно приросли к земле. Он пытался крикнуть, но его голос умер...

— А дальше?

— А дальше «дух» нырнул, вынырнул за несколько десятков саженей, во мгновение ока схватил подошедшего к

воде вола поперек тела и исчез. А мой брат пришел в себя, побежал. Но он умер через неделю, потому что тот, на кого взглянули глаза «духа вод», не переживает этого. Кровь свертывается в жилах и застывает. Сердце распухает и потом рассыпается порошком...

— Фу-у, черт! — ответил Бернштейн. — Что-то ужасно-нелепое, что-то положительно дикое. Если бы я не знал тебя добрых десять лет, я подумал бы, что ты дурачишь мне голову. Но теперь вижу, что по крайней мере ты сам искренне веришь во всю эту чертовщину. Если и ерундишь, то, так сказать, добросовестно!

Кафр не отвечал.

Уже несколько секунд он, вскочив на ноги, стоял, прислушиваясь к чему-то. Карабин в его правой руке дрожал.

— Идет «дух вод», «дух болот Лунга»! — пробормотал он.

Почти в то же мгновенье до слуха Бернштейна донесся со стороны поселка кафров глухой удар, треск, человеческий вопль, потом понеслись хаотические звуки — крик нескольких десятков перепуганных голосов, ружейные выстрелы, мычание скота.

Бернштейн, в свою очередь, вскочил, сжимая карабин.

— Нападение на деревню! — сказал он. — Кто-нибудь подкрался во мгле, и вот...

Кайо и Ван-Ховен, лежавшие под теплыми одеялами в стороне от костра, в свою очередь поднялись и присоединились к бодрствующим.

Все четверо держали ружья наготове, опасаясь, что и им, в свою очередь, придется защищаться от нападения неведомого врага.

А в деревне по-прежнему слышались крики, воздух прорезал отчаянный женский вопль, опять хлопнуло два-три выстрела, потом все смолкло. Но через пять минут в кустах опушки послышался треск сучьев, торопливые шаги бегущих, продаирающихся через колючее «держи-дерево» людей. Замелькали какие-то темные фигуры, скользившие теньями.

— Кто идет? Стой! Буду стрелять! — крикнул Ван-Ховен по-кафрски, поднимая свое тяжелое ружье.

— О, белые люди! О-о-о! Добрые белые люди с большими ружьями! — послышался из кустов плачущий голос.

— Не стреляйте! Мы — мирные люди! Мы спасаем свою жизнь!

— Добрые белые люди с длинными ружьями защитят нас! О-о-о!

Заплакал визгливо ребенок, потом залился удушливым кашлем.

— Идите сюда! Что случилось? На вашу деревню напали? Их много? Как они вооружены? — посылал в кусты вопросы Анри Кайо, опуская ружье.

— О-о-о! Один, только один. Но он страшный, он непобедимый, всесильный... Своим хвостом он убил трех воинов. Он разрушил хижину старшины до основания. Там было одиннадцать человек, и все, все погибли. И он сидит там, и он пожирает трупы.

— Что такое? Кто это «он»? — воззрился Кайо, ничего не понимая.

— «Дух вод». Страшный «дух болот Лунга», тот, у которого голова и хвост крокодила, шея змеи, туловище речной лошади. Он, тело которого полкилометра, а в пасть поместится годовалый бык...

Кайо не выдержал и захохотал как безумный.

— Ох-о-хо! — чуть не катался он по земле. — Ха-ха-ха! Голова... ха-ха- ха!.. тигра... Нет, голова и хвост крокодила, зубы кита... Ха-ха-ха! Вот никогда не думал, чтобы негры были до такой степени трусливы! Кому-то во тьме померещилось что-то. Ствол дерева, что ли...

— Не смейся, масса! — подошел к нему Банга. — Не смейся. Это — не бревно, не ствол дерева, как ты говоришь. Это «дух вод».

Кайо обернулся живо к старому товарищу по сотням охот.

— И ты веришь в эту глупость? — сказал он.

В это время с той стороны, где в предрассветной мгле смутно виднелись очертания хижин деревни кафров, опять послышался гул и треск, потом...

Потом над сонной рекой, над притаившимися тростниками и дремлющим лесом понеслись могучим потоком волны каких-то странных, необычайных звуков. Казалось, кто-то огромный, непомерно сильный и властный, ударил в колоссальный барабан, оборвал дробь, потом зарокотал, все усиливая и усиливая зычный крик, покуда он не превратился в неистовый, напоминающий раскаты грома рев. И опять оборвались звуки. Наступила мертвая тишина.

Зато ожил лес. Тысячи голосов перепуганных птиц, мечущихся по ветвям обезьян, разбегающихся в высокой траве мелких ночных животных наполнили дремучий лес гоном и стоном.

И, казалось, лесу отозвались тревожным, испуганным, молящим о пощаде шепотом тростники.

Трое белых невольно сдвинулись поближе друг к другу. Банга упал на землю, выронив ружье, и лежал, уткнувшись лицом в песок.

Но мало-помалу все успокоилось. Смолк лес, стих шепот тростников. Только у самого костра раздавались странные, жалобные звуки: кто-то плакал, всхлипывая.

Опомнившийся первым, Кайо шагнул к костру и в недоумении остановился: у самых его ног на песке копошилось крошечное, напоминающее обезьянку существо, дрожащее всем телом.

— С прибавлением семейства! — хрипло рассмеялся он.

— Что такое? — откликнулся, тщетно ища упавшие очки, немец.

— У нас ребенок. Кафрское дитя. Очевидно, кто-то потерял его.

Ван-Ховен оглянулся, ища глазами только что стоявших здесь кафров, бежавших обитателей деревушки. Но их не было: они разбежались, может быть, расползлись по траве, по лесу, когда от деревни донесся загадочный рев неведомого животного, напоминающий раскаты грома, грохот тысячи барабанов. И о том, что кафры были только несколько секунд назад здесь, говорило присутствие оброненного, плачущего ребенка.

— Черт знает что такое! — выругался Кайо.

— Не надо... Не надо произносить имени дьявола в такой час! — отозвался наставительно Ван-Ховен. — Кто знает, может быть, он близок к нам.

— Кто? Идиотский «дух вод»? — спросил Кайо.

— Он, тот, чье имя ты сейчас упомянул. Ну, дух зла!

Кайо побледнел и оглянулся. Потом рассмеялся, но смех его звучал резко-фальшиво.

— Солнце! Слава Богу! — минуту спустя заговорил Ван-Ховен.

В самом деле, ночь прошла, из-за горизонта как-то сразу, стремительно выкатилось лучезарное светило дня. В воздухе уже замелькали разноцветными искрами бесчисленные насекомые. Стайка крошечных крикливых попугаев шумно вспорхнула и пронеслась над рекой, словно купаясь в волнах клубящегося тумана. Откуда-то донеслось жалобное мычанье коровы. Потом из кустов вдруг вынырнуло нагое темнокожее существо и упало к ногам Ван-Ховена с криком:

— О, белый, о, великий охотник! Отдай мне моего ребенка.

* * *

Это была беглянка, мать подобранного Ван-Ховеном у костра кафрского мальчугана.

С наступлением дня как-то быстро потускнели, исчезли кошмарные страхи, словно ночь, уйдя, унесла с собою свои фантастические призраки.

Но, понятно, за завтраком все время говорили о ночном переполохе.

Общее мнение трех белых было таково, что вся история — результат дикости и невежества кафров, их экзальтации, их склонности объяснять самые обычные явления окружающей жизни вмешательством сверхъестественных сил.

— Они — отчаянные луны! — твердил Кайо, раскуривая сигару. — В целом мире не существует народа, столь бо-

гатого сказками, как эти черные племена Кафэ. У них даже устраиваются преоригинальнейшие состязания лунов-артистов. На эти турниры сходятся за сотни и сотни миль прославленные мастера лганья. Что же удивительного, что мало-помалу и сами они перестают разбираться в паутине ими же сочиненных сказок, перестают отличать реальное от фантастического, существующее от выдуманного? И вот, когда ночью кто-нибудь со сна заорал благим матом и вылетел кубарем из своего шалаша, уверяя, что видел этого идиотского дракона или как там они его еще называют, то остальным стало мерещиться Бог знает что. Началась повальная паника. А известно, что это — чрезвычайно благоприятные условия для развития так называемой «массовой галлюцинации».

— Так! Ладно! — резюмировал речь товарища Бернштейн. — Но, надеюсь, мы-то не были подвержены этой вашей «массовой галлюцинации»?

— Да, но мы и не видели ведь ничего! — отпарировал нападение немца Анри Кайо.

— И не слышали? — засмеялся Бернштейн.

Кайо несколько смутился: он вспомнил о том странном звуке, напоминавшем отдаленные раскаты грома, которые слышались перед восходом солнца.

— Звуки? Ах, Боже мой!.. Ну, звуки... Какой вы ребенок, уважаемый товарищ! Какой-нибудь оранг-утанг...

— На острове Борнео? — засмеялся немец.

— Н-ну, я обмолвился. Какая-нибудь горилла, гиппопотам, что-нибудь в этом роде.

Немец опять засмеялся:

— Звуки, которые издает горилла, разве мы не слышали их, когда бродили по дебрям бельгийского Конго? Да, нечто похожее, согласен. Но, мосье Кайо, та горилла, которая кричала этой ночью, должна обладать чудовищной глоткой. Примерно в десять раз большей, чем обыкновенная. Во всяком случае, мы должны бы расследовать это дело. В существование какого-то ублюдка, среднего между крокодилом, слоном и гиппопотамом я, разумеется, не верю. Но в этой глуши, куда европейцы еще почти не проникали, мы

можем наткнуться на животное, которое еще никем не классифицировано. Во всяком случае я, повторяю, с своей стороны дорого дал бы за возможность поглядеть на напугавшего кафров зверя хоть одним глазом, и я предлагаю отправиться на место происшествия.

— Я не пойду! — откликнулся угрюмо Банга. — Я не хочу, чтобы зеленые глаза «духа болот Лунга» выпили мою душу!

— Вы выражаетесь весьма образно! — засмеялся Кайо. — Но, конечно, если у вас душа ушла в пятки...

Кафр блеснул глазами.

— Я готов сражаться со всяким живым существом! — крикнул он. — Но не с призраком. Но не со «злым духом». Я сказал!

И он уселся у потухшего костра.

Трое белых поднялись и тронулись путь к деревне. Оглянувшись, они увидели, что кафр сидит, словно не живой человек, а каменное изваяние.

— Банга! — крикнул ему Бернштейн.

— Оставь его. Он — трус, — вмешался Кайо.

И они пошли.

Десять минут спустя, несколько отставший Бернштейн услышал легкий треск в стороне от тропинки, по которой подвигался маленький отряд. Инстинктивно немец схватился за ружье, но сейчас же опустил его: перед ним стоял Банга.

— Ты не пойдешь туда! — сказал кафр немцу. — Не ходи. Ты никогда не оскорблял меня. Ты подарил мне свои часы, и ты давал мне деньги на покупку одеял, когда я пропывал все. Не ходи туда, где ты погибнешь!

— Ты с ума сошел? — возмутился немец. — Если ты струсил, то, думаешь, должен струсить и я?

И он, тяжело ступая, пошел за скрывавшимся уже за поворотом дорожки Кайо.

Мгновение спустя, кафр шел рядом с ним.

— Ты этого хочешь, и я иду с вами! — сказал он. — Но помни: Банга предупреждал вас! Кровь ваша на ваших глазах! Руки Банга чисты...

— Разумеется, разумеется! — засмеялся немец. — Но ты напрасно беспокоишься, парень! О нашей крови и речи быть не может. Наши ружья заряжены коническими разрывными пулями, которые пробьют любую броню крокодила и разнесут его тушу. Нас четверо. И, наконец, ведь это же все — дикая фантазия, не больше. Держу пари, что, в крайнем случае, мы обнаружим следы какого-нибудь старого помещавшегося слона-отшельника. Одно только и смущает меня, эти действительно загадочные звуки. Но какое-нибудь объяснение, конечно, найдется. Я подразумеваю разумное, естественное, научное, основанное на реальных фактах объяснение.

Банга не отвечал. Он шел или, правильнее, скользил рядом с немцем. Его лицо было угрюмо, зубы стиснуты.

Деревушка кафров, где ночью разыгрался переполох, состояла из двух десятков характерных, напоминающих пчелиные ульи хижин, сплетенных из стволов тростника и обмазанных илом и грязью реки. Тут не было ни единой живой человеческой души: деревушка была покинута своими обитателями на произвол судьбы.

По улице бегала, заливаясь тревожным визгливым лаем, небольшая остроухая собачонка, наружность которой неопровержимо свидетельствовала о ее родстве с лисицей, да из какого-то хлева доносилось жалобное мычанье, должно быть, голодной коровы, тщетно ждущей своих хозяев. Бернштейн подошел к хлеву, распахнул ворота, и довольно тощая кафрская «буренушка» с радостным мычаньем неуклюжим галопом вынеслась на двор, потом метнулась в перелесок, где сейчас же принялась поглощать сочную траву.

— Это произошло, должно быть, здесь! — сказал Бернштейн, показывая в ту сторону, где валялась груда обломков, словно сложенный большой костер, — остатки развалившейся кафрской хижины.

Невольно все подобралось, как-то инстинктивно приблизились друг к другу, но все же подошли к развалинам.

— Человек! — произнес зловещим шепотом Кайо.

— Труп! — отозвался Бернштейн.

В самом деле, под обломками виден был нагой человеческий труп. Собственно, обломками были завалены только голова и грудь. Живот и ноги были свободны, но над ними вилась уже целая стая мух, буквально облепивших тело. Они жужжали на все лады, они то поднимались в воздух, то снова садились на разлагающееся тело.

— Фу, гадость! — пробормотал экспансивный Кайо.

Бернштейн молча подошел к трупу, прикладом ружья сбросил обломки затвердевшего, как камень, ила и щепу, потом, не прикасаясь руками к трупу, перевернул его.

— Ну, видишь? — сказал наблюдавший его работу Кайо. — Труп без наружных ран. Если бы катастрофа была причинена каким-нибудь зверем, то, разумеется, кафр был бы наполовину съеден. Просто его раздавило рухнувшей постройкой.

Бернштейн, не отвечая, шагнул в сторону.

— Посмотрите сюда! — сказал он странным, изменившимся голосом.

Невольно крик вырвался из груди Анри Кайо. Бельгиец даже попятился.

— Что это? Что такое? Голова? Одна голова, словно отрезанная от туловища? — пробормотал он.

И потом добавил, содрогаясь:

— Какой ужас!..

В самом деле, его взору представилось ужасное зрелище: на земле, обильно пропитанной уже почерневшей кровью, стояла человеческая голова, голова негра.

Должно быть, это был сильный, атлетически сложенный, свирепый человек: голова была огромная, с резкими и грубыми чертами лица. Вместо глаз были видны только страшно выпученные белки. Рот широко раскрыт, искажен гримасой, и показывал два ряда мелких, острых белых зубов. Короткие сильно курчавящиеся волосы тронуты сединой. На искаженном лице застыло выражение неукротимой ярости и в то же время ужаса.

Голова стояла как-то боком, опираясь об осколки камня и изломанные прутья обрубок шеи. Когда Бернштейн слегка прикоснулся ложем ружья ко лбу, голова подалась,

упала набок, покатила в какую-то ямку, словно огромный безобразный мяч, и мелькали в воздухе то свирепые глядящие на пришельцев мертвые глаза, то тупой широкий затылок со старым заросшим рубцом. Потом голова покорно легла среди обломков, как в могиле, выставив вверх обрубков шеи, клочья почти черной кожи, обрывки мускулов и жил, осколки раздробленной кости.

В общем, зрелище было так ужасно, что не выдержали даже закаленные нервы Бернштейна. Он содрогался всем телом и, отвернувшись, отошел в сторону.

Дальнейший осмотр поселка кафров выяснил, что разрушена еще одна хижина или, правильнее сказать, сильно повреждена: в ее грибообразной соломенной крыше на высоте около двух метров от земли было проломлено круглое отверстие диаметром в метр с лишним. На полу хижины виднелись лужи крови, кровавые следы были видны и на крыше у краев отверстия, как будто сквозь дыру протаскивали труп. Земля у хижины истоптана, покрыта разнообразнейшими следами: отпечатки босой человеческой ступни, ямки, врезанные в почву копытцами мелкорослой лошади, следы ног поросенка и козы.

От этой хижины начинался спуск к песчаной отмели реки, и охотникам не представилось большого труда отыскать на склоне своеобразную дорожку: какое-то животное протопталось здесь, ломая на своем пути жидкую изгородь, притаптывая траву и сваливая молоденькие деревца. Здесь и там можно было различить и следы, как будто от ног: это были полуовальные ямы.

— Черт знает что такое! — бормотал озабоченно Бернштейн, разглядывая следы.

— Несомненно, *оно* прошло тут, а вот место, где оно спустилось в воду. Значит, животное, так сказать, земноводное: гиппопотам или крокодил. Но следы, следы... У меня голова идет кругом: ноги «речной лошади» и лапы крокодила ведь дают совершенно иные отпечатки.

— Ну, ты зоолог, орнитолог, инсектолог! — засмеялся легкомысленно Анри Кайо. — Тебе все-таки мерещатся какие-то призраки, хотя ночь-то — ау! — ушла! Это — вовсе

не следы лап. Негры собирались сажать деревья, патаны, вырыли ямы, и больше ничего. А ты принимаешь это за следы какого-то животного.

Бернштейн хотел что-то возразить, но только оглядел приятеля насмешливым взглядом, потом опять отправился осматривать покинутый кафрами поселок.

— Туловище безволосое! — бормотал он. — Если бы были волосы, то, вне всякого сомнения, хоть клочок шерсти остался бы на кольях и перекладинах изгороди, на обломках разрушенной хижины, на стволах свалившихся деревьев. Но ничего нет. Отсюда вывод: туловище безволосое. Оно должно иметь огромные размеры, ибо след от волочившегося по траве брюха больше двух метров, но ведь едва ли животное, идя, распластывалось совсем по земле, значит, диаметр туловища должен значительно превышать два метра. Получается что-то действительно чудовищное!

Хвост... Да, несомненно, есть хвост. Вот его следы.

Но что же, что за зверь это?

Ба! Где я видел такие следы? Да, да, вспомнил. На островах Тихого океана, где собираются моржи и тюлени. Совершенно верно. Животное, должно быть, ластоное. Гигантский морж, колоссальный тюлень. Кстати, этим объясняется и отсутствие отпечатков когтей. У него нечто вроде плавников, но огромных, сверхъестественных размеров. Но, действительно, я не могу припомнить ни единого животного, известного зоологам, которое подходило бы в данном случае. Надо, непременно надо расследовать. Может быть, удастся открыть что-нибудь... изумительное!

— Будет тебе колдовать, старый ворчун! — окликнул его проголодавшийся бельгиец. — Банга раздобыл козленка, у нас будет отличный обед. Иди сюда!

И Бернштейн прекратил свои исследования.

Два дня охотники оставались в покинутой кафрской деревушке, бродя днем по ее окрестностям, а на ночь возвращаясь в поселок. Для ночлега они избрали наибольшую из пустых хижин, окруженную изгородью из непроходимой чащи колючих кустарников. Само собой разумеется, по ночам держали стражу, опасаясь какой-нибудь случайности.

Но и дни и ночи проходили совершенно спокойно, никто и ничто не тревожило искателей приключений.

В конце концов, это становилось скучным, и Анри Кайо запротестовал против дальнейшего пребывания на этом месте.

— Спустимся ближе к «великому озеру»! — твердил он. — Мне кажется, я-таки нашел место, где на дне реки мог быть похоронен со своими сокровищами кафрский царек. Надо будет произвести кое-какие расследования. А здесь тоска смертная. Не очень я люблю кафров, по мне, как-то не по себе в этой брошенной идиотами чернокожими деревушке. Перетрусили черт знает из-за каких-то собственных диких фантазий, удрали, покинув на произвол судьбы дома, утварь, имущество. Право, кретины!

— А следы? А трупы? Ты это забыл? — проворчал Бернштейн.

— Трупы?! — возмутился бельгиец. — Как будто эти дикари не устраивают кровавых побоищ? Какой-нибудь разбойник ночью пробрался в шалаш своего врага, отрубил ему голову, — вот и все!

— А туловище? Куда оно девалось?

Кайо захохотал.

— Господи, какие мы-то идиоты! Да ведь мы видели сначала один труп, потом только голову. Ясно, что тут вышло нечто вроде поединка. Оба дуэлиста с черными шкурами пали в бою. Труп одного из них утащили шакалы, гиены. Наконец, какой-нибудь леопард или что-нибудь в этом роде. А мы ломаем голову!

— А следы? — стоял на своем Бернштейн. — Чем ты объясняешь?

— Да ничем не объясняю. Потому что никакого отношения к делу эти ваши пресловутые следы не имеют. К черту! Повторяю, это становится скучным, и я настаиваю на продолжении розысков «черного Аттилы» вниз по течению. Ван-Ховен! Ты как думаешь? Пойдем?

Бозр молча кивнул головой.

— Итак, в путь. Тра-та-та, та-та, тра-та-та! — весело запел неутомонный бельгиец и поднялся с места.

Часа два спустя, они были уже за три километра от покинутой деревушки кафров. Их было уже не четверо, а пятеро: между людьми вертелась, выделявая курбеты, рыженькая остроухая собачонка, удивительно напоминающая красивую лисичку.

Добродушное животное, соблазненное щедрыми подачками белых охотников, сразу привязалось к ним и теперь шло вместе с ними, по временам исчезая в густой и сочной прибрежной траве, по временам оглашая напоенный зноем и ароматом растений воздух звонким и задорным лаем.

* * *

Прошло полторы недели.

Четверо друзей искрестили территорию между устьями рек Лунга и Кафоз у впадения этих рек в «великое озеро», охотясь за газелями, собирая коллекцию птичьих шкурок, препарировкой которых занимался с исключительной любовью Бернштейн. Ван-Ховену посчастливилось: под его бьющее без промаху длинноствольное ружье подвернулся средней величины молодой слон с великолепными клыками, которые и достались в добычу охотнику. Нетерпеливому бельгийцу уже надоели розыски сокровищ «черного Аттилы», и он потолковывал о том, что здесь становится достаточно скучно и что было бы недурно вернуться на территорию бывшей Оранжевой республики, пробраться в Родезию, побродить по золотоносным полям. Может быть, где-нибудь удастся наткнуться на золотой песок и приняться за добывание золота. И бельгиец приставал к утрюмо молчавшему кафру:

— Ведь ты же знаешь месторождения золота? Знаешь, где его можно намывать из песков какого-нибудь ручья, и знаешь, где можно разрабатывать настоящее жильное золото. Почему же ты не поделишься с нами этими тайнами? Все равно, когда-нибудь кто-нибудь наткнется на эти твои

тайники и обогатится. Почему же тебе не помочь нам, твоим старым друзьям?

Банга долго отмалчивался, потом как-то вспылил:

— Потому не хочу сказать тебе своего секрета, что, когда белый видит золото, он сходит с ума. Он пьянеет, пьянеет от вида золота, как кафр пьянеет от рома. И на что нам золото? Ружья есть, порох и пули в изобилии, мы — свободные люди. А тогда вы все трое станете гнуть спины, разрывая грудь земли, оскверняя ее. Нет, я ничего не скажу.

— Идиот! — ругался Анри Кайо. — Существа низшей расы, полулюди! Погодите, черти: цивилизация нахлынет сюда потоком и сотрет вас с лица земли. Или... или заставит, наконец, работать!

Лицо кафра побледнело или, правильнее сказать, посерело.

— Да, белые придут, придут и сюда! — сказал он дрожащим голосом. — Когда-то здесь жили могучие племена черных воинов, вольные люди. Но пришли вы, белые, и где теперь те великие бойцы, кликами которых от сотворения мира оглашалась наша земля?

Пришли сначала голландцы. Они были людьми с каменными сердцами, они истребляли и порабощали черных. Потом пришли англичане, принялись истреблять голландцев, но скоро примирились с ними и вместе принялись истреблять моих братьев. Где были великие степи — там теперь стоят фермы буров и англичан. На берегах рек лагеря золотоискателей. Топор валит вековые деревья, обнажая землю. Железным плугом рвете вы грудь земли, роетесь в ее недрах, словно черви. И вы порабощаете всех черных. Вы загоняете их в непроходимые дебри, где они умирают голодной смертью. Вы обращаете их в своих рабов.

Нет рыбы в реках: вы выловили или распугали ее. Нет дичи в степях: вы истребили ее. Где «господин леса» — слон? Вы скоро убьете последнего «господина леса», чтобы из его могучих клыков наделать детских побрякушек. Исчезает красавица-жирафа. Редок становится носорог. Сгинули стада диких буйволов. Редуют стаи птиц, оживлявших

лес. Только обезьян вы еще не истребили. Почему? Почему вы сберегаете их? Я знаю!

— Почему? Скажи, это интересно! — улыбнулся Анри Кайо.

— Потому что вы рассчитываете и их, как кафров и готтентотов, обратить в рабство.

— Ха-ха-ха!

— Не смейся. Вы хотите и их заставить работать для вас, собирать плоды с деревьев, спускаться в пропасти, в вырытые вами в земле ямы, где вы ищете золото и драгоценные камни!

— Хо-хо-хо! — уже положительно катался по земле Анри Кайо. — Блестящая идея! Собрать целую армию обезьян, вымуштровать их, обучить работать, и... Живи себе плантатором, заботясь только о том, чтобы четверорукие рабочие не слишком много воровали. Напиваться, как напиваются негры, обезьяны не будут. Одевать их нет надобности, по крайней мере, покуда не вмешаются миссионеры и во имя внедрения добронравия не потребуют, чтобы на самцов шимпанзе натянули панталоны по образцу зуавов, а их верных подруг одели бы в платица. Ха-ха-ха!

— Не смейся, белый! — угрюмо сказал Банга, отошел в сторону и стал на небольшом пригорке, застыв в позе часового, напоминая своей неподвижностью великолепную бронзовую статую.

— Не дразни его, Кайо! — вмешался Бернштейн. — Банга — верный, испытанный друг. И знаешь что? Ведь в самом деле, в его словах много правды. Разве не на наших глазах идет расхищение колоссальных природных богатств Африки? Разве действительно не белый человек обращает в пустыню все, все те земли, куда только ему удастся проникнуть?

— Вздор, чистейший вздор! — запротестовал бельгиец. — На первых порах, понятно, идет хищническое истребление природных запасов. Но ведь с наплывом рабочего элемента картина меняется.

Здесь вырастут огромные города, куда будет приходить из переполненной уже населением Европы все молодое,

сильное, смелое, работоспособное, чтобы строить свою жизнь на новых началах. Правда, идет лесостребление. Но на месте непроходимых лесов, где ютились всякие ядовитые твари, вырастают пашни, продуктами которых будут кормиться сотни миллионов людей. Мы оскверняем природу? Мы насилуем ее? Что за дикий вздор?! Мы только берем у нее то, что она накопляла для человека. Правда, неграм приходится круто. Согласен. Но они заслужили эту участь. Африка могла бы тысячелетия назад стать раем земным, но негры знали только одно искусство: колотить друг друга дубинами по головам или перепиливать друг другу глотки.

Что делали еще двадцать лет назад корольки Дагомеи, обладатели знаменитой армии амазонок? На похоронах какого-нибудь Лулу или Пугу убивали сразу пять, десять тысяч пленных. Человеческие жертвоприношения, людоедство... Пфуй, позор! Да, белый скрутит черного. Но он даст в руки разбойнику лопату и скажет: «Работай! Или умирай с голоду!» Он научит миллионы тунеядцев и паразитов, влачащих жалкое существование пасынков природы, пользоваться ее благами, ткать, прясть, возделывать землю, строить гигиенические жилища, проводить дороги через ныне непроходимые топи, прорубать просеки в дебрях.

К черту слонов и носорогов: они, конечно, обречены на истребление, потому что один слон потребляет столько растительной пищи, сколько требуется на целый табун лошадей или стадо коров, а пользы от слона ни на грош. Вам жаль носорога? Но это — свирепое животное, которое умеет только истреблять посевы поселенца да распарывать брюхо лошади.

Разве до европейца здесь человек владел землей, а не земля человеком? К черту!

Разгоряченный бельгиец поднялся и в волнении заходил по лагерю.

Тогда, в свою очередь, заговорил Бернштейн.

— Так, так, все так! — качал он в такт словам своей большой головой. — Все так! Но есть и еще кое- что. И над этим надо бы призадуматься.

— О чем это ты? — обернулся бельгиец.

— На службе у хедива египетского десятки, сотни тысяч суданских солдат. Когда шла русско-турецкая война, египетские, черные полки оказали турецкому султану великую услугу. Никто не дрался так упорно с русскими, как суданцы. Слышишь ты? Черные против белых. Темные и фанатичные — против, все же, европейцев, цель которых была освобождение поработенных турками славян.

— Пфа! Громкие слова!

— Может быть. Может быть, Россия действовала себялюбиво. Не спорю. Но история сильнее ее: история направляла ее руку для совершения великого культурного дела. И набербованные египетским правительством полки из детей Африки наносили тяжкие удары этому великому делу, тормозя успех людей белой расы.

Потом пойдем дальше.

Французы в Конго, в Алжире, в Тунисе имеют целую армию из черных воинов. Если, не дай Бог, когда-нибудь моей родине придется вести войну с Францией, черные будут проливать потоками кровь белых.

У вас, бельгийцев, — свои черные полки. У англичан — свои. У итальянцев, — свои.

— Да что же из этого?

Бернштейн, глядя в землю, промолвил задумчиво:

— Я читал когда-то один роман. Кажется, это — английского писателя, Уэльса. Ну, фантазия! Он заглядывает в далекое будущее, рассказывает о том, чего *еще* нет, но что *может* быть.

И вот он рассказывает, как люди Европы организуют для собственных целей настоящие полчища уроженцев Африки. Из негров будет состоять тогда, лет через триста, вся полиция, все войска. В момент какой-то народной распри одна партия натравливает на другую, на своих противников, эти орды дикарей, кровожадных, мстящих белому племени за свое поработение. На развалинах горящих городов чернокожие празднуют свои ужасные оргии. При зареве пожаров льется кровь, совершаются вакханалии. Раб топчет господина.

Бернштейн смолк.

— Что ты этим хочешь сказать? — подошел поближе к нему бельгиец.

Бернштейн устало пожал плечами.

В это время откуда-то, очень, должно быть, издалека, до их лагеря донесся странный звук, напоминающий слабые раскаты грома.

Банга встрепенулся. Бернштейн вскочил на ноги и схватил приставленное к стволу баобаба ружье.

— Что это? Как в ту ночь... там, у поселка кафров! — пробормотал он.

Но звук уже умер. Кругом царила тишина. И путники успокоились.

* * *

Несколько дней спустя Кайо, все время бродивший по окрестностям отдельно от занявшихся охотой товарищей, заявил, что он, кажется, окончательно установил место погребения негрского Аттилы.

— Вот настоящее русло реки! — объяснял он. — А вот именно сюда был поток отведен: видите? Здесь уцелело подобие перегораживающей русло реки плотины. На берегу видны ясно следы каменной кладки, спускающейся в воду. Внизу, по течению, есть небольшой, весь поросший тростником островок. Я осматривал все растущие на нем деревья. Нет ни одного, возраст которого превышал бы сто лет. Ясно, — островок образовался уже после погребения царька и его сокровищ.

Но почему он образовался? Очень просто: над местом погребения воды реки намыли отмель, которая мало-помалу выросла в целый остров. Ни вверх по течению, ни вниз — до самого «великого озера» — нет ни единого острова. Значит, мое предположение имеет все шансы вероятности. Мало того, как раз на берегу, против того места, где стоит островок, я наткнулся на остатки оружия: бронзовые топоры, цепи, палицы. Порывшись в одном, показавшемся мне

подозрительным месте, я нашел кучу полуистлевших костей, массу черепов. Знаете, что я обнаружил? Каждый череп имел одну и ту же метку: раздроблена затылочная кость.

Понимаете ли, что это должно означать?

— Нет. Поясни! — отозвался Бернштейн.

— Очень просто.

Кафрская легенда гласит, что при начале работ по отводу вод реки в другое русло, на берегу было принесено в жертву «духу Похади» триста военнопленных, которые убиты ударами боевой палицы, тела же их зарыты там же. Отсюда сам собою напрашивается соответствующий вывод: мы наткнулись на искомое место. Стоит только произвести бурение в почве островка и, я уверен, щуп найдет где-нибудь вытесанную из камня гробницу «черного Аттилы».

— А где ты достанешь щуп? — спросил, иронически подмигивая товарищу, Бернштейн.

Бельгиец рассердился.

— Ей Богу, вы, словно сговорившись, систематически обескураживаете меня! Это не по-товарищески. Больше даже: это нечестно.

Компаньонам не без труда удалось успокоить не в меру вспыльчивого товарища обещанием, что они отнесутся к его затее самым серьезным образом и окажут ему всевозможное содействие, помогут рыть пробные шурфы в надежде наткнуться на гробницу негрского царька.

В конце концов мир был заключен, и друзья принялись за работу. Потребных инструментов в распоряжении путешественников не было: ни лопат, ни ломов, ни кирок, ни мотыг, само по себе разумеется, в такой глуши раздобыть не было возможности. Но это не остановило привычных к странствованиям по дебрям Африки людей, умевших приспособляться ко всяким обстоятельствам: боевым топором Банга и своими «гиршфэнгэрами» охотники в один час соорудили некоторое подобие маленьких лопаток из стволов молодых деревьев, росших на берегу, и из обломков какой-то доски, прибитой волнами к отмели.

— Но как же мы будем жить? — заинтересовался вопросом Ван-Ховен.

— Поселимся, понятно, на самом острове! — решительно ответил Анри Кайо. — Рукав, отделяющий остров от материка, очень неглубок: полтора метра, максимум, — мы его перейдем вброд.

— Здесь могут оказаться крокодилы! — пробормотал, недоверчиво поглядывая на катившую с тихим ропотом свои мутные воды реку, Бернштейн.

— Вздор! Волков бояться, в лес не ходить! — самоуверенно отозвался Кайо и решительно шагнул в воду. Стоя здесь, он принялся колотить по воде длинным шестом и орать изо всех сил. Банга и Бернштейн помогали ему в этом оригинальном занятии, имевшем целью распугать гадин, если таковые тут водились. В самом деле, несколько в стороне мелькнуло довольно большое тело крокодила, заметно торопившегося уйти от этого места. Едва животное выставило над водой свою голову, как разрывная пуля из карабина Кайо ударилась в короткую шею, взорвалась, отрывая начисто безобразную голову пресмыкающегося. Труп, окрашивая кровью воды потока, был увлечен силой течения.

— Недурно для начала! — засмеялся Кайо и в несколько секунд перебрался на островок. Остальные последовали за ним, не исключая и «Зулуса», как был окрещен привязавшийся к охотникам кафрский песик: его перенес на плечах Банга и, путешествуя, должно быть, первый раз в жизни с таким комфортом, собачка оглашала окрестности веселым лаем.

Когда Банга выбрался уже на берег, Бернштейн вполголоса заметил:

— А ведь, в сущности, человек никогда не перестает быть глупцом. До смерти. Право!

— В чем дело? — насупился Кайо, думая, что эти слова относятся к нему и вызваны его упорным желанием производить раскопки на острове.

— В Нижнем Египте, когда я служил хедиву, — сказал Бернштейн, — я наблюдал сотни раз, как приманивают феллахи и арабы крокодилов, привязывая к берегу козу или собачонку. Крокодил идет на их голос.

— Ну, дальше!

— А мы, только что заботившиеся о том, чтобы прогнать крокодилов отсюда, тащим с собою собачонку, которая своим лаем способна разбудить не только крокодилов, но даже самого «негрского Аттилу» в его каменном гробу.

— Глупости! — оборвал его речь Кайо. — Ты, старый друг, с годами становишься ужасно болтливым. Принимайся за дело!

Повинуясь зову, немец действительно взялся за работу. Первым делом было соорудить на самом высоком пункте островка какое-нибудь подобие жилища: приближался период весенних дождей; не сегодня-завтра должны были начаться тропические ливни, и ночевать под открытым небом было совсем неблагоприятно. Но сооружение шалаша не отняло много времени: четыре ствола живых деревьев были пущены в ход в качестве основных столбов, для чего понадобилось только попросту срубить их верхушки на высоте человеческого роста. Потом из более тонких стволов соорудили перекладины, набрали травы, перекрыли ею сверху хрупкое сооружение, и если не хижина или шалаш, то все-таки порядочный навес оказался вполне готовым. Лучшего, в сущности, и нельзя было желать на несколько дней, потому что все были убеждены во вздорности затеи бельгийца и рассчитывали через два-три дня вновь пуститься в скитания.

Анри Кайо не терпелось немедленно приступить к раскопкам, и он, предоставив товарищам справляться с сооружением шалаша, бродил по островку, тут и здесь пробуя разрывать землю импровизированной лопаткой.

Работа его шла туго: верхний слой почвы островка состоял из напоминавших войлок корешков трав и ползучих растений, сплошь закрывших землю. Но за этим сравнительно тонким слоем находился рыхлый и влажный песок, местами перемежавшийся слоем мягкой слоистой глины. Тут маленькая лопатка более или менее удовлетворительно исполняла свое назначение, но все же Кайо не удавалось вырывать более или менее глубоких «шурфов», потому что островок в своей большей части был низменный, лопатка очень скоро проникала на глубину уровня воды в

реке, и тогда влага проступала наружу, наполняя яму. Бельгиец свирепо ругался, ожесточенно курил, проклинал Африку и перебирался на другое место, где снова брался за свой сизифов труд.

Ночь прошла благополучно, только перед утром вдруг по сооруженной вчера крыше шалаша забарабанил крупный дождь. Бернштейн проснулся и выбрался к месту, где у костра сидел, прикрыв плечи рваным одеялом, кафр Банга, державший между ног верный карабин с заткнутым пучком травы дулом.

— Костер потух, друг! — сказал немец, касаясь плеча кафра.

— Так погаснет скоро и наша жизнь! — глухим голосом ответил кафр.

— Кажется, там, на востоке, бушует гроза? — показал вверх по течению реки Бернштейн. В той стороне на черном горизонте от времени до времени вдруг небо окрашивалось в странный, фантастический иззелена-голубой цвет: где-то, быть может, за сотни километров, с оглушительным треском и грохотом, словно залпы тысяч орудий крупного калибра, бороздили небо грозные молнии, дочери тропической грозы. Но их грохота не было слышно здесь, на утroom островке низовья, ни самих молний не было видно, небо освещали только красавицы-зарницы.

Глядя на эту великолепную картину, Бернштейн вполголоса произнес строфу знаменитого стихотворения Гервега:

Ночи июльской царило
Дальней грозы отражение,
Вспыхнет и гаснет зарница,
Мир осветив на мгновение...

— Что ты сказал, белый? — поднял голову кафр.

— Ничего, это я так... Говорю: гроза идет!

— Да, на нас идет гроза. Идет, надвигается страшная беда!

— А, ну тебя! — вспыхнул немец. — Что ты, ополоумел, что ли? Все каркаешь и каркаешь, как зловещий ворон! Я не узнаю тебя, Банга!

Кафр молчал. Он сидел в унылой позе, словно разглядывая что-то на земле, в золе потухшего, залитого дождем костра.

— Я видел этой ночью, когда вы все спали, моего брата! — промолвил он после минутного молчания.

— Приходил сюда? — встрепенулся Бернштейн. — Вплывь, что ли?

— Нет, зачем всплывь? — отозвался Банга. — Мертвые не плавают. Он пришел по воздуху. Он стоял тут.

Банга показал несколько в сторону. Бернштейн почувствовал, как по его спине прокатилась волна холода, вызывая дрожь во всем теле.

— Глупости! Галлюцинации! — чуть не закричал он.

— Он стоял тут! — настаивал на своем кафр. — Он держал в руке свой асsegай. Его глаза были устремлены на меня. Он пел предсмертную песню воинов нашего племени, когда они идут на бой...

— Иди спать! — коротко и сердито пробормотал немец. — Иди, я посторожу.

— Потом брат ушел, но пришла Кху, та, первая девушка нашего племени, которую я украл у ее старого отца и взял себе в жены. Она была молода и прекрасна, как газель, у нее были блестящие глаза! — продолжал говорить нараспев кафр, погруженный в свои странные думы. — На ее шее было ожерелье из стеклянных шариков, а на руках и на ногах любимые тяжелые медные браслеты. И она глядела на меня полными слез глазами, и она звала меня с собой, звала в страну теней, куда она ушла, заболев съедающей человека «черной болезнью».

— Слушай, ты, черт! Замолчи, ради Бога! — сказал Бернштейн, чувствуя, что и его охватывает какое-то тяжелое настроение, словно предчувствие ужасной беды.

Негр вдруг вскочил на ноги с криком:

— Слушай, белый! Слышишь?

Бернштейн прислушался. Он, казалось, уловил отголоски далекого грома...

— Ты слышал? — протягивал вперед, во мглу ночи, руку кафр. — «Дух озера Лунга». Он оскорблен тем, что мы пришли сюда. Он грозит нам.

— Глупости, говорю тебе, глупости! — ответил немец и, взяв кафра за плечи, толкнул его по направлению к шалашу.

Утром, едва только рассвело, Бернштейн криком поднял заспавшихся товарищей.

— Вставайте! — кричал он. — Черт знает, в какую глупую историю мы, в сущности, вляпались. Да поднимайтесь же!

Во мгновение ока все были на ногах.

— Что случилось? Чего ты кричишь? — обратился к Бернштейну с вопросом Анри Кайо, протирая глаза. — Черт! Я так сладко спал, мне снилось, что я начал копать на том самом месте, где стоит наша хижина, и вдруг натыкаюсь... Каменный гроб, а там — алмазы. Доверху великолепные алмазы, по крайней мере на десять миллиардов франков.

— Ты лучше погляди на реку! — тоном упрека сказал ему Бернштейн.

Кайо машинально взглянул по указанному направлению и пробормотал проклятье: река вздулась, она с шорохом-плеском катила теперь свои мутные волны. Раздулся и рукав, отделявший островок от материка, и по нему тоже бежали короткие сердитые волны. А сам островок, вчера еще простиравшийся по меньшей мере на треть километра по длине и на четверть по ширине, словно растаял: над водой была не больше, как половина его прежней поверхности. По остальному пространству ходили невозбранно те же мутные волны.

— Наводнение! — воскликнул, попятившись, бельгиец.

— Да. И мы отрезаны от материка, — в тон ему отозвался Бернштейн угрюмо. — В верховьях выпал колоссальный ливень. Ну, и вот...

— Вздор! Вода ничего нам не сделает. Напрасная тревога.

— Ты так думаешь? — хрипло засмеялся Бернштейн. — Посмотри! Пять минут назад, раньше, чем разбудить вас, я воткнул прут у берега. Теперь этот прут в воде. Я измерил его высоту. Знаешь, сколько в нем было? Два фута. Теперь осталось не больше фута. За каких-нибудь пять минут вода прибыла на целый фут. Понимаешь? В протоке сейчас по меньшей мере два метра, перейти вброд нет физической возможности.

— Можно переплыть!

— Не советую пробовать. Посмотри, как бурлит, как бешено крутится вода! Самого сильного пловца во мгновение ока затянет в бездну.

— Проклятье! — пробормотал обескураженный бельгиец. — Но мы же можем отсидеться на деревьях. Деревья много лет стоят тут, значит, островок крепок, его не смоем.

— Да. Но нас может смыть и с деревьев. Наконец, ты забываешь, что если мы очутимся в воде, нам придется считаться с крокодилами. Это уже не то, что перейти вброд мелкий рукав, распутав пресмыкающихся хотя бы выстрелами.

— Ты сводишь меня с ума своими попреками! — завопил бельгиец.

— Было бы с чего сводить-то! — пробормотал Бернштейн. — Ты был уже сумасшедшим, когда затягивал нас сюда.

— А, дьявол! — яростно закричал бельгиец. — Чего ты хочешь? Чего ты от меня требуешь? Ну да, ну, я виноват! Вы из-за меня попали в опасное положение...

— Успокойся!

— Я не могу! Я вижу, что я навлек на вас всех беду. Но что же делать? Хотите, я покончу с собой тут, на ваших глазах? Нет, вы этого хотите?

И он схватился за револьвер. Но Ван-Ховен, следивший за каждым его движением, с поразительной быстротой вышиб револьвер из руки Кайо.

Бельгиец затрясся всем телом, потом неожиданно для всех заплакал по-детски, как-то судорожно всхлипывая. Было странно и тяжело слышать звуки его плача. Все отвернулись. Кайо отошел от шалаша и сел на небольшом при-

горке, глядя тупо на свинцовое небо и на мутные волны разбушевавшейся реки. Однако через четверть часа он был вынужден покинуть выбранное место, потому что вода уже подступила к подножью холмика и бурлила у самых ног сидевшего.

— Анри! Перестань дурить! — подошел к нему Ван-Ховен. — Надо позаботиться о собственном спасении. Мы утонем тут, как крысы в кадке, если не придумаем какого-нибудь исхода.

— Самое лучшее будет, если я застрелюсь! — сиплым голосом ответил упавший духом бельгиец.

— Ты хуже ребенка! Удивительно поможет нам твоя смерть! Четверо всегда сильнее троих. Убить себя, когда товарищи в опасности, — это подло. Разве не переживали мы сотни раз еще худшие опасности? — попрекнул его Бернштейн. — И ведь никто не винит тебя. Собственно говоря, на мне тоже лежит большая доля ответственности: я должен был с вечера заметить, что вода прибывает. Тогда мы, пожалуй, хоть и с некоторым риском, могли бы еще перебраться на материк по протоку. Берега высоки, их едва ли затопит. Наконец, там растут гигантские баобабы, на ветвях которых мы могли бы отлично спастись от волн. Словом, видишь, виноват не один ты, если уже говорить о чьей бы то ни было вине. Успокойся же, лучше помоги нам. Я думаю, без плота мы не обойдемся.

— Плот? — оживился бельгиец. — Давайте строить плот!

Он бросился к первому попавшемуся дереву и с остервенением принялся рубить своим тяжелым охотничьим ножом топкий упругий ствол. Через мгновение деревцо уже рухнуло кудрявой вершинкой на землю, а Кайо, работая с лихорадочной быстротой, очищал ствол от ветвей. Не сидели, сложа руки, и другие: они в свою очередь валили наземь один ствол за другим. К сожалению, в их распоряжении имелся только один топор Банга, который и отдан был могучему боэру, специалисту по части рубки деревьев. Ножами же удавалось сваливать только тонкие стволы, но, в общем, конечно, и эта молодежь могла принести свою долю пользы.

— Лишь бы вода не зашла остров раньше полудня. К полудню управимся! — сказал, отрываясь на мгновение от работы, Бернштейн. Он измерил глазом уцелевшую еще поверхность острова.

Нет, вода все прибывала и прибывала с головокружительной быстротой. Теперь в распоряжении охотников имела только треть прежней поверхности острова, и многие деревья уже были недоступны, потому что и около их стволов, крутясь и пенясь, бурлили речные струи.

Но работа все же быстро двигалась. Банга умело и ловко связывал срубленные стволы целой сетью ползучих растений. Еще час, и плот, пожалуй, выдержит уже тяжесть четырех человек. А за час остров, наверное, не будет еще покрыт водой.

И опять часто и четко стучал топор, врубаясь в рыхлую древесину, и дерево за деревом ложилось на сырую почву с жалобным стоном, словно жалуясь матери-земле на тех, кто пришел сюда, вторгся и отнял у острова его украшение, пышную растительность, и у них, у молодых деревьев, отнял жизнь...

— Какой туман! — с досадой промолвил, разгибаясь, Кайо. — Смотрите: берегов материка не видно. Кажется, мы плывем на плоту, и кругом вода, вода...

В самом деле, откуда-то наплыл туман. По временам он как будто редел, светлело, тогда смутно рисовались берега реки, но следом туман опять сгущался, берега исчезали из виду, и островок, в самом деле, казалось, плыл в безграничном просторе океана.

В один из таких периодов сгущения тумана, когда отчаянно быстро работавшие над сооружением плота люди как-то невольно держались ближе друг к другу, странный звук поразил их слух. Казалось, кто-то вздохнул, но вздох вырвался из колоссальной груди, вихрем промчался над островком, всколыхнув волны тумана. Одновременно что-то звучно шлепнуло по воде с такой силой, что короткая, сердитая волна с плеском взбежала на крутой бережок и лизнула ноги стоявшего у края Банги. Кафр с легким криком отпрянул в сторону, дико оглядываясь вокруг. «Зулус», ост-

роухая лисичка-собачка, метнулась следом за своим покровителем, поджав хвост и прижав лапки к головке, потом вскочила, словно искоркой мелькнула, перемахнув через плот, пробежала на самое высокое место островка, забилась там в заросли, и через секунду оттуда понесся ее раздражающий душу вой.

— А, будь ты проклята! — выронил свой нож из рук окончательно изнервничавшийся Кайо. — Пришибите вы этого дьявольского пса, ради всего святого! Душу выворачивает он своим воєм.

Никто не ответил. Работали, боясь потерять минуту драгоценного времени, потому что вода все прибывала, часть плота уже была в воде, надо было спешить с его окончанием или отказаться от мысли пользоваться им.

К этому моменту уже выяснилась новая опасность: верхний конец островка, по-видимому, разрушался. Волны размывали рыхлую почву, волны срывали целые пласты вместе с травами, кустарниками и даже деревьями, и поток проносил, кружа в водовороте, свою добычу вниз по течению, к озеру Лунга, словно торопясь принести ему щедрые дары.

Значит, если бы плота не успели устроить, то могло оказаться невозможным пытаться спастись на вершинах деревьев: ведь и деревья падали под напором потока, уплывали. Единственный шанс на спасение по-прежнему представлял только плот, один плот. Но он был уже почти готов. Еще привязать десяток хоть тонких стволов, и тогда можно довериться плоту. Байга мастерски вязал стволы, так что плот обещал выйти на диво крепким. Его не разнесет волнами, разве только он наткнется на какую-нибудь скалу, на торчащий пенек, на корчагу, и тогда его мало-помалу размыкает по стволу. Но на это все же потребуются известное время, а тем временем можно будет еще что-нибудь придумать для спасения.

«Зулус», забившийся в заросли, смолк.

Прошло пять минут. И вдруг собачка с жалобным визгом выкатилась из зарослей и бросилась под ноги людей.

Бернштейн, всегда ласково обращавшийся с песиком, погладил его по мокрой спине. Собака ответила лаской, лиз-

нув его руку.

— Не мешай же работать, собачка! — сказал добродушный немец.

«Зулус» взвизгнул жалобно и уцепился зубами за рукав кожаной куртки Бернштейна. Невольно тот отмахнулся рукой, поднял голову.

В то же мгновение, выронив ствол дерева, который он тащил к плоту, Бернштейн, согнувшись, шатаясь, словно пьяный, спотыкаясь на каждом шагу, словно сослепу полез на плот и в то же время дрожащими руками хватал товарищей. Его глаза, казалось, готовы были вылезти из орбит, рот раскрылся, язык трепетал, по-видимому, произнося что-то, какие-то слова, но из груди вырывался только стон.

— Там... там...

Это было что-то непонятное, что-то непостижимое.

Тому, кто видел это, казалось, что он сошел с ума.

На высоте около трех, может быть, четырех метров в волнах густого, клубящегося, тянущегося прядями, крутящегося вихрями белесоватого тумана висела в воздухе, словно плавая в нем, отвратительная фантастическая голова неведомого животного. По первому взгляду ее можно было бы принять за голову гигантских размеров крокодила, но крокодила, который во много раз превышает самые крупные по размерам экземпляры этого пресмыкающегося. Но при более внимательном осмотре сходство как-то тускнело, исчезало: голова чудовища казалась сравнительно короткой, тупорылой, с кривым рогом на носу, над раздувающимися ноздрями; челюсти с огромным количеством острых, как зубцы пилы, желтоватых зубов-клыков отличались массивностью. В глазных впадинах приплюснутого, плоского лба помещались два огромных глаза, которые казались двумя налитыми зеленым, фосфоресцирующим светом стеклянными шарами. Что-то хищное, безжалостное, злое и вместе безнадежно-тупое было в выражении этих глаз.

Но что было особенно фантастичным в этом явлении, — это шея. Длинная, тонкая, гибкая, колыхающаяся, как может колыхаться тело змеи, способной свиться в клубок.

Можно было различить, что шея покрыта как будто щитками или отливающими металлическим блеском чешуйками грязно-бурого цвета. Туловища не было видно: туман был слишком густ, длинная змеиная шея тонула во мгле, и потому действительно можно было подумать, что чудовище держится, плавает в воздухе, безобразная, отвратительная кошмарная голова его свободно держится на весу.

При этом чудовище как-то покачивало шеей, а потому голова тоже колыхалась, но глаза не мигая, не меняя своего выражения, упорно смотрели на замерших, застывших, полумертвых от ужаса людей. Может быть, «зверь из бездны» выбирал себе жертву среди этих полумертвых существ, обреченных на гибель. И он не торопился. Он знал, что им некуда уйти, что если бы и было возможно бегство, то они уже не способны бежать, потому что нечеловеческий ужас сковал их члены и оледенил их кровь, и убил их самосознание.

Кто знает, сколько времени длилась эта немая сцена?

Но вот опять послышался глубокий вздох: плавающая в воздухе голова чудовища открыла огромную пасть, сомкнула ее, опять открыла. Высунулся длинный, тонкий, напоминающий тело угря или змеи язык с острым концом и как-то хлестнул по воздуху. В то же время что-то глухо зарокотало, потом оборвалось.

Когда люди опомнились, пришли в сознание, ничего уже не было: зверь из бездны исчез так же беззвучно, как и появился, словно уплыл по воздуху, по волнам клубящегося тумана. И людям казалось, что и не было, не могло быть этого чудовища. Просто почудилось что-то. Игра света и тени, причудливое сочетание клубов тумана, может быть, проплывшая по протоку ветвь сорванного волнами с обрывистого берега толстого баобаба или драконового дерева.

Но они стояли, дрожа всем телом, дико озираясь, готовясь броситься бежать, куда глаза глядят, но бежать было некуда, и они стояли, прижавшись друг к другу. Виденное было так ужасно, что даже боэр Ван-Ховен, славившийся

своим невозмутимым хладнокровием, какой-то ничем непоколебимой храбростью презирающего смерть человека, держался не лучше других. Зато он быстрее других оправился.

Словно проснувшись после тяжелого кошмарного сна, он провел рукою по глазам, отгоняя ужасное видение, и глубоко перевел дыхание.

— У-уф! Но что же это, в самом деле? — обратился он к товарищам. — Когда я был молод и жил мирной жизнью, мой покойный отец по вечерам читал вслух священные книги — Библию и Евангелие. И там, в Апокалипсисе, говорилось о «коне бледе» и о «звере из бездны»... Может быть, настают последние дни для мира, и нам первым суждено видеть своими очами рождение этого «зверя из бездны»?

— Мой побратим видел его девять зим назад! — вмешался Банга.

— Плот уносит! — прервал беседу отчаянный крик бельгийца. Все бросились к месту, где, медленно отдаляясь от берега, уходил в неведомые дали с таким трудом сооруженный плот.

Во мгновение ока Кайо вскочил на плот, но поскользнулся и упал, скатился в воду. Его едва удалось вовремя схватить и извлечь на сушу, но плот был спасен: Банга железной рукой схватил наминавший узловатую веревку стебель какого-то ползучего растения, употребленного для связывания вместе отдельных стволов плота, и притянул его к берегу. Торопливо все четверо вскочили на маленькое суденышко, которое погрузилось под тяжестью их тел почти вровень с краями в воду. Вода проступала в щели между стволами, подмачивала ноги, волны захлестывали верхушками его, волны крутили и толкали, словно играя, собираясь растащить его по бревнышку, но что нужно? Плот держался на воде, плот плыл, удаляясь от проклятого острова, уже почти исчезнувшего под все прибывающей водой Похади. И этого было достаточно, чтобы чувствовать себя счастливыми. «Зулус» тоже был вместе со своими покровителями.

С полчаса плот плыл по течению, увлекаемый бурными волнами, то подходя к берегу, то выплывая, видимо, на середину потока.

Пловцов не оставляла мысль о необходимости пристать к земле, не допуская плот уйти в воды озера Лунга: на таком утлом суденышке каждая лишняя минута пребывания представляла собой большую опасность.

Но, с одной стороны, густой туман, скрывавший от взоров берега, препятствовал ориентировке, а с другой — течение было слишком быстрым, причалить плот к берегу было бы возможно исключительно в том только случае, если бы его подтащило к пологой отмели.

Озабоченные странники тщетно глядели по сторонам, ожидая наступления удобного момента: казалось, поток сознательно играл ими, потоку доставляло злое удовольствие смеяться над их тревогой.

Но вот туман стал редеть. Казалось, могучая рука поднимает занавес. Еще несколько минут, и крик восторга вырвался из уст подневольных пловцов: над их головами голубело небо, солнце грело их иззябшие тела, заливая ослепительным светом все вокруг. Омытая ночным дождем зелень блистала яркостью окраски. Сам поток изменил свой характер: вода не клекотала, не кружилась сотнями водоворотов, а плавно и спокойно неслась среди двух высоких скалистых берегов, словно в огромном коридоре.

— Должно быть, мы совсем близки к устью! — заворочался Кайо.

— Плохо дело! — уныло ответил Бернштейн, машинально поглаживая мокрую спину все жавшегося к нему «Зулуса». — Озера не миновать. Как-то мы вывернемся?

— Авось!..

Кайо вздрогнул и поглядел вперед безумными от ужаса глазами.

— Что с тобою? — встревожился Бернштейн, хватаясь за карабин.

— Нет, так, ничего! — отозвался Кайо. — Господи! До чего у меня разбиты нервы?! Нет, к черту! Брошу эту идиотскую страну, вернусь на родину. Найду себе какое-

нибудь занятие, хоть клерком в конторе, управляющим небольшого имения, буду по утрам прогуливаться по улицам с сигарой в зубах, а вечером сидеть за стаканом винца в кафе...

— Что ты видел? Что тебе показалось? — настаивал на своем Бернштейн, тревожно всматриваясь вдаль.

— Ну, то самое! — глухо промолвил Кайо.

Все поняли, о чем он говорил. Их лица побледнели, их руки задрожали.

В это мгновение могучий толчок приподнял утлый плот на воздух, буквально швырнул его. Связи были порваны, бревна рассыпались, люди упали в воду. Грузный Бернштейн пошел, как ключ, ко дну и не показывался больше. Кайо вынырнул на мгновение, но над водой показалась только его голова с белым лицом, вылезающими из орбит глазами и судорожно искривленным ртом. Да еще показалась правая рука, которой он отчаянно взмахнул в воздухе, словно посылая кому-то последний привет. Он даже не успел крикнуть, потому что его тело потянуло на дно с непобедимой силой и волны сомкнулись над ним.

Оставалось два человека: боэр Ван-Ховен и кафр Банга. Оба всплыли на десять или пятнадцать метров ниже того места, где произошла загадочная катастрофа. Боэр держался за какое-то бревно одной рукой, другой отчаянно греб, направляясь к скалам, но течение было слишком сильно, и его явно увлекало потоком. Кафр, на котором в момент катастрофы не было никакой почти одежды, был счастливее своего товарища: он плыл легко и быстро, рассекая воду могучими ударами сильных, мускулистых бронзовых рук. И рядом с ним плыла остроухая маленькая собачка.

— Банга! Банга! — услышал кафр отчаянный, полный тоски крик боэра. — На помощь, на помощь, Банга! Именем всех святых!..

Банга оглянулся, потом еще быстрее взмахнул руками. Его лицо было серо, как пепел, зубы стучали, глаза вылеза-ли из орбит, как за минуту перед тем глаза Кайо. И он плыл, плыл, не оглядываясь...

Он не хотел видеть того, что было там, позади. Он пытался вытравить из сознания ужасное видение: почти рядом с полузатонувшим бревном, за которое судорожно ухватился Ван-Ховен, плыло теперь какое-то фантастическое, призрачное, кошмарное существо, что-то чуждое земле, чуждое ласковым солнечным лучам, какой-то темный дух, истинный «зверь из бездны».

Трудно было сказать, какими размерами обладало это могучее и безобразное тело, напоминающее тело колоссального гиппопотама. Туловище сзади заканчивалось длинным хвостом, на круглых черных плечах поднималась круто шея, сначала толстая, но быстро суживавшаяся и переходившая в какой-то раздувающийся темный рукав, подпиравший чудовищно безобразную и огромную крокодилию голову.

Зияла пасть с крутящимся, словно змеиное тело, длинным языком и бесконечным числом мелких острых зубов, светились зеленым светом выпуклые глаза, раздувались ноздри.

— На по...

Крик оборвался. Что-то громко всплеснуло, послышался отвратительный хряск дробящихся в могучих челюстях костей, потом все стихло.

Тем временем кафр доплыл до подножья скал на берегу, выбрался из воды и, как кошка, полез по откосу. Собачка карабкалась следом за ним. Они обрывались, падали, поднимались и все ползли и ползли вверх, покуда им не удалось, наконец, достигнуть гребня и скрыться за ним.

И так, уже находясь на берегу, они все бежали, не смея оглянуться.

Станный звук прокатился над лоном реки: казалось, прогремел гром. И еще быстрее бежали бронзовотелый человек с искаженным от ужаса лицом и маленькая рыженькая собачка, мелькавшая в густой траве.

Кафр Банга жив и сейчас. Но кто знал его раньше, тот с трудом узнает Бангу: он сразу обратился в дряхлого старика. Глаза слезятся и глядят с каким-то странным, полубезумным выражением. Кажется, в этих глазах раз навсегда застыл ужас.

На устах его блуждает жалкая растерянная улыбка. Когда Банга идет, он шатается на ходу всем телом, руки и ноги его подергиваются.

При этом Банга часто рассказывает историю про «зверя из бездны».

Он шляется всегда около кабачков, выжидая, когда кто-нибудь кликнет его:

— Гей, черная собака!.. Иди-ка сюда!..

И он бежит, подобострастно и идиотски улыбаясь.

— Я сейчас, сейчас, масса!..

Всюду за ним следует небольшая собачка с черными, как уголь, живыми глазками и острыми ушками.

Рассказывая о «звере из бездны», о драме в бассейне таинственного потока Лунга, кафр обыкновенно заканчивает эту историю словами:

— Если не верите мне, то хоть спросите у «Зулуса»... Он видел, он все видел, благородный масса! Смотрите, слушайте: он вспоминает «зверя из бездны».

В самом деле, с собачкой начинает делаться что-то странное: она поджимает хвост, она дрожит всем телом, она тихо и жалобно визжит.

— Помнишь, «Зулус»? — обращается к ней Банга. — Нет, ты помнишь? У него была голова крокодила, шея питона, тело гиппопотама. И он схватил массу Ван-Ховена, как маленькую рыбку, хотя масса Ван-Ховен был великан. Он перекусил тело массы Ван-Ховена, как соломинку. Кровь брызнула в воду. Помнишь, песик?

Слушатели покатываются со смеху:

— Господи, какие лгуны, какие отчаянные лгуны эти кафры! Придумаешь же такое? «Зверь из бездны»... Голова крокодила, рог носорога... Ха-ха-ха!

Однако не все относятся с недоверием к рассказам Банги, знакомым всему югу Африки: известный немецкий на-

туралист Карл Гагенбек серьезным образом уверяет, что слухи о существовании какого-то фантастического животного колоссальных размеров безусловно заслуживают доверия. Карл Гагенбек ссылается на показания не только одного кафра Банги, но еще двух туземцев, лично видевших чудовищного «зверя из бездны». Описания их совершенно тождественны.

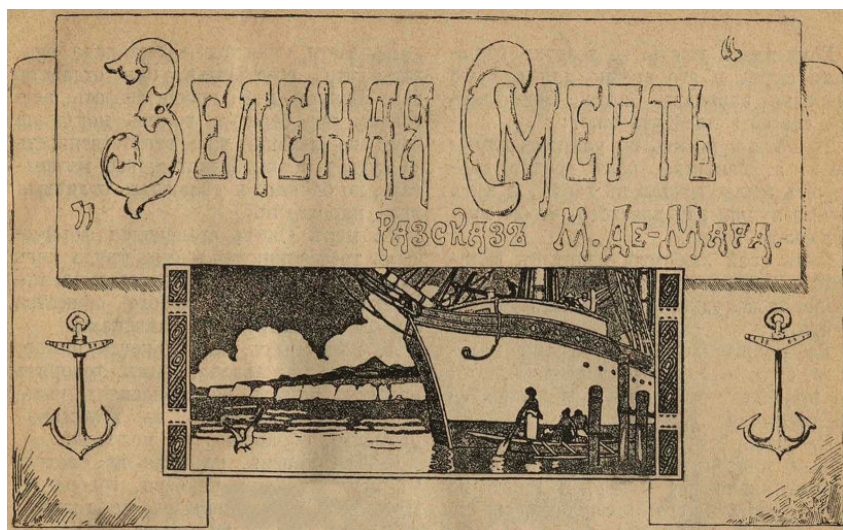
По мнению Гагенбека, разделяемому и многими другими учеными Германии, мы имеем дело с единственным, должно быть, на земле уцелевшим представителем давно, бесконечно давно вымершей расы грозных животных допотопного периода, с *динозавром*.

Зимой 1909 года в газете «*Bulawayo Chronicle*» появилась корреспонденция, автор которой, английский колонист, уверяет, что он отыскал маленький поселок негров, покинувших берега реки Кафоз из-за того, что на их деревню было произведено как-то ночью нападение неведомым животным чудовищных размеров, вышедшим из недр вод и разрушившим две хижины.

Комментарии излишни.

Михаил Первухин

ЗЕЛЕНАЯ СМЕРТЬ

Не говорите мне о Соломоновых островах! Вы лучше меня спросите, спросите меня, капитана Джонатана Смита, что такое Соломоновы острова?

Я вам скажу!

Вы, мальчишки!

Слышали ли вы, например, что такое «Зеленая смерть»?

Нет?

Ну, так и не раскрывайте рта, когда в вашей компании находится человек, который не только слышал, что такое «Зеленая смерть», но...

Но сам ее видел, своими собственными глазами!

Вы спрашиваете, кто это?

Я вам отвечу:

— Капитан с «Сузи Блиг», Джонатан Смит. То есть я.

Бравый моряк, председательствовавший на маленькой товарищеской пирушке в скромной таверне на окраине Алии, столицы Самоа, поставил на стол опустевшую кружку и крикнул хозяину кабачка, высокому курчавому негру Иезекиилю:

— Эй, африканский принц!

— Что, масса? — откликнулся молчаливый негр.

— Элю! Да покрепче, получше сортом!

Когда я рассказываю о «Зеленой смерти», у меня всегда глотка пересыхает, и ее необходимо аккуратно смачивать. А то доктора меня предупреждали, что от излишней сухости горла может черт знает что случиться. Не понял я хорошо, что именно: не то суставной ревматизм, не то воспаление слепой или глухой кишки. А при моем слабом здоровье это для меня похуже смерти! Только не «Зеленой Смерти», конечно! Так давай же, черный патриарх, кружку элю!

Общий хохот встретил заявление Смита, казавшегося выкованным из стали, о «слабости» его здоровья.

Смит славился своею исключительною любовью к элю. Он мог безнаказанно поглощать невероятное количество этого напитка, не подвергаясь ни малейшим неприятным последствиям, но считал необходимым при требовании каждой новой кружки подробно мотивировать, почему именно он хо чет выпить эту кружку.

То он прозяб, и ему надо согреться, а для этого самое лучшее средство именно эль.

То слишком жарко, можно задохнуться, и потому надо выпить кружечку элю, чтобы освежиться.

Если идет дождь, то воздух слишком сыр, и это вредно для слабого здоровья капитана Смита. Единственное спасение хлебнуть элю.

То ветер носит по улицам клубы пыли, а известно, как вредно действует пыль, оседая в горле, и нет ничего лучше эля для того, чтобы прополоскать горло.

Пил свой любимый напиток капитан Смит и от насморка, и от несварения желудка, и от головной боли, и от...

Да решительно от всяких недугов, будто бы его одолевавших или, по крайней мере, ему грозивших со всех сторон.

В изобретении причин, побуждающих прибегнуть к элю, он был положительно неутомим, и ничто не могло заставить его врасплох, ничто не могло заставить его лазить за подходящим словечком в карман.

Эту слабость капитана Смита отлично знали все его приятели, и между ними установился своеобразный спорт: молодцы старались заранее отгадать, какие именно причины придумает Смит для того, чтобы выпить пару лишних

кружек эля.

Впрочем, словечко «лишний эль» по существу мало соответствовало истине: капитан мог поглощать и поглощал совершенно безнаказанно положительно неимоверное количество любимого напитка, оставаясь, как говорится, «ни в одном глазе».

И, покидая какой-нибудь «Приют моряка» после изрядной попойки, оставляя огромное большинство товарищей уже в том состоянии, когда человек, по характерной половице, лыка не вяжет, сам Смит мог идти хотя бы по одной доске, ничуть не уклоняясь от прямой линии, не шатаясь. Он только жаловался в таких случаях, что будто бы откуда-то черт туману наносит.

Но сейчас же добавлял:

— Эх, жалость такая! Надо было бы мне, очевидно, еще кружечку хлопнуть! Эль ведь чудесно зрение очищает! Какой-нибудь туман, а хлопнешь кружечку, и сразу все ясно делается!

К чести капитана Смита надо сказать, что, во-первых, он отдавал дань Бахусу или, проще сказать, элю только на берегу, то есть когда на нем не лежала уже ответственность за судьбу «Сузи Блинг», его маленького, но бойкого и делавшего отличные дела пароходика.

На море Смит становился форменным трезвенником и без труда мог бы выставить свою кандидатуру в почетные президенты любого общества борьбы со спиртными напитками.

А, во-вторых, он никогда никого не «подколдыкивал», как говорят матросы, то есть не соблазнял пить, а даже поговаривал в дружеской компании, обращаясь к молодежи:

— Ты, парень, на меня не смотри. С меня примера не бери, говорю я! Потому, я для примера не гожусь, ой, совсем-таки не гожусь!

Видишь, со мною нянька моя сыграла когда-то скверную, и даже очень поганую шутку.

Вскармливали меня на рожке. В рожок надо было один раз налить того, что туда наливать полагается, то есть теплого молочка. А эта глупая баба, не то по ошибке, не то с

пьяных глаз, да налила полный рожок элю!

Ну, с того и пошло...

А тебя, надеюсь, твоя мамаша элем не напаивала, когда ты еще «папа, мама» выговорить не мог? Ну, так и нечего тебе привыкать напиваться по-свински! Выпил немножко, и будет. Плати и уходи. А если хочешь в компании сидеть, то сиди и так, без выпивки.

От выпивки на душе много лучше не делается, а для матросского кармана обидно.

А уж если у тебя много лишних долларов завелось, так ты, милый друг, лучше вспомни, что у тебя, поди, старуха-мать есть?

— Нету! Сирота я!

— Ну? Скверно, брат! Но если матери нету, то жена есть?

— Холост еще!

— Еще того хуже! Но если и жены нету, так уж наверное есть какая-нибудь девушка с ясными глазками, которую ты когда-нибудь на буксир возьмешь и в церковь поведешь, чтобы вас там окрутили, рабов Божиих...

— Оно, положим, есть-таки такая... — конфузливо сознавался, улыбаясь и краснея, матрос.

— Ну, вот видишь? А раз есть о ком подумать, так ты, дружище, лучше денег не проживай. Пивоваренные заводы и всякие фабрики ликеров или подвалы производителей рому и без твоих долларов не обанкротятся.

А ты сбереги пару-другую долларов, отложи да купи своей невесте какую-нибудь шаль. Нацепит она твой подарочек на плечики, красоваться будет, тебя добрым словом вспоминает.

Так-то!

А я, с твоего позволения, утомился, тебя, болвана, уговаривая! Надо подсушиться!

Эй, хозяин! Тащи-ка еще кружечку! Одну, одну! Я не пьяница, чтобы сразу по две кружки требовать!

В тот вечер, когда капитан Джонатан Смит заговорил о Соломоновых островах и о «Зеленой смерти», в матросском клубе или попросту в кабачке «Адмирал Нельсон» в Алии за большим грубой работы столом заседало не меньше десят-

Joh. Geirtsen 29

ка моряков разных национальностей — все старые приятели Джонатана, с большим вниманием выслушивавшие обыкновенно все его рассказы о виденном и пережитом за многие годы скитаний по морскому простору.

Заявление о «Зеленой смерти» произвело большое впечатление.

— «Зеленая смерть»? — проворчал, вынимая трубку из рта, капитан Валингфорд. — Что-то такое слышал! Да. Что-то подобное говорили мне? Кто? Не припомню!

Но...

Но при чем же тут Соломоновы острова? Сколько я помню, «Зеленая смерть» это в Саргассах!

— Попал пальцем в небо! — насмешливо отозвался Смит.

— Нет, право же! Ну, тут много болтовни всякой. Говорят, будто иное судно попадет в Саргассы, и уже не может выбраться оттуда. Морские растения оплетают корпус судна, покрывают его, как зеленым саваном. Это, будто бы, и есть «Зеленая смерть».

— Слышал звон, да не знаешь, где он! — опять отозвался Смит. — Саргассы это само по себе, и то, что там бывает с судами, по-моему, вовсе не сказка, а чистейшая правда. Но к моим приключениям это вовсе не относится, хотя я побывал не раз около Саргассов и не раз подвергался серьезной опасности.

Но об этом расскажу когда-нибудь, при подходящем случае.

А «Зеленая смерть» Соломоновых островов сама по себе. И ничего общего с Саргассами не имеет. Потому что настоящая «Зеленая смерть» — это совсем, я вам доложу, особая штука...

— Да ты бы лучше рассказал, Джонатан!

— Ладно! Отчего не рассказать? Только... Только покуда Иезекииль, проклятая африканская гиена, не притащит мне кружки элю, я слова не вымолвлю: язык, должно быть, распух. Надо промочить горло!

— Гэй, Иезекииль! — слышались голоса заинтересовавшихся рассказом Смита моряков. — Неси эль поскорее!

— Да несу, несу! — отозвался негр, ставя перед Смитом

на стол солидную кружку с пенистым элем.

— Ну-с, слушайте! — начал капитан Смит свое повествование, промочив глотку добрым глотком. — Слушайте да мотайте на ус. А поверите ли вы мне или нет, мне на это в высокой степени начхать. Я говорю то, что говорю, и ни слова больше!

— Правильно!

— Не перебивать, мальчишки!

Итак, попал я тогда на Безымянный остров, один из северных островков, принадлежащих к группе Соломоновых.

Отправился я туда совсем по особому случаю: купил я у капитана Гинца «Джессику».

— Которая потом потонула? — переспросил кто-то из слушателей.

— Не *потом*, — ответил Смит, — а *до этого*. Именно потому я ее и купил, что она потонула.

Шла она сюда, в Апию, с мелким грузом, главным образом, с перламутровыми раковинами. Ну, попала в ураган к берегам Безымянного острова, налетела на какой-то риф, получила пробоину и сделалась подводным судном. Из всей команды «Джессики» спасся тогда только сам капитан Гинц да пара его матросов, и тех чуть не съели туземцы. Благо еще, вмешались какие-то миссионеры. Принялись эти миссионеры спорить с туземцами на весьма, знаете ли, по моему мнению, щекотливую тему. Уверяют они дикарей, будто бы от человеческого мяса у того, кто его ест, разные болезни заводятся. Волосы выпадают, ноги пухнут, проказа привязывается. Словом, кто человечину ест, тот, будто бы, сам пропащий человек.

А туземцы твердят:

— Кто рыбу ест, часто отравляется ее мясом. Кто свинину ест, тот часто в страшных мучениях помирает...

Тогда миссионеры пустили в ход другой аргумент:

— Да человеческое мясо, дескать, совсем не вкусно!

Ну, а дикари в ответ:

— А вы пробовали? Нет, вы сначала, почтенные отцы, попробуйте, а потом и разглагольствуйте...

Словом, спор затянулся. И чем взяли миссионеры, так чисто практическим доводом:

— Во-первых, спасенные моряки так худы, что на убой не годятся.

— Подкормим, тогда съедим!

— А, во-вторых, если вы их отпустите, то мы вам финтифлюшек подарим на целых десять долларов!

Так и пошли капитан Гинц и его матросы, всего три штуки, за десять долларов и никелевую табакерку, которую пожертвовал один из миссионеров.

Не удивляйтесь, что за Гинца так недорого дали: дикари Соломоновых островов, по крайней мере, в те дни, совсем младенцами были в практических делах, и сколько-нибудь хитрому человеку совсем легко надуть их. Можно было бы выкупить всю тройку по доллару за голову. Но миссионеры-то были новичками, практики не имели и потому оценили Гинца совсем не по заслугам: пять долларов и разломанная табакерка, которую какой-то туземец сейчас же себе в носовую перегородку засунул соплеменникам на утешение, врагам на устрашение, потомству же своему на радость.

А оба матроса пошли за пять долларов. По два с полтиною от башки.

Общий хохот встретил этот рассказ об оценке Гинца.

Когда хохот несколько смолк, Смит продолжал:

— Ну, когда Гинц появился здесь, в Алии, да разнеслись слухи о постигшей его «Джессику» участи, я сообразил, что при случае на этом можно заработать что-нибудь большее того, что заработали от миссионеров туземцы.

«Джессику»-то я знал отлично: суденышко, надо по совести сказать, никудышное. Ему давно бы надо было и честь знать, и самому добровольно на дно пойти, а не дожидаться удобного случая и помощи урагана.

Но, с другой стороны, груз. То есть эти самые раковины. А надо вам заметить, что в те дни, не знаю уж я и сам, почему именно, но спрос на раковины держался крепко. Мода, должно быть, на перламутр была, что ли.

И был у меня готовый покупатель на любую партию пер-

ламутра. Хоть две-три сотни тонн привези, все заберет и слова не скажет.

Слово за слово с Гинцем:

— Продай мне «Джессику» со всем грузом! Все равно ведь вытаскивать пароход не будешь: застрахован он был и то выше клотиков, и ты получишь страховую сумму полностью. А за грузом ведь в воду немедленно не полезешь: судно зафрахтовывать придется, людей набирать. Мне же с руки: буду идти мимо, загляну и на Безымянный остров, к твоим приятелям...

— Каким это? — насторожился Гинц.

— А к людоедам Соломоновых островов. Спрошу их, очень ли они жалеют, что вместо тебя пришлось простую свинью съест...

Ну, выругался Гинц. Очень не любил он вспоминать о том, как дикари его чесноком нафаршировать хотели и на вертеле зажарить собирались.

Но Гинц вспыльчив да отходчив, и мы с ним поладили: я за сто фунтов стерлингов официально вступил в обладание всем грузом потонувшей у Безымянного острова «Джессики».

Но одно дело официально, а совсем другое на деле: ведь груз-то лежал не в каком-нибудь каменном амбаре, даже не под навесом на бережку, а на морском дне, в трюмах затонувшего судна. Да еще где затонувшего?

У каменистых и малоисследованных берегов островка Соломонова архипелага!

Положим, по описанию капитана Гинца я мог бы довольно легко отыскать ту бухту, где разбилась и затонула злополучная «Джессика». Но ни на кого опираться при работах по поднятию груза я уже не мог: покуда Гинц со спасенными матросами добирались до цивилизованных мест, обитатели Соломоновых островов, видите ли, вздумали произвести интересный опыт с миссионерами.

— Какой?

— А они вспомнили, как миссионеры их уверяли, будто от употребления в пищу человеческого мяса развивается проказа. Ну, у них там шла какая-то междоусобица. Два пле-

мени воевали. Вот побежденное племя и придумало такой фортель: изловили дикари двух миссионеров и отправили торжественно посольство к победителям:

— Посылаем вам в дар двух белых. Они достаточно откормлены. Скушайте их за наше здоровье, и не сердитесь больше на нас!

А у самих-то была затаенная мыслишка:

— А вдруг победители, покушав миссионеров, в самом деле, все проказой заболеют?

Не знаю, чем эта история закончилась. Но знаю, что миссионеров-то съели!

Словом, отправляясь к Безымянному острову, я даже не мог рассчитывать на то, что кто-нибудь возьмет на себя труд отговаривать людоедов предпочесть свиное или баранье мясо моему собственному.

Однако, перспектива вытащить и перепродать агенту несколько тонн раковин, купленных мною буквально за грош, была так соблазнительна, что вслед за получением от Гинца документов на право производства работ по поднятию со дна моря груза «Джессики» я развел пары и отплыл к Соломоновым островам. Мне удалось довольно легко и скоро отыскать ту бухту, в водах которой затонула «Джессика».

Берег был еще усеян обломками погибшего судна: здесь и там валялись балки, доски, разбитые бочонки и ящики, словом, все то, что или было снесено с палубы «Джессики» волнами до крушения, или, наоборот, уже после крушения всплыло наружу и было прибито волнами к берегу.

На песчаной полоске берега у скал виднелись многочисленные следы людей: это были своего рода визитные карточки тех самых приятелей капитана Гинца, о которых он теперь, не знаю почему, собственно, не мог равнодушно слышать. То ли был недоволен, чудака, довольно низкой оценкой его личности, то ли сердился, что бедные дикари так упорно добирались до его шкуры.

Но в данный момент берег был абсолютно свободен.

В чем дело? Почему они сбежали? Тут могли иметься разнообразные предположения.

Дело в том, что на Соломоновых островах несколько раз подряд перед тем побывали американцы, которые ведь не очень справляются с существующими в мире законами и не стесняются пускать в ход пушки при всяком удобном случае.

Очень возможно, визиты моряков так напугали дикарей, что едва завидев приближающееся к островку «Сузи», самое мирное судно в мире, хотя, правда, и снабженное на всякий случай парочкой палубных орудий, дикари поторопились удрать в дебри и трущобы в центре острова, куда за ними пришлось бы посылать целую экспедицию.

Но я не был в особенно большой претензии на отсутствие хозяев: иногда они выказывают, как мы видели на примере Гинца, слишком горячие симпатии и чересчур усердное гостеприимство, доходящее до предложения гостям занять местечко на вертеле или в «священном котле»...

А я, знаете, человек грубый, китайские церемонии для меня нож вострый. Предпочитаю, чтобы меня оставили в покое и только бы не мешали мне делать мое дело.

Ну вот я и принялся сейчас же за работы.

Прежде всего, я поставил мою «Сузи» на якорь, чтобы она, — довольно-таки шаловливая персона, — не вздумала без моего ведома свести ближайшее знакомство с прибрежными камнями или не пожелала бы заглянуть на дно морское, чтобы там узнать, как поживает ее старая знакомая, «Джессика».

Ну, потом я отправил партию вооруженных матросов на берег устроить там маленький лагерь.

Но, впрочем, раньше я отправил штучек пять или шесть послов к туземцам, — тем самым, помните, которые отправили на убой миссионеров.

Моих «послов» людоеды съесть не могли бы, потому что это были особые чутунные послы и начинены они были не чесноком, а порохом.

Проще говоря, я повернул в сторону берега обе мои пушки и шарахнул по скалам и по близкому перелеску гранатами. Гранаты полопались там, на камнях, среди стволов деревьев, на шумев порядочно, во всяком случае, совершенно

достаточно для того, чтобы у дикарей отпала охота скоро показываться на берег и заглядывать в дула моих пушек. А больше мне ничего и не требовалось.

Как только лагерь был готов, то есть окружен импровизированными окопами и снабжен парочкой деревянных бараков, я сейчас же принялся за настоящую работу, то есть за добывание всего, что могло пригодиться мне из добра, затонувшего вместе с «Джессикой».

Тут, понятно, прежде всего понадобились водолазные работы.

Я свято сдержал слово, данное мною на прощанье капитану Гинцу, и, лично спустившись на дно, осмотрел подробно корпус «Джессики», чтобы выяснить, можно ли поднять судно и стоит ли, вообще говоря, возиться с этим.

Осмотр дал малоутешительные для Гинца или, правильнее, для Ллойда результаты: судно было обращено в растоптанную галошу. Весь корпус расколотен. Киль на огромном протяжении измят, руль выворочен, палуба обратилась в нечто невероятное: словно внутри судна в момент гибели произошел взрыв, изломавший доски палубы и полуразрушивший трубу.

Да и в корпусе судна имелось столько пробоин, что если бы кто вздумал чинить его, то пришлось бы латку насаживать на латку.

Может быть, годились бы на что-нибудь машины, если бы...

Если бы я от самого Гинца не знал, что цилиндры-то еще до крушения выскочили из гнезд и что весь механизм, говоря попросту, обратился в подобие яичницы всмятку...

Словом, поглядев на «Джессику», я должен был сказать ей:

— Покойся, милый друг, до радостного утра!

Много судов ведь лежит на дне морском. Есть такие места, которые у нас, моряков, носят характерное название «морских кладбищ», потому что там погибшие суда буквально завалили морское дно. И смею вас уверить, среди этих «морских покойников» можно найти немало таких пароходов, которые находятся в неизмеримо лучшем состоянии, чем

«Джессика». А никому и в голову не придет мысль о том, чтобы возиться с ними, вытаскивать, чинить и снова пускать в ход.

В наши дни ведь судостроение сделало такие большие успехи, что вам выстроят пароход любой величины чуть ли не скорее, чем сапожник добрых старых времен шил на заказ рантовые сапоги. И такой новый пароход сплошь и рядом обходится дешевле, чем обошлись бы работы по вытаскиванию со дна моря какого-нибудь затонувшего «Альбатроса» или разбившейся «Джессики», особенно если для этих работ надо посылать чуть ли не целую экспедицию в дальние края.

Впрочем, я знаю случай, когда один владелец парового судна аккуратно выуживал его из воды пять раз.

Судно это было, надо признаться, прекапризное.

Должно быть, инженер, который создал его чертежи, все время думал о сооружении именно подводной лодки...

Но это история долгая, я о ней лучше расскажу в другой раз, а теперь вернусь к изложению моих собственных приключений.

Ну-с, осмотрев «Джессику» и убедившись, что извлечение перламутровых раковин не представит особых затруднений, ибо бока судна разворочены и даже часть раковин высыпалась из трюмов на дно моря, я дал обычный сигнал матросам, поджидавшим меня на лодке с аппаратом, при помощи которого они накачивали воздух в мой водолазный костюм.

— Подымай!

И меня подняли.

Едва с меня сняли медный шлем, обращавший меня в какое-то чудовище, как мой старый испытанный боцман Перазич, далматинец родом и лихой моряк, заявил мне:

— А у нас новости есть, капитан!

— Какие?

— Да я должен об этом вам подробно доложить!

— Выкладывай!

Вижу, Перазич как-то жметса. Явно не хочет говорить при матросах. Секрет какой-то...

Я знал старого далматинца за человека серьезного и никогда попросту не болтающего, и понял его.

— Впрочем, нет! — сказал я. — Пойдем-ка ко мне в каюту. Да вели коку захватить бутылочку винца и принести кусок ветчины. Прогулка по дну морскому, должно быть, очень полезна для тех, кто страдает отсутствием аппетита. Я проголодался. Покуда будем закусывать, ты, старая акула, расскажешь мне все твои новости.

Едва мы разместились за столом в моей каюте, как Перазич мне заявил:

— Приходил один туземец.

— Спрашивал, нет ли у нас на продажу парочки миссионеров? — засмеялся я.

— Нет, командир! Про миссионеров-то он говорил, это верно, но совсем в другом роде!

— Может, хочет нас снабдить ими? Покорно благодарю! Я другим товаром торгую!

— Да нет же, капитан! Ну, вы лучше слушайте!

— Слушаю и то! Повесил уши на гвоздь внимания!

— Этот дикарь болтает с грехом пополам по-немецки.

— Вот как? Лингвист, значит!

— Да. Говорит, научился именно у тех самых миссионеров, которых потом...

— Которых потом его сородичи съели, как мы с тобою эту принесенную коком ветчину? Дальше!

— Ну, дальше-то я не мог хорошо разобрать, в чем дело. По-немецки я давно разучился болтать. Мы, триестинцы, сами знаете, терпеть не можем тедесков! Ну, а дикарь-то, кстати, еле-еле лапти плетет по-немецки, я думаю, и природному немцу сговориться с ним было бы трудно.

— Но ты-то сговорился?

— Да кое-как. То есть я понял кое-что, но, разумеется, далеко не все, из того, что он мне сообщал.

— А что же он сообщал?

— А вы послушайте!

Показал он на море, потом ткнул пальцем вниз, значит, указывает, что речь идет о морском дне.

— Может быть, да, может быть, нет! Но продолжай.

— Ну, потом машет рукою, твердит: «Не надо. Не надо».

Я его спрашиваю:

— А почему?

А он отвечает:

— «Зеленая смерть»!

— Какая «Зеленая смерть»? В первый раз в жизни слышу!

Ну, он начинает руками разводить. Показывает что-то совсем несуразное: как будто такое большое, что будет, пожалуй, побольше нашей «Сузи» от носа до кормы. Потом говорит:

«Ам-ам. Кушал. Рыба кушал. Акула кушал. Человека кушал».

— Ты бы спросил его, этого дикаря: а твоя «Зеленая смерть» миссионеров не кушал?

— Постойте, капитан! А то я собьюсь. Ну, так вот... Значит, насчет того, что эта самая «Зеленая смерть» и рыбу кушала, и акулу кушала, и человека... Словом, всякую дрянь...

— Чудак же ты, братец! А еще боцман! Не знаю, какого именно цвета вообще-то матушка смерть, зеленая она, фиолетовая или красная с крапинками и разводами, а что она всех «кушает», так это, дружище, старая истина!

— Да постойте, командир! Я так понял туземца, что он говорит не вообще о смерти, а о какой-то особенной смерти. Словом, о чем-то таком, что в самом деле в прямом смысле слова может всякого слопать!

— Глупости! Не так понял!

— Нет, так, капитан! Больше вам скажу! Понял я еще, что стреляли-то мы гранатами по лесу совсем напрасно!

— Это почему?

— А потому что дикарей сюда, на берег, не заманишь ни за какие коврижки! Удрали они!

— Куда?

— Да в горы, подальше от берега! А почему?

— Да, почему?

— А потому, что кого-то из их компании эта самая «Зеленая смерть», вышедшая из моря, тут же, на берегу, изло-

вила и съела!

— Фу, какие ужасы! Держите меня, люди добрые, а то я в обморок упаду! Руки дрожат, ноги трясутся, сердце бьется, печень распухает! Эх, ты, а еще старая морская косточка!

— Да я, капитан...

— Молчи, молчи! Какой-то чернокожий наболтал тут с три короба, а ты и того... Всерьез принял рассказы этой соломонской обезьяны!

— Да он, капитан, у миссионеров в выучке был!

Ну, тут я уже не выдержал, знаете. Расхохотался, как сумасшедший.

Совсем сконфузился мой боцман.

Ну, я его похлопал по плечу, чтобы бодрости придать человеку.

— Но ты, надеюсь, — говорю, — хоть так устроил, что когда этот правнук Соломона тут сказки рассказывал, матросы ничего не слышали?

— Нет, командир! Слышать-то они слышали, да...

— Да что же?

— Да ничего не поняли. Хохотали только! Потому, парень гримасничал уж очень...

— Хохотали? Ну и отлично! И тебе бы надо было делать то же самое, а не вешать нос на квинту! Во всяком случае, я не желал бы, чтобы матросы наслушивались всякой ерунды. Туземцы вообще неисправимые лгуны, прирожденные сочинители, а те, которые побывают у миссионеров, не лучше делаются, а вконец портятся и так изощряются в деле лганья, что с ними никакого сладу нету.

Помнишь Кифи?

А Кифи, ребята, был один самоанец. Надо заметить, преиспособная bestия. Талант в своем роде.

Я уверен, если бы Кифи носил не темную самоанского изделия шкуру, а белую, да был бы пограмотнее, да пристроился бы он к какой-нибудь любящей «бум» делать нашей американской газете, этот Кифи сделал бы, думаю, блестящую карьеру!

Если бы, впрочем, не линчевали бы его подписчики.

Ну-с, так этот Кифи здесь же, в Апии, столько раз наводил на население настоящую панику своими рассказами самого фантастического свойства, что прямо-таки прославился:

— Кифи, делатель страхов.

Должно быть, на Безымянном острове моему боцману и попался двоюродный брат, а то и единоутробный братец нашего Кифи, делателя страхов...

Перазич был заметно сконфужен, но все же пытался оправдаться.

— Да, видите ли, капитан! — твердил он. — Уж больно искренним показался мне этот парень! Уж так он просил нас...

— Просил подарить ему рубашку?

— Да нет!

— Бутылку рому?

— Да нет же, капитан!

— Перочинный ножик? Старый цилиндр? Шитый мишурой мундир итальянского тамбур-мажора?

— О, капитан! — взмолился боцман. — Вы мне слова вымолвить не даете!

— Я? Тебе? Слова вымолвить не даю? Опомнись, боцман! Да говори, сколько твоей душевке угодно! О чем тебя просил этот лгун?

— То есть не то что просил, но умолял!

— Тебя?

— Да нет же! Нас всех! Ну, вас, капитан! Потому что он меня за капитана принял, не в обиду вам будь сказано!

— Ну? Так о чем он меня умолял?

— Чтобы мы, значит, подбирали якоря и уходили без оглядки отсюда!

— Кто-нибудь из вас двух, Перазич, с ума сошел! Или ты, или этот соломонец!

— Не знаю, капитан!

— И я не знаю. Я знаю только одно: я заплатил Гинцу за груз «Джессики» сто фунтов стерлингов, как одну копеечку, да затратился на покупку скафандров, на наем в Апии

четырех водолазов, на путешествие сюда. Как ты думаешь, деньги у меня бешеные или нет?

— Разумеется, не бешеные!

— Ну, то-то же! Швырять деньги я и смолоду не любил, а под старость и тем более. Гроша медного даром истратить не намерен!

И будь тут не одна «Зеленая смерть», а будь в компании с нею «Смерть голубая», «Смерть розовая», «Смерть цвета дыма Абукирского сражения», «Смерть полосатая», «Смерть крапинками», сто тысяч разноцветных смертей, мне на всю эту ассамблею в высокой степени начхать. Я пришел сюда добыть со дна моря несколько тонн раковин, и я их добуду. Прочее же меня не касается, особенно пьяная болтовня какого-то изолгавшегося вконец дикаря.

А вот что.

Акулы здесь, надо полагать-таки, водятся в большем количестве, чем золотые рыбки в аквариуме какого-нибудь любителя, и водолазам надо держать ухо востро. Позаботься-ка ты, Перазич, о том, чтобы каждый водолаз, спускаясь на дно, непременно был как следует вооружен. Снабжай ты их малайскими «криссами». Великолепное оружие для борьбы с «морской гиеной»! Одним ударом «крисса» любой акуле можно распороть туловище от челюсти до хвоста, не только кишки выпустить, но и всю остальную требуху акульего тела. Впрочем, я ведь и сам буду с водолазами от времени до времени спускаться: свой глаз — алмаз.Пусти водолазов работать без присмотра, они там усядутся, калякать будут, трубочки покуривать...

Ну, тут Перазич не выдержал:

— Побойтесь Бога, командир! — сказал он. — Под водой-то калякать?

— А ты не видел ни разу неаполитанцев? Те, брат, рта не раскрывая, отлично объясняться умеют! Что хочешь другу сообщать!

— Это как же так?

— А руками! Получше действуют, чем иной матрос языком!

— Положим, что так. Но уж курить-то в воде водолазы

не сумеют, командир?

— А ты к словам не привязывайся! Мало ли что сболтнешь?! Ну, курить не будут, так все равно, будут баклуши бить. А кто будет за это платить?

Эти господа и так с меня шкуру сняли: по два доллара в день, когда они не спускаются, плачу я им, да по пяти за день работы под водою. Вот ты и посчитай...

Мой верный боцман только покрутил головой.

Так этот разговор и закончился.

Утром следующего дня, убедившись, что все в порядке, я распорядился начинать работы.

Хотелось мне самому понаблюдать, как будут управляться мои водолазы, и вместе с первой парой спустился на дно и сам я.

Ну, поглядел я на то, как они начали ломami и зуби-

лами выламывать бока у злополучной «Джессики», чтобы образовать широкое входное отверстие прямо со дна в трюм: так было бы легче пробираться туда, где лежали раковины. Палуба-то уж больно изуродована: исковерканные железные штанги, снасти, обломки досок палубы, какие-то переборки, все это громоздилось на палубе, образуя своего рода паутину.

Правда, расчистить всю эту рухлядь не мудрая штука. В крайнем случае подложил парочку динамитных патронов, и дело в шляпе.

Но зачем рвать судно динамитом, когда, повторяю, в трюм гораздо легче проникнуть сбоку? А в боку у «Джессики» было столько дыр, что казалось, будто кто-то из парохода хотел настоящее решето соорудить!

Поработали под моим наблюдением водолазы целый час.

Никто работе не мешал, и шла она отлично.

Воздушные насосы работали преисправно, недостатка в воздухе мы не испытывали. Давление пластов воды, правда, давало себя знать: хоть и лежала «Джессика» на сравнительно мелком месте, так, что если бы уцелели ее мачты, то, пожалуй, торчали бы они из воды, но все же, когда работаешь и на глубине всего десяти-двенадцати сажен, давление воды чувствительно. И будь я трижды, даже три с тремя четвертями раз проклят, если я когда-нибудь выберу для себя ремесло водолаза, хотя хороший водолаз умудряется зарабатывать лучше иного капитана!

После часовой работы мы все трое поднялись на палубу тут же стоявшей «Сузи», чтобы отдохнуть. А тем временем на дно отправилась вторая смена, то есть свежая пара уже заранее приготовившихся водолазов.

Я, признаться, несколько устал, и потому, только сняв с себя скафандр, выпил глоток грогу для подкрепления и освежения, и лег в своей каюте вздремнуть часок, доверив надзор за судном боцману.

Не могу сказать, долго ли я продремал. Должно быть, не так уж долго: с полчаса, не больше.

Как вдруг неистовый стук в двери моей каюты разбудил

меня.

— Отворите, капитан! — слышу я крик.

— Это ты, Перазич? Что нужно? Случилось что?

— Да с водолазами, капитан, неладно.

Я моментально выскочил на палубу, чтобы узнать, в чем дело. Вижу, оба водолаза из второй смены, тут же вытащили их, значит. Один лежит пластом, и матросы поливают его голову водой. А другой сидит на скамейке. Шлем с него снят: отвинтили матросы и поставили тут же, на скамье. А он, водолаз, сидит, лицо у него бледное, глаза круглые, нижняя челюсть отвисла. И все вздрагивает.

— Что случилось? — спрашиваю его я.

— М-м-м-м...

Только и заговорил он, когда я закатал ему порционную порцию виски. Да и то сначала виски попросту изо рта вылилось, словно у него не рот был, а дырявое решето.

И только при второй порции сообразил парень, что не морскую воду ему льют в глотку, а прости, Господи, виски по полтора доллара бутылка!

Ну, оправился он, а тем временем и тот, первый водолаз, которого матросы водой поливали, словно он горел, а они пожар тушили, тоже очнулся. Накатали и его чем-то подкрепляющим и освежающим.

Разогнал я матросов, чтобы не толклись около водолазов. Спрашиваю:

— Ну? Что случилось? Акулы, что ли? Или наткнулись на трупы внутри судна?

Надо вам заметить, подлая это штука, трупы утопленников. Сам я знаю одного водолаза, который как-то вошел в каюту затонувшего судна, где было штук двадцать утопленников.

Так когда водолаза вытащили, у него из черных волосы в белые превратились, и сам он сразу лет на двадцать постарел. Такую красивую, знаете, картинку увидел в каюте, полной мертвецов.

— Нет, какой?! — отвечает мне один из водолазов. — Ни акул, ни трупов я не видел!

— Тогда чего перетрусили? Или, может, не перетрусили

вовсе, а просто-напросто воздушный насос стал плохо действовать, воздуху не хватало? Говорите же!

Переглядываются мои водолазы смущенно. Словно спрашивают друг друга, что говорить.

Дал я им еще по глотку виски, чтобы развязать языки, понукаю:

— Выкладывайте, что случилось? Уж не на спрута ли наткнулись?

Всякий знает, что любой водолаз боится спрута или осьминога больше, чем любой, даже самой гигантской, акулы.

Попробуйте уверять людей, что гигантские спруты существуют только в фантазии писателей да в рассказах ушедших от моря на берег, в чистую отставку моряков, любящих поморочить голову ближним!

Я не отрицаю, упаси меня Бог, что существуют спруты, или кальмары, или осьминоги, назовите, как хотите, весьма солидных размеров. Но...

Существуют лотереи, в которых имеется выигрыш в миллион? Существуют!

Выигрывает кто-нибудь и первый приз?

Выигрывает!

Но бывает ли это часто, джентльмены?

На три миллиона билетов один с первым призом! Таковы, приблизительно, и шансы наткнуться на спрута больших размеров, на спрута, опасного для человека.

На мой вопрос, не наткнулись ли водолазы на такое чудовище, я получил тот же отрицательный ответ. Или, правильнее сказать, какое-то отрицательное мычание да постукивание зубами.

— Так в чем же дело, наконец? Чего вы, дьяволы, тревогу подняли? Почему дали сигнал, чтобы вас вытаскивали наружу? И почему вы перетрусили, как... Как щенки?

Добиться ответа удалось далеко не так легко и скоро. И самый ответ отличался крайней неопределенностью.

Оба водолаза, работая, увидели что-то.

Это было ясно установлено.

Но что именно они увидели, это, хоть убей, не выяснялось!

По словам одного, ему показалось, словно из недр моря в нескольких десятках сажен от остова затонувшей «Джесики» начала вырастать странной формы гора.

Этого было достаточно, чтобы у него мозги перевернулись, и он дал сигнал:

— Поднимай!

Другой замешкался. «Гору» видел и он, но, по его уверениям, эта гора *плыла* над морским дном, приближаясь к пароходу, и у горы была шея, длинная, цилиндрическая, и была голова, напоминавшая голову верблюда, что ли.

— Пьяны вы были оба! — крикнул я раздраженно на водолазов.

— Да нет же! — отозвался один из них. — Ни капли во рту не было!

— Врешь, как... как коммивояжер! Ну-ка дыхни на меня!

Парень дыхнул, и все присутствующие расхохотались: спиртом от него разило на полверсты.

И самого его удивило это обстоятельство.

— Побожусь, — говорит, — что вовсе не пил я! Сам не понимаю, почему теперь от меня спиртом несет! — твердит он, забывая, что мы только что накачивали его виски, приводя в сознание.

— Верно, около камбуза долго шлялся, приняхивался, да и нанюхался! — пошутил я. — Однако, ребята, так дело не пойдёт! Я вас нанял вовсе не для того, чтобы бабьи сказки тут выдумывать, да в обморок падать! Водолазы вы или нет?

— Известно, водолазы. Только...

— Взялись ли вы за работу?

— Взялись, только...

— Стоп! Отговорок никаких. Или да, или нет. Середки нету!

— Да мы...

Ну, тут отозвались те, первые водолазы. Ребята были из зубастых, посмеяться любили.

— Гоните, — говорят, — капитан Смит, этих младенцев в шею. Мы и сами со всею работой справимся!

Поднялся крик, спор. Кто уж рукава засучивает, кулаками махать собирается. Матросы мои поодаль стоят, потешаются.

Не знаю, кому в голову остроумная идея пришла.

— Навинтите им шлемы, — кричит, — да и пусть дерутся тут, на палубе! Только чтобы без обману, и ножи поотбировать, а то они водолазные костюмы попортят: дырок понаделают!

Признаться, самому мне смешно сделалось.

Знаете, что такое водолаз в полном снаряжении на суше или на палубе? Черепаха!

На ногах у него свинцовые подошвы, так что ходить он может, как черепаха, еле-еле ноги переставляя. На голове медная коробка или шлем. Тоже, доложу я вам, штука легонькая: если малосильному человеку этот шлем надеть, так он и присядет, согнувшись под тяжестью.

Так вот, если водолаз стоит на земле, находясь в полном снаряжении, он, по существу, скован. Двигаться с большим трудом может.

Ну, и представьте себе вы такую кадрили: четыре чудовища с медными башками, с ногами, которые словно прилипают к доскам палубы. И эти четыре чудовища гоняются друг за другом и неуклюже машут кулаками...

Потеха, да и только!

Но, однако, тут-то не до шуток!

— Смирно! — закричал я. — Замолчать! Нам о работе думать надо, а не о фокусах разных!

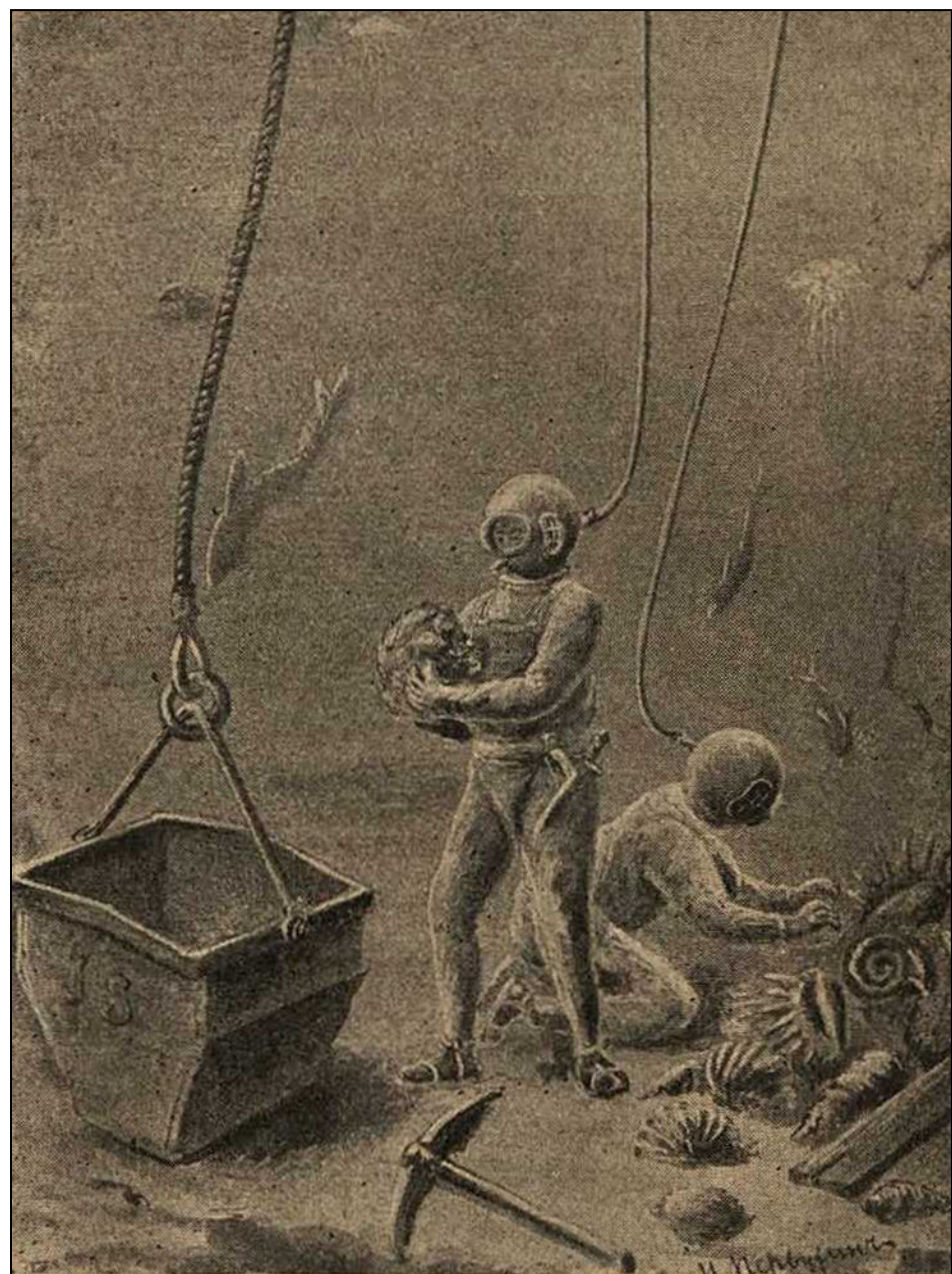
— Первая пара водолазов! Готовы вы, что ли? Отдохнули?

— Так точно!

— Лезете сейчас в воду?

— А почему нет?

Ну, и под моим собственным присмотром снарядили их, спустили в воду. Проработали они положенное время благополучно. Успели за это время нагрузить раковинами не один спущенный с палубы «Сузи» на цепях ковш. Поом поднялись, а на их место отправились водолазы второй пары, те, которые раньше видели будто бы какую-то «плаваю-

щую гору» или нечто в этом роде. Так работа шла до вечерних сумерек, и все обошлось благополучно.

В сумерках, понятно, работу пришлось прекратить: во-первых, и люди-таки приутомились, а, во-вторых, у меня на «Сузи» не имелось приспособлений для электрического освещения, при помощи которых можно было бы вести ночные работы.

Вечером, вскоре после того, как, поужинав, мои матросы расположились на ночлег, вахтенный берегового лагеря поднял тревогу: кто-то приближался к лагерю, а часовой, недолго думая, хватил его выстрелом.

Ей-Богу, тут в первый раз в жизни видел я, до чего люди могут терять голову!

Во мгновение ока весь гарнизон моего лагеря, там было, как-никак, девять человек, и все здоровые молодцы, и все вооружены от пяток до зубов, — кажись, самого черта бояться нечего, — был на ногах.

Оказалось, достаточно одного шального выстрела, чтобы вся ватага с криками кинулась бежать врассыпную по берегу, взывая о помощи.

На палубе тоже была вахта. Один матрос дежурил, как всегда в этих опасных водах, у заряженной картечью и обращенной к берегу пушки. Недолго думая, он дернул затравку, и выстрел грянул, туча картечи полетела на берег.

Тут и на пароходе поднялась суматоха невероятная. Покуда мне удалось унять весь этот нелепый шум, покуда спущенные боты приняли бежавший из окопов гарнизон, прошло довольно много времени.

На берегу все было тихо и спокойно. Только где-то далеко-далеко в горах зажглись огни и оттуда слышались заунывные звуки большого тамтама.

Оставалось предположить, что и там, в горах, куда спрятались туземцы, отразилась эхом начавшаяся у нас тревога.

Разумеется, до рассвета мы уже не могли заснуть. А как только рассвело, я с Перазичем и дюжиной наиболее хладнокровных людей отправился на берег на разведки.

И что вы думаете?

Мы довольно скоро отыскивали причину всей сумятицы:

в десяти саженьях от наших окопов, где еще валялись фуражки и сапоги моих храбрых матросов, мы увидели огромную тушу какого-то животного, валявшегося на земле.

Пуля из ружья часового не пролетела мимо, а угодила прямо в лоб ночному скитальцу и уложила его тут же.

Это был крупных размеров бык со спиленными рогами и ярмом на шее.

Чего искало невинно пострадавшее животное на берегу, не берусь сказать. Оставалось предположить, что оно попросту бродило по берегу, инстинктивно ища человеческой близости.

Ведь туземцы-то, напуганные не то нашим приходом, не то сказками о «Зеленой смерти», бежали в горы и туда же угнали, конечно, свои стада. Но в горах растительность скудная, и скотине там должно было приходиться не очень весело. Вот какой-то бык, на свое горе, и удрал с гор поближе к берегу, не подозревая, что его приход к нашему лагерю может наделать столько шуму...

Пожурил и постыдил я матросов, как говорится, разделив их на обе корки.

В самом деле, да что же это такое!

Словно ребята, которые, наговорившись вечером о разбойниках и привидениях, потом ночью истерики закатывают?!

Но, между прочим, не преминул сообразить, что есть и одна положительная сторона в ночном приключении: благодаря отсутствию у берегов туземцев, мы были совершенно лишены возможности войти в соглашение с ними и приобрести хоть парочку баранов для освежения нашего стола. А тут целый бык, и довольно хорошо упитанный, был к нашим услугам.

Разумеется, мы распластали тушу. Требуху выкинули в море, пусть и рыбам что-нибудь достанется. А мясо забрали на судно и сдали нашему коку с поручением устроить пир горою для поднятия храбрости у тех самых храбрых матросов, которые-таки победили... быка прошлой ночью!

Утренние работы этого дня, понятно, шли очень и очень вяло: бессонная ночь со всеми ее тревогами истощила на-

ши силы, и мне поневоле приходилось сквозь пальцы смотреть на то, что мои матросы шлялись, словно сонные осенние мухи, еле перебирая лапками, прилипая к месту, особенно в тени, где можно прикорнуть и задремать.

Но к вечеру команда оправилась. Всюду смеялись над самими собою и без пощады травили особенно отличившихся в часы паники.

Наиболее молодые из матросов даже устроили какую-то «церемонию» с поднесением поднявшему всю суматоху часовому, Джимми Стоктону, специального знака отличия:

— Ордена бычачьего хвоста первой степени на муаровой ленте.

Джимми отбивался от «награды» и руками и ногами, визжал, как недорезанный поросенок, но они его загнали в какой-то угол, и таки повесили ему на грудь свой орден, довольно искусно, надо признаться, сооруженный из кончика бычачьего хвоста, каких-то обрезков жести от ящиков с консервами и петушиных перьев.

Потом все поздравляли Джимми «с орденом и чином», и выливали ему на голову по ковшу холодной воды, покуда бедняга не вымок насквозь и не взмолился о пощаде.

Досталось и моим водолазам: к тем явилась депутация из пяти посланцев от самой ее величества «Зеленой смерти» требовать отчета, как они, водолазы, осмеливаются спускаться на дно морское и тревожить косточки Ее Величества?

«Зеленую смерть» изображал нарядившийся в балахон наш повар, датчанин Гансен.

И черт их знает, этих больших младенцев, до какой степени они изобретательны в подобных случаях?!

Так, Гансен сидел на троне, сооруженном из пустой бочки и пары досок. Его балахон был ярко-зеленого цвета. А его голова...

Признаться, я и сам попятился, увидев его голову!

Канальи ухитрились препарировать череп убитого ночью быка, выкрасили тоже в зеленый цвет вплоть до рогов и нацепили на башку Гансена или, правильнее, подняли над его головою эту устрашающую штуку на каком-то шесте.

В общем, «Зеленая смерть» оказалась и внушительной и пренелепой...

А кругом трона выплясывали «подданные Ее Величества»: гигантский краб, акула, меч-рыба, морской паук, он же Марк Матис на ходульках, и так далее.

Все это визжало, кувыркалось, дудело, свистело и орало на всевозможных языках.

Вы, может быть, подумаете:

— На кой же черт капитан Смит позволял своим матросам, так сказать, дурака валять?..

А я вам на это отвечу просто:

— Я видел, что все рассказы о «Зеленой смерти» таки навели на моих людей некоторое уныние, что ли, развили нервность.

И надо было во что бы то ни стало поднять дух команды. А то, чего доброго, ведь команда могла и отказаться от исполнения своих обязанностей.

Знаете вы, что такое бунт на корабле, да еще в таких водах?

То-то и оно!

Нет, уж лучше пусть мои ребята побеснуются, отведут душу. Беды в этом нету.

Празднество «закончилось появлением» посольства «Зеленой смерти» в моей каюте.

Посольство поздравляло меня, как командира судна, с прибытием в воды, подвластные «Зеленой смерти».

Я учтиво поблагодарил за поздравление и осведомился, какой именно напиток предпочитает за своим столом Ее Величество?

— Кроме шампанского, ничего не пьет. Но ради первого знакомства согласна и на бутылку рому!

— Выкатить маленький бочонок! — распорядился я.

И «посольство», заявив от имени своей владычицы полное уважение и готовность оказывать услуги во всех случаях и при всяких обстоятельствах, удалилось на палубу, где сейчас же и началось распитие подаренного мною бочоночка рому.

Словом, весь этот день у нас прошел, как говорится, без толку для работы, но зато и без всяких приключений, а к

вечеру мои матросы так разогрелись, что если бы, в самом деле, сама мифическая «Зеленая смерть» показалась, то они приняли бы ее за замаскированного повара и наложили бы крепкими кулаками по загривку...

Утром следующего дня, едва только рассвело, я поднял на ноги всю команду.

— Ну, ребята! Побаловались, пошутили, пора и честь знать! Не стоять же тут нам вечно? — сказал я. — День простоя, сами знаете, обходится мне не меньше, как фунтов двадцать. А за все это время вытащили мы на борт «Сузи» раковин всего на все фунтов на десять. Пора и честь знать.

— Да разве за нами остановка? Да разве мы что? — сконфуженно оправдывались мои молодцы.

— Так за работу! Гэй, водолазы! Готовься к спуску!

Водолазный бот на воду!

Перазич! Ты будешь на боте. Я сам спущусь с первой партией!

И работа закипела.

До полудня мы, во-первых, здорово-таки расчистили пролом в боку «Джессики», разворотили дыру настолько, что теперь пара водолазов могла беспрепятственно входить в трюм судна одновременно и вытаскивать оттуда груз, и при этом я лично позаботился о том, чтобы были сбиты и завернуты в сторону острые осколки железной обшивки борта: ведь сами знаете, долго ли до греха? При неосторожном движении водолаз может порвать свой прорезиненный костюм о какой-нибудь гвоздь или какой-нибудь шпиль, и вода проникнет внутрь, задушит человека.

Хорошо еще, если он вовремя даст сигнал, и люди, сидящие в боте, успеют вытащить его наружу! А то пропал человек ни за понюшку табаку!

Во-вторых, при моей помощи, водолазы успели вывалить из трюма на морское дно несколько центнеров раковин, а я нагрузил штук десять ковшей.

В общем, по моему мнению, если бы работа шла так же успешно, как в этот день, «Сузи» не пришлось бы особенно долго стоять у этих опасных берегов: в неделю, самое большее, работу можно было покончить, вытащить наружу, оп-

ростав трюмы «Джессики», все, что заслуживало быть вытасканным, а там поднять якорь, развести пары, и гайда по домам...

Но кто на море работает, тот не должен очень полагаться на удачу.

Сегодня море в одном настроении духа, завтра — в другом.

Сегодня оно милостиво к моряку, завтра, Бог один знает, почему, оно разозлится, рассвирепеет и пойдет качать.

Так вышло и с нами. К вечеру Перазич доложил мне, что барометр угрожающе падает.

Посмотрел я на небо, ох, не нравится оно мне!

До заката еще далеко, а все небо словно выцвело, побледнело, и словно какие-то нити тянутся по нему с юга на север, будто призраки легионами мчатся в недостигаемой выси...

Поглядел я на море, и того меньше нравится оно мне: вдали черная полоса. Там, значит, уже идет волнение.

Поглядел я на берега, нет, скверная штука!

Бухта, в которой стояла моя «Сузи», была бы ничего на тот случай, если бы волна шла с северо-запада. Но если ударит с юго-востока или юга, тут вода будет кипеть, как в котле, и на якорях не удержишься. Может и на берег выкинуть, а то, попросту, о прибрежные рифы расколотить, как расколотило «Джессику».

Моментально развел я пары, поднял якоря и принялся улепетывать.

Полных двое суток боролись мы с жестокой бурей.

С одной стороны, уж очень не хотелось мне уходить далеко от Безымянного острова, подняв только пятую долю приобретенного груза. Не хотелось забиваться далеко отсюда.

А с другой стороны, боялся я, как бы и «Сузи» не потерять. Настоящих, благоустроенных гаваней в этих местах где же искать? Лет пять-десять, а то и сто пройдет раньше, чем цивилизованное человечество справится с работой и заселит берега, выстроит маяки, устроит гавани.

Теперь в случае чего приходится отстаиваться на рейде или уходить в открытое море, чтобы не быть разбитым о скалы. Но всему бывает конец. Пришел он и для налетевшей на нас столь не вовремя бури.

Посветлело небо, улеглись гонявшиеся на просторе моря друг за дружкой горы-волны. Стих дувший свирепыми порывами ветер, и «Сузи», оправившись, могла опять повернуть бушприт по направлению к Безымянному острову.

Еще сутки пропали, покуда мы добрались до места и стали в бухте на якоре.

Боже ты мой, Господи, чего не наделала пронесшаяся над этим островком буря за время нашего отсутствия?! Очевидно, вовремя мы удрали!

Весь бережок был покрыт грудami морских растений, нанесенных откуда-то свирепыми волнами. От устроенного нами лагеря с бараками и окопами оставался только след: ветер разметал бараки по щепкам, волны размыли окопы.

И насколько хватал глаз, повсюду на берегу валялись какие-то обломки досок и балок.

Я сразу заподозрил, что с «Джессикой» не все обстоит благополучно, и мои опасения подтвердились.

Как только волнение улеглось настолько, что явилось возможным снова приняться за водолазные работы, я лично спустился на дно и убедился, что волнением предшествующих дней затонувшее судно сдвинуло с места, подволокло ближе к берегу, разорвало буквально пополам.

Впрочем, это последнее обстоятельство было нам только на руку: теперь добывание груза «Джессики» уже не представляло ни малейших затруднений, потому что три четверти оставшихся в трюмах раковин высыпались попросту на дно и лежали горами между подводных камней. Знай только подбирай, да складывай в ковши.

Я заканчивал осмотр положения судна и уже дал сигнал о поднятии, как вдруг, случайно повернувшись, в изумлении остановился, не веря своим глазам: в самом деле, буря, должно быть, наделала делов и на морском дне. А еще говорят, что на очень сравнительно небольшом расстоянии от уровня моря вода остается абсолютно спокойна даже и в мо-

менты наиболее жестокого волнения снаружи?!

Положим, что бухта, в которой лежала «Джессика», особой глубиной не отличалась, но все же...

Единственное рациональное объяснение, которое я находил, это было такое: течением откуда-то нанесло на знакомые мне подводные скалы не то груды песка, не то горы морских растений. И все это, улегшись на скалах, имело теперь самые фантастические очертания.

Ну да, конечно же! Вон как будто длинный хвост стелется по пологой части дна, свесившись с большой плоской скалы вниз. А вон гигантский хребет с чуть просвечивающимися позвонками и ребрами. А вон и голова...

Все это смутно, чуть заметно, словно в глубоком тумане, потому что вовсе не так близко от места, где я находился, а ведь как ни прозрачна морская вода, все же это не воздух. Ну, видишь на двадцать, тридцать сажен отлично. А дальше мгла сгущается и сгущается...

Стоп, машина!

Не эту ли самую штуку *тогда* видели и мои водолазы? Так и есть!

Вот и готовое объяснение всем нашим страхам!

Один просто увидел фантастические очертания скал, песчаных бугров, покрытых пучками водорослей, и испугался. Другому показалось, что эта штука шевелится, и он перепугался еще больше.

А я, третий вот, смотрю, и хладнокровно рассуждаю, и мне ничуть не страшно, потому что я только отношусь спокойнее к делу и не теряю головы.

Мне сделалось до того смешно, что я расхохотался.

И вместо того, чтобы подниматься, я дал на бот сигнал: спускать обоих водолазов первой пары.

Минуту спустя с качавшегося надо мной бота пошла медленно опускаться, странно, нелепо раскачиваясь, человеческая фигура. Это был первый из водолазов.

Пренелепое это зрелище спускающийся к вам, на дно, сверху водолаз!

Но в данный момент я думал не об этом: мне доставляло удовольствие думать, как посмеюсь я над нелепым стра-

хом водолазов.

Пусть они спустятся, займутся работой, ничего не подозревая. А когда они углубятся в работу, я покажу им фантастические очертания в стороне и мимикой, конечно, спрошу, что теперь они, в моем присутствии, думают о подводном чудовище?

Взрослые люди, а могут дойти до того, что груды песку и водорослей принимают за какое-то чудовище, падают в обмороки, стучат зубами! Стыд и срам!

Но первый водолаз уже стоял возле меня. У него в руках была кирка, а за поясом малайский крисс, необходимое оружие на случай нападения акулы.

Спускался и второй.

Едва дождавшись того, что его ноги коснулись дна, я сразу тронул их обоих за плечи и потом показал в ту сторону, где была странная гора.

Но можете себе представить мое удивление и даже, если хотите, испуг?

Теперь этой странной горы, этих бугров песку и водорослей не было!

Все исчезло, как сновиденье!

Я не верил своим глазам!

Да что это?

Дьявольское наваждение, что ли?

Или...

Или и я способен, раз только опущусь на дно морское, приняться галлюцинировать, как ребенок?

Мои водолазы явно недоумевали, не понимая, на что же именно я хотел обратить их внимание.

Они приближали к моему шлему свои шлемы, глядели на меня сквозь толстые стекла в медной блестящей оправе недоумевающе, пожимали плечами, словно пытаясь спросить:

— Чего же ты от нас хочешь?

А я стоял, не зная, что сделать.

Собственно говоря, инстинкт подсказывал мне, что делать: бросить все, немедленно подняться на поверхность. Ну его к черту, этот груз раковин!

Правда, я потерплю убыток в две-три сотни фунтов стерлингов, потому что только часть моих издержек окупится уже добытыми со дна раковинами.

Но я не так уж беден, чтобы бояться такой потери! Не разорит она меня, во всяком случае!

Но тут заговорило проклятое самолюбие. Знаете вы, господа, что это за самолюбие моряка?

Я подумал, каким насмешкам неизбежно подвергнусь я, если вот так, ни с того ни с сего, потому только, что мне что-то попритчилось, что-то померещилось, отдам приказ прекратить успешно идущие работы и, подняв якоря, улепетну из этого места?!

Слава Богу, до сих пор о Джонатане Смите никто не говорил, что он трус или лунатик!

Нет, все вздор! Будем работать! И больше ничего! Два или три ковша было благополучно нагружено раковинами и поднято на борт стоявшей почти над самыми нашими головами «Сузи» благополучно.

Я чувствовал, что мною овладевает уже утомление: пора подниматься.

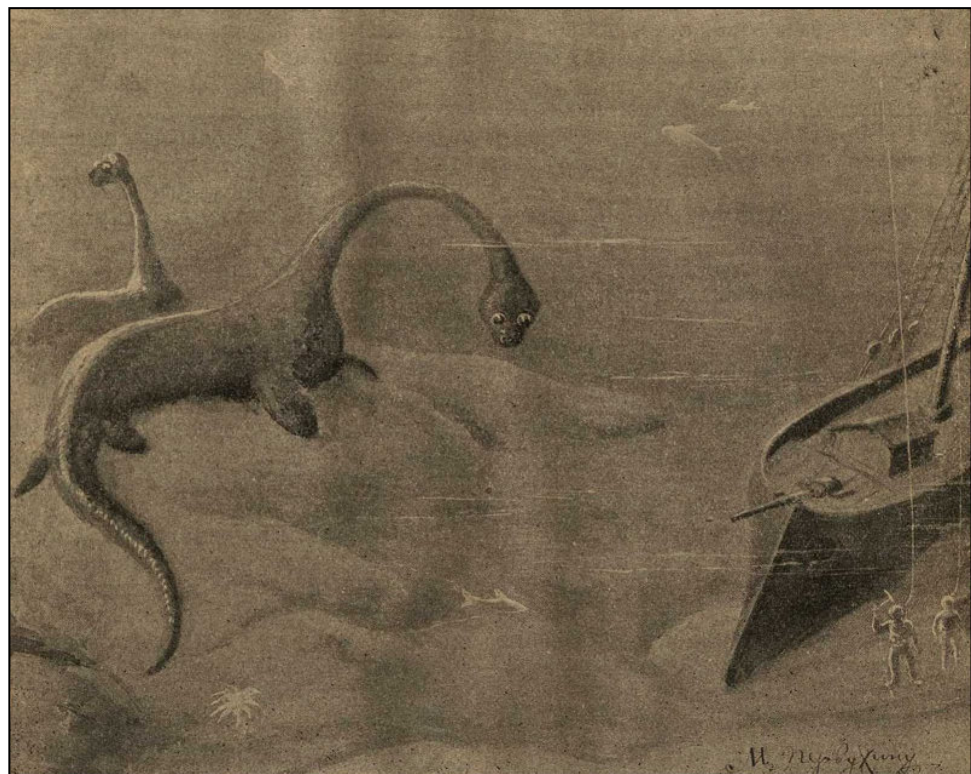
И вот в это-то мгновение произошло все...

Мои водолазы копошились почти у борта «Джессики», я же стоял несколько в стороне, впереди бушприта.

Они работали, согнувшись, таская раковины и накладывая их в спущенный ковш, и потому покуда ничего не видели. Я же стоял выпрямившись, оглядывая окрестность. И я первый увидел. Я увидел, как что-то странное, нелепое сначала поднялось из-за корпуса «Джессики», словно гигантская труба, суживающаяся кверху и заканчивающаяся каким-то колпаком. Потом эта труба перегнулась, опустилась над бортом. Это была шея и голова фантастического морского чудовища. Это была «Зеленая смерть», о которой нас предупреждал воспитанник миссионеров, — «Зеленая смерть», над которой мы столько потешались трое суток тому назад...

Какой величины была голова?

Ей-Богу, я затрудняюсь сказать!

По-моему, во всяком случае, она была, по крайней мере, величиной с самую большую бочку, какую я только видел в жизни. Так, ведер на сто, если не на полтораста.

Вытянутые челюсти, крутой маленький лоб, два глаза, светившиеся зеленым огнем, подобие ноздрей или дышал.

Я отчаянно задергал сигнальную веревку, давая сигнал: — Смертельная опасность! Тащите во всю мочь!

Словно вихрем подхватило меня, оторвало от дна и повлекло наружу к плясавшему у борта «Сузи» боту с насосом.

Помню, почему-то мне стало жарко, нестерпимо жарко, настолько, что я буквально с ног до головы облился потом. И одновременно мне не хватало воздуха: я задышался.

И в то же время я кричал, кричал диким, нечеловеческим голосом.

Я отлично сознавал, что этот крик, этот зов о помощи абсолютно не нужен, бесполезен: он рождается и умирает тут же, внутри шлема. Наверху, у того, кто сидит у насоса, держит слуховую трубку, слышен только мой рев, бессвязный, безумный, нечленораздельный рев обезумевшего от ужаса человека, и ничего больше. Но те, кого мой крик мог бы предупредить о грозящей им опасности, быть может, о гибели, пришедшей в образе какого-то фантастического подводного чудовища — те не могут услышать ни единого звука, даже самого слабого...

Однако то, что меня стали поднимать, не могло остаться незамеченным моими спутниками.

Да, они видели каждое мое движение.

Я махал руками, показывая им на борт «Джессики», на свесившееся над их головами змеинообразное «нечто», шею и голову «Зеленой смерти».

Все это разыгралось гораздо быстрее, а может быть, и гораздо медленнее, чем я сейчас рассказываю: я ничего не знаю, ничего не могу определить. Потому что при таких обстоятельствах мгновенья кажутся вечностями, но и вечность может пролететь, как мгновенье...

Помню только, что я видел, как фигура одного из водолазов тоже отделилась от морского дна.

Должно быть, он дал сигнал к поднятию.

И его поднимали. Но поднимался он как раз по линии, проходившей мимо головы чудовища.

И я смутно видел, как эта проклятая змеиная шея вытягивалась вслед за поднимающимся водолазом, словно изумленная тем, что он, червяк, осмеливается приближаться...

Потом...

Потом я ничего связно не помню.

Помню только, что меня втащили на борт шлюпки. Втащили и одного водолаза: я видел его шлем рядом с моим шлемом.

Но в это мгновение что-то со страшной, неудержимой силой дернуло канат, которым был привязан еще остававшийся на дне наш третий товарищ.

Толчок был так силен, что бот перевернулся, словно скорлупка, и все люди, бывшие в нем, посыпались в воду.

Но на борту «Сузи» уже, должно быть, заметили, что у нас что-то не ладится, и моментально спущенные боты подобрали всех нас и вытащили на палубу парохода.

Когда я пришел в себя, полное смятение царило на палубе моего судна.

Матросы толпились около распростертого на палубе водолаза. Боцман Перазич тщетно пытался привести бедняка в сознание: водолаз был мертв.

Он не мог задохнуться, потому что в шлеме был постоянный приток воздуха. У него были здоровые легкие, как у быка, и он не изошел кровью от слишком быстрого изменения давления окружающей среды.

И, однако, он был мертв...

Единственное предположение — он умер от разрыва сердца.

Почему?

Чтобы ответить на этот вопрос, было достаточно взглянуть на его лицо, искаженное самой ужасной гримасой, какую я только видел в жизни.

И достаточно было видеть его выпученные и налившиеся кровью, остеклевшие глаза, в которых ясно читалось выражение смертельного ужаса...

Он умер, потому что на него в упор взглянули глаза «Зеленой смерти», и я понимал это, и я думал, что если бы и со мною было то же, то есть, если бы меня не подняли раньше, а проклятому подводному чудищу вздумалось бы вытягивать за мною шею и глядеть на меня зеленым огнем светящимися глазами, мои матросы увидели бы на палубе «Сузи» не меня, а только мое бездыханное тело, облитое липким потом...

Но второго водолаза не было. И оборванная, словно ножом перерезанная или зубами перегрызенная трубка для провода воздуха в шлем, оборванный канат, конец которого нам удалось выловить, ясно рассказывали о драме, разыгравшейся там, на дне: «Зеленая смерть» схватила своей гнусной отвратительной пастью нашего товарища.

Едва опомнившись, я вскочил на ноги и закричал неистовым голосом:

— Поднимай, поднимай пары! Скорее, скорее!

— Что случилось, командир? — испуганно допытывался боцман, передав мое распоряжение о поднятии паров в машинное отделение.

Но я не мог говорить.

— Пары, ради всего святого на свете, поскорее поднимайте пары! — кричал я. — Уйдем, поскорее уйдем из этого проклятого места!

— Машинист говорит, что пары подняты, но куда еще ничтожно. Если сможем пойти, то только самым тихим ходом!

— Хоть по-черепашьи, лишь бы выбраться из этой бухты!

— Ладно! — отозвался бледный как полотно Перазич.

И потом, видя, что от меня толку не добьешься, принялся самостоятельно командовать судном:

— Поднимай якорь!

Я стоял на палубе, машинально и совершенно безучастно глядя на все, совершавшееся вокруг меня.

Все мои мысли, все мои думы были прикованы к морскому дну. Я думал о том, что только что разыгралось там. Я думал о каком-то совершенно неведомом миру колоссальном ящероподобном подводном животном, пожравшем на

моих глазах одного из моих товарищей и убившем одним своим взглядом другого.

— Скорее, скорее! — торопил я боцмана, еле шевеля пересохшими губами.

— Сейчас, сейчас, командир! — отвечал он.

И все матросы понимали, что случилось нечто ужасное, нечто такое, чему имени нет. Они все были смущены, бледны, растерянны, как-то жались, сбивались в кучки, робко перешептывались друг с другом, опасливо поглядывая на тихо катившиеся к пустынному берегу волны.

— Скорее, скорее! Ради Бога, поскорее! — кричал я.

И вот паровая лебедка подтянула к шлюзам на носу оба якоря. Машина пошла. Завертелся за кормою винт. Пароход стал тихо, медленно выбираться от берега в открытое море.

Я облегченно вздохнул, снял фуражку и отер проступивший на лбу пот.

Но в то же мгновение фуражка выпала у меня из рук. Да, я ясно видел то же самое, что видел там, на дне морском: саженях в пятидесяти или шестидесяти от нас из вдруг яростно забурлившей воды вдруг высунулось огромное туловище.

Я не умею, опять-таки, сказать, какой величины было оно: мне была видна только длинная шея да часть спины. Но, во всяком случае, сама шея от основания до конца головы была не менее трех или скорее даже четырех сажен, а та часть туловища с передними конечностями, напоминавшими лапы тюленя, была вдвое или втрое длиннее шеи. И, кроме того, оставался еще бесконечно длинный хвост, конец которого мелькал далеко позади туловища...

В общем, я едва ли особенно ошибусь, если скажу, что все тело «Зеленой смерти», взятое вместе, вытянутое, так сказать, могло равняться саженям двадцати.

Но в данный момент было не до того, чтобы соображать, сколько будет от головы до хвоста, и сколько от хвоста до головы...

Крик ужаса огласил палубу.

Большая часть матросов в паническом страхе бросилась

гурьбой бежать, прятаться, куда глаза глядят.

Люди, словно ослепнув, натыкались на мачты, на бухты канатов, на стоявшие на палубе бочки и ящики. Иные, не добравшись до люков, падали и, подобно змеям, ползли куда-то. Другие, добрав до люков, буквально скатывались вниз, и, конечно, жестоко разбивались.

— Пушку! Пушку! — кричал я вне себя.

Этот крик заставил опомниться нескольких из матросов.

Во мгновение ока около обеих наших пушек поднялась возня. За одно орудие взялся Перазич, за другое я лично.

Мне удалось очень скоро повернуть дуло моей пушки в ту сторону, где еще виднелось огромное и безобразное туловище «Зеленой смерти», и где вода яростно колыхалась, словно кипела.

Но в то мгновение, когда я собирался выстрелить, новый крик ужаса отвлек мое внимание.

— Змея! Морская змея! — кричал кто-то из матросов, забравшихся на ванты.

Но это не была пресловутая сказочная морская змея. Да, действительно, нечто чудовищное плыло с моря, отрезая нам выход из бухты. И оно, если хотите, походило на морскую змею или вообще на змею, потому что над водой было видно добрых три сажени скользкого, зеленою отсвечивающего гибкого тела с бочкообразной громадной головой, имевшей висячие усы.

Но я-то понимал, что значит все это!

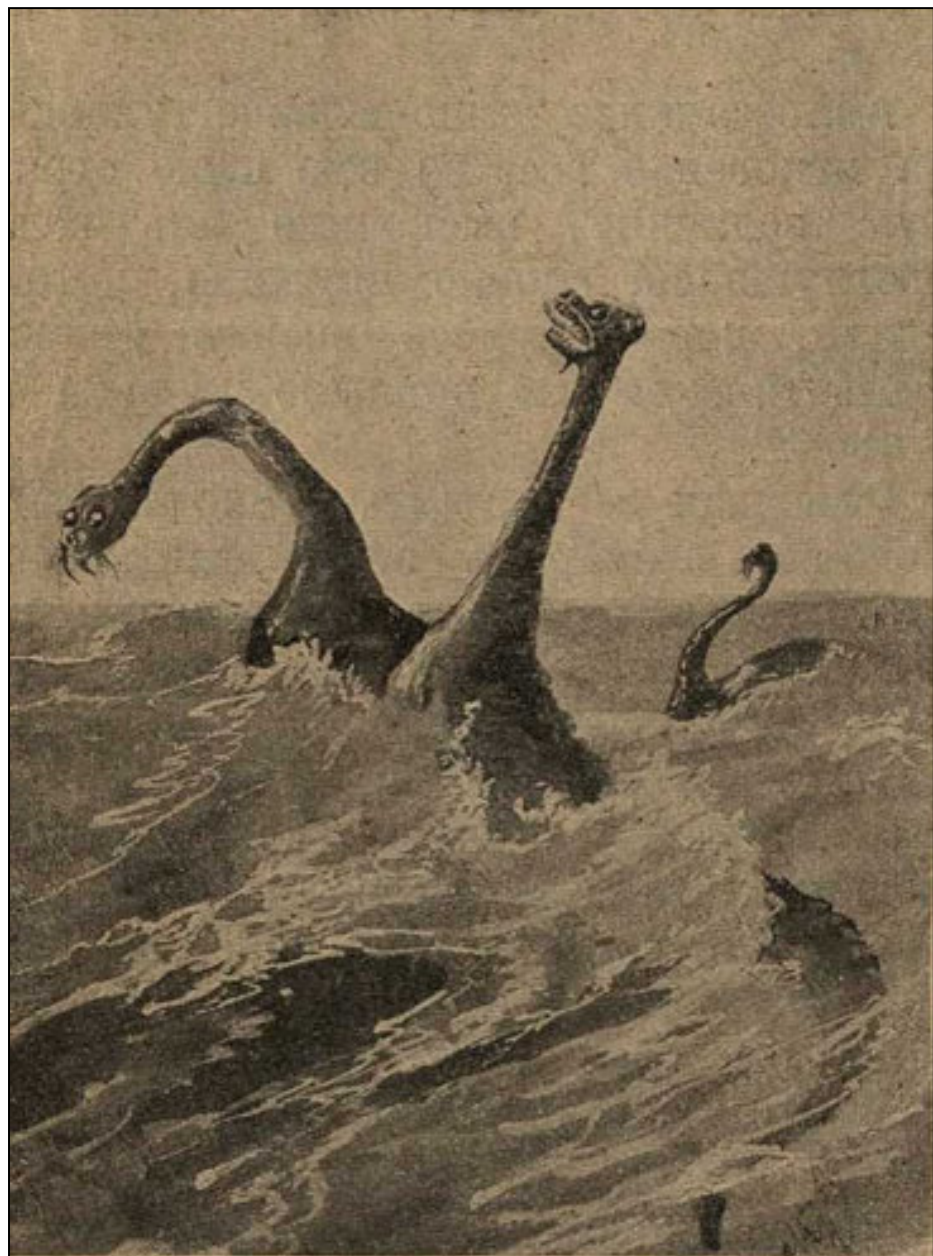
У чудовища, погубившего одного, — нет, двух моих водолазов, — был компаньон. Это он теперь плыл к бухте...

И еще вопрос, был ли он один?

Может быть, мне мерещилось?

Может быть, у меня мелькало и рябило в глазах?

Но нет, я видел, я видел! Здесь и там из волн моря высовывались, поднимаясь на большую или меньшую высоту, такие же безобразные бочкообразные головы. И воды всей довольно обширной бухты вскипали, бешено крутились, потому что их приводили в движение колоссальные двадцатисаженные зеленые тела с могучими хвостами, бешено хлеставшими волны...

Тем временем машинистам удалось значительно поднять пары и пароход шел уже довольно быстро.

Рулевой направил его несколько в сторону, будто стараясь поставить под защиту береговых скал. Маневр, как кажется, удался: по крайней мере, добрых десять минут «Сузи» бежала по берегу, и ни одно из чудовищ, переполнявших бухту, кувыркавшихся в ней, гулко шлепавшихся о воду, не обращал внимания на бегство судна.

Но это длилось, повторяю, не больше десяти минут.

И вот в то время, когда мы были уже близки к открытому морю, словно по кем-то данному сигналу пять или шесть чудовищ с невероятной быстротой ринулись в погоню за нами.

Они плыли, держась друг около друга. Над водой были видны только лоснящиеся, зеленоватого цвета круглые спины да тонкие длинные змеинообразные шеи, поддерживавшие бочкообразные головы.

Я видел, что головы эти были двух категорий: у одних, должно быть, у самок, как-то помягче, покруглее и без вишюлек-усов.

У других, по моему предположению — самцов, головы значительно большего размера, с более резко определенными чертами и с длинными, пожалуй, до сажени величиной, гибкими, словно резиновыми, усами.

Положительно почти не сознавая, что я делаю, я снова навел пушку на наиболее близко подплывшее к «Сузи» чудовище.

Миг — и пушка рывкнула своим медным горлом. Клубы порохового дыма окутали всю палубу.

Картечь, свистя и визжа, тучей понеслась навстречу гнавшемуся за нами «чудищу».

«Чугунная смерть» шла встретить «Зеленую смерть».

Сквозь дым я видел неясно результаты выстрела: часть картечи пролетела мимо змеиной шеи и пошла прыгать по волнам. Но часть, быть может, десять-двенадцать картечин, ударили в рыло «Зеленой смерти» и пониже, под головой, в гибкую шею. Голова обратилась в кровавую лепешку. Шея была изорвана в клочья, перешиблена, почти перерезана,

словно ножом.

Колоссальное темно-зеленое туловище на мгновение все, во всю свою огромную величину, выскочило из воды, изогнувшись, словно пружина, потом упало, перевернулось вверх беловатым брюхом и поплыло куда-то в сторону.

Плывшая за усатым самцом, быть может, главарем этого фантастического стада, самка с оглушительным и жалобным ревом или, скорее, стоном крутилась около обезглавленного тела. Она выла, да, положительно выла, изгибая тонкую, гибкую шею и поднимая круглые глаза к небу. Она ласкалась, она обвивала туловище убитого друга шеей, словно рукой, и обнимала его своими огромными лапами.

В это мгновение выстрелил Перазич.

Его пушка была заряжена не картечью, а гранатой. Граната перелетела группу из двух передовых чудовищ и с оглушительным треском взорвалась над несколькими плывшими поодаль ящерами, осыпая их осколками.

Не могу сказать, попали ли эти осколки, поранили ли они кого-нибудь. Но факт тот, что после взрыва гранаты чудовища моментально ушли под воду, попрятались. Миг — и воды бухты уже не кипели, не бурлили.

Правда, волны еще бежали к берегу и с тихим рокотом умирали у скал. Но темно-зеленых туловищ, но змеинообразных шей видно нигде не было.

Исчезло даже обезглавленное туловище «Зеленой смерти», убитой мною.

Я прямо не верил своим глазам!

И если бы не смертельно бледные лица моих матросов, да не крики о помощи, доносившиеся изнутри судна, куда свалилось человек пять-шесть моих «храбрецов», все происшедшее казалось бы мне отвратительным кошмарным сновидением.

По совести скажу, понадобились целые сутки пути, добрых четырехста километров расстояния от Безымянного острова, чтобы на судне у меня восстановился хоть кое-какой порядок.

Один из матросов, и вовсе не из робких малых, форменно спятил с ума.

Он запрятался на самом дне трюма, и на все наши угрозы выйти только щелкал зубами да кричал:

— Зеленая смерть! Зеленая смерть!

Другой лежал с остеклевшими глазами в моей каюте и что-то тихо бормотал. Голова его пылала, как в огне, от всего его тела так и несло жаром. Он умер, не приходя в себя, и мы похоронили его по морскому обычаю тут же, в море.

Два или три матросика ходили, словно пьяные, и не понимали самых обыкновенных вопросов, а при малейшем шуме или крике вздрагивали, озирались вокруг дикими глазами и куда-то бежали. Словом, передряга эта совершенно деморализовала мою команду, и не помогло даже прописанное Перазичем «океанское лечение», состоявшее в изрядных порциях рому.

Особенно тяжело было ночью: никто, ну буквально никто из матросов не хотел показываться на палубу.

Боялись!

И, знаете, у меня не хватает духу винить этих людей.

Я, Перазич и один старый матрос, Кит Китсон, мы втроем вели судно. Но и то Китсон предварительно накачался ромом до такой степени, что, должно быть, не видел ровным счетом ничего. Только, как старый рулевой, он совершенно машинально вертел рулевое колесо, когда я командовал ему «право руля» или «лево руля». А к полуночи разыгралась буря, и волны иной раз перекатывались через палубу, грозя смыть рулевого.

Перазич, вооружившись парой револьверов и каким-то старинным карабином, расхаживал по палубе и, наклоняясь над перилами, всматривался во мглу.

Он все прислушивался к рокоту волн. Он ждал, не появится ли из воды чудовищная бочкообразная голова «Зеленой смерти»...

Но ночь прошла благополучно, и к утру буря стихла, судно оправилось, из трюмов мы выкачали набравшуюся туда воду.

Вскоре после рассвета вахтенный крикнул:

— Пароход по гакаборту!

С помощью зрительной трубы я разглядел, что это было средней величины военное судно, так, надо полагать, крейсер третьего ранга, посланный в эти воды для борьбы с пиратами-туземцами. На судне развевался немецкий флаг.

Я сейчас же стал стрелять холостыми зарядами из обеих пушек и поднял сигнал:

— Имею важнейшие сообщения.

Крейсер изменил курс и пошел навстречу мне.

Час спустя я был на борту крейсера «Коршун», у капитана Грибница.

Я взял с собою Перазича и одного из водолазов, чтобы они могли подтвердить мои показания о пережитом нами у берегов острова Безымянного.

Но можете себе представить, что из этого вышло?

Капитан Грибниц, накрахмаленный немец, стал хохотать, как безумный!

Да, как безумный!

Он позвал в свою каюту лейтенанта, судового врача, еще кого-то из офицеров, заставил меня повторить мой рассказ, и потом опять принялся хохотать.

— Признайтесь, мистер Смит! — хлопал он меня по плечу. — Ну, признайтесь, что все вы, все, сплошь до последнего человека, были попросту... Ну, как бы это выразиться? Ну, были навеселе, что ли? Гэ? Под влиянием паров Бахуса? Ха-ха-ха...

Напрасно я клялся и божился. Напрасно предлагал опросить весь мой экипаж.

Слава Богу, на ногах держалось еще двадцать человек, кроме меня! Могли бы, кажется, поверить им, если не мне.

Но немцы потешались.

— Какой вы шутник, какой вы гениальный шутник, капитан Смит, — твердили они.

— Но это не знаменитый морской змей? — улыбаясь, спрашивал меня судовой врач. — Знаете, тот самый морской змей, который всегда появляется... на страницах газет и журналов, когда наступает мертвый сезон!

— Но ведь я не газетчик! — негодовал я. — Мне решительно незачем сочинять! Я ведь построчной платы не полу-

чаю! Кой черт?

Эта злополучная экспедиция таки дорого стоила мне: я извлек со дна моря только часть купленного от капитана Гинца груза, не больше, как на сто фунтов стерлингов. То есть вернул только то, что заплатил Гинцу.

А ведь поездка-то мне чего-нибудь да стоила? А наем водолазов? А простой судна?

В общем, хорошо, если мои потери в тот рейс определятся так в сто-сто двадцать фунтов стерлингов.

Конечно, я не жалуюсь.

Но, судите сами, если человек столько потеряет, до шуток ли ему?

До выдумывания ли ему каких-то сказок?!

Разозлившись, я сделал предложение командиру крейсера:

— Вот что, капитан! Уж если на то пошло, так идемте вместе!

— Куда это? — спрашивает он.

— Ну, туда! К Безымянному острову из группы Соломоновых островов!

— Зачем это?

— Посмотрим! Произведем расследование. Может быть, мы отыщем туловище убитого мною зарядом картечи чудовища. Ведь оно должно бы всплыть! Ну, и мы опросим туземцев. Там есть этот... ну, миссионерский ученик...

Но капитан сухо ответил мне:

— У меня есть более серьезные занятия, чем идти ловить пресловутую морскую змею!

— Да не змею, ради Бога! Это чудовище с массивным туловищем...

— Знаю! знаю! Голова, как стоведерный бак с водой, имеет висячие усы... Нет, покорно благодарю!

На том наши переговоры и закончились.

Словно побитая собака, вернулся я на мое судно.

И никогда не забуду, какими насмешливыми улыбками и косыми взглядами провожали меня проклятые немцы, откуда я шел к трапу по палубе.

А из капитанской каюты раздавался все время гомери-

ческий хохот...

Когда я уже садился в мой вельбот, кто-то с палубы крейсера крикнул мне:

— Кланяйтесь «Зеленой смерти».

— Смотрите, чтобы вам самим не пришлось поклониться ей! — ответил я.

На этом все и покончилось, джентльмены.

Вернувшись в Алию, я строго-настрого приказал моим матросам не болтать о пережитом нами, потому что не желал подвергаться насмешкам.

Но это, разумеется, не помогло: кто-то из матросов проболтался и мне всюду жужжали в уши:

— А как поживает «Зеленая смерть»?

Все это было лет пятнадцать назад.

Теперь, слава Богу, эта история позабылась, надо мною не зубоскалят, и я могу без опаски подвергнуться насмешкам заходить в гавань Алии.

Ну, и вот я рассказываю вам о пережитом. И мне совершенно безразлично, поверите ли вы или нет, будете ли скалить зубы или нет. Но знаю одно: к Безымянному острову с тех пор я не подходил на сто километров, и во всю мою жизнь не пойду.

А теперь...

Эй, Иезекииль! У меня от такого долгого рассказа горло окончательно пересохло! Ну-ка, тащи кружку элю!

Павел Карелин

ТАИНСТВЕННЫЙ ОСТРОВ

Стояла дивная погода, когда небольшая винтовая шхуна Нью-Йоркского общества пароходства и торговли «Дельфин», пронзительно свистя, отходила от пристани гостеприимного Гавра, чтобы переплыть океан.

Шхуна была грузовая и нас, пассажиров, принятых капитаном скорее из любезности, чем из интереса, было немного: старый отставной моряк, ехавший по каким-то торговым делам в Америку вместе с дочерью, прелестной блондинкой, едва только вышедшей из детского возраста, какой-то неопределенный господин, как впоследствии оказалось, техник, ехавший на заработки в Новый Свет, и я. Что касается меня, то я был командирован в Америку фирмой, в которой я служил. Это была первая моя командировка и, несмотря на то, что я очень гордился этим, все же из желания отложить какую-нибудь сумму решил ехать на грузовом судне, проезд на котором обходился раза в три или четыре дешевле, нежели на пассажирских гигантах, где пассажирам доставляют всевозможные удобства, без которых отлично можно было бы обойтись, беря за это всевозможные добавочные доллары.

С первого же дня в кают-компании воцарилось полное согласие. Капитан Готкинс и его два офицера, ирландец Брэдди и американец Нордсон, были очень милые люди и сразу же стали относиться к нам с той простотой и искренностью, который отличают американцев от жителей Старого Света.

Моряки вели нескончаемые разговоры о течениях, ветрах, приливах, островах... Техник или читал что-нибудь, или, мрачно замкнувшись в себе, сидел насупившись, не произнося ни слова. Я же, пользуясь и тем, что моряки заняты серьезными разговорами, совершенно меня не интересовавшими в то время, и тем, что мне всего двадцать четыре года,

когда так хочется жить, любить, наслаждаться, когда жизнь кажется такой прекрасной, обещающей, усиленно ухаживал за маленькой блондинкой, которая с каждым днем начинала мне нравиться все больше и больше...

Как-то вечером, засидевшись в кают-компании за стаканом грога, капитан навел тему разговора на таинственные и странные случаи, происходившие в море.

— Господа журналисты, — начал он, — смеются над рассказами о таинственных чудовищах и морских змеях, живущих на больших глубинах и изредка появляющихся под влиянием каких-либо обстоятельств на поверхности моря... А между тем, они существуют... Это вам говорю я, старый морской волк, который знает океан лучше, чем журналист свою газету. И почему бы им не существовать?.. А что их редко видят, это естественно. Их организм привык к страшному давлению нескольких тысяч метров воды, он приспособился к этому и меньшее давление причиняет чудовищу неприятное ощущение и, возможно, даже физическую боль, так как ему приходится бессознательно употреблять страшные усилия, чтобы сдерживать мускулы, привыкшие к постоянному сопротивлению давящего столба воды. Поэтому чудовища так редко показываются на поверхности воды, выброшенные со дна или сильным извержением, или какой-либо другой причиной, не зависящей от их воли... Да вот я вам расскажу... Я сам видел однажды такое чудовище...

Капитан закурил потухшую трубку и начал.

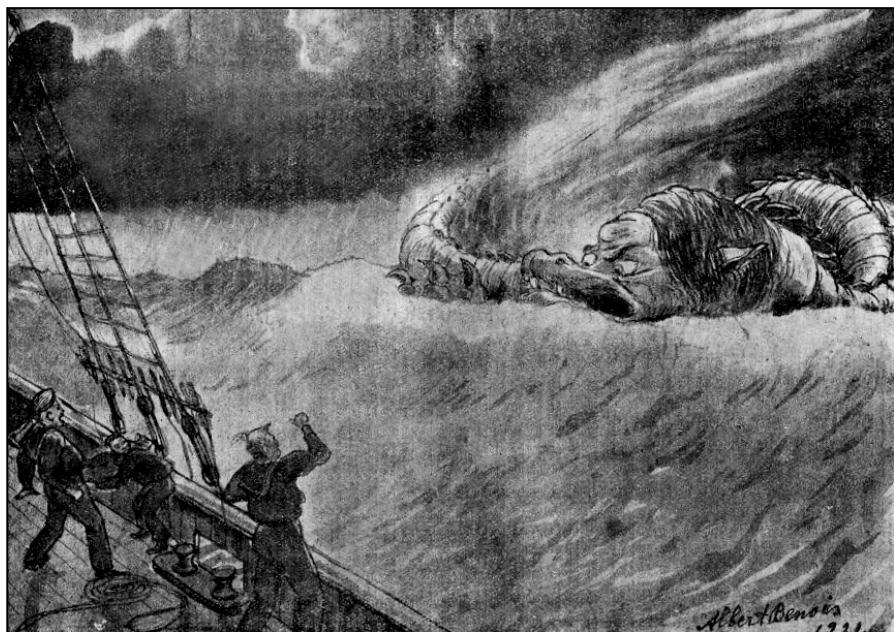
— Мы плыли в южных морях, я тогда еще служил на «Весталке», небольшой грузовой шхуне нашего же общества. Погода стояла великолепная, море было как бы подернуто маслом, ветра никакого, на небе ни облачка. Вдруг впереди нас, милях в трех, со страшным ревом и треском поднялся огромный столб воды. Небо сразу заволочлось не то тучами, не то дымом и огромная волна понеслась на нас. Все кругом стало темно и тут мы в первый раз услышали его голос... Когда большая волна была приблизительно в миле, внезапно до нас донесся резкий, пронзительный, полный страдания и ужаса крик... Не знаю, с чем бы сравнить

его... Что-то среднее между звуком сирены и воплем умирающего человека, увеличенным в тысячу раз. Я никогда этого не забуду... Нас охватило и чувство ужаса перед чем-то таинственным, неизвестным и чувство жалости, сильной томящей жалости, как будто кричало не животное, а погибающий человек... Мы в страхе, растерянные, смотрели сквозь мрак на надвигающуюся волну и вдруг в белой пене увидели голову чудовища, огромную страшную голову с белыми, ничего не видящими глазами, бессмысленно смотревшими на нас. Но тут мрак окутал корабль и мы услышали совсем поблизости еще раз его отчаянный рев... Когда тьма рассеялась, по морю ходили небольшие волны, но ничего больше не было. Стена воды, вызванная, по всей вероятности, подводным извержением, унеслась к югу, увлекая за собой и подводное чудовище, которое все мы и вся команда видели и слышали. У меня до сих пор служит боцманом Джон, который был со мной на «Весталке». Тогда он был еще простым матросом. Он всегда может подтвердить мой рассказ...

— Так, так... — одобрительно закивал головой старый отставной моряк. — Бывает... Это только люди, описывающие морские приключения и никогда не видевшие даже корабля, могут говорить что-нибудь другое... Я плаваю уже пятый десяток лет и тоже кое-что видел...

Моряк налил себе стакан грога и выпил его залпом.

— Лет пятнадцать тому назад я командовал грузовым судном «Ливерпуль» и мы плыли по Саргассову морю, когда нас застигла ужасная буря. Вы знаете, что такое буря на Саргассовом море... Каждую минуту боишься наткнуться либо на скалу, либо на мель, волны хлещут со всех сторон, не знаешь, какого направления держаться... Мы потеряли руль, винт сломался, машина попортилась. «Ливерпуль», вероятно бы, погиб, если бы не наткнулся на громадное поле, покрытое густой и плотной массой морских водорослей, среди которых он и застрял. Когда буря утихла и мгла рассеялась, мы с одной стороны в нескольких десятках ярдов от себя увидели полосу свободного моря, с другой же стороны, насколько хватал глаз, все было покрыто густым ков-

...И вдруг в белой пене мы увидели голову чудовища...

ром водорослей, прорезанных местами небольшими пятнами воды. Поломки были настолько значительны, что нам пришлось простоять десять дней, прежде чем судно могло пуститься в путь. Вот за эти десять-то дней мы и натерпелись страху... В первую же ночь вдали в водорослях слышались какие-то странные звуки, как будто кто-то плакал, кричал, стонал... Никто из нас всю ночь не сомкнул глаз, не зная, кому или чему приписать эти звуки. На следующий вечер слышались те же звуки и кто-то приближался к кораблю, пытаясь влезть на него. Наутро мы увидели большую якорную цепь, разорванную пополам, и на местах разрыва ясно отпечатались зубы неведомого чудовища. Так мы прожили в страхе восемь дней, работая с утра до ночи, чтобы поскорее уйти из этого места. На девятый день, живя все время под угрозой нападения неведомых страшилищ, мы поставили запасной винт и приладили кое-как руль, рассчитывая тотчас же выйти из зарослей и окончить починку на море, но пока возились, наступила темнота и отъезд пришлось отложить до утра. Я, радуясь окончанию работ, забрался к себе в каюту и, почитав на ночь какую-то книгу, стал уже засыпать, как вдруг меня разбудила сильная качка. Шхуна качалась во все стороны, как при самом сильном шторме, перегородки трещали, вещи падали на пол. Я поднялся, ничего не понимая, так как ни шума бури, ни воя ветра не было слышно. Внезапно под самым моим ухом раздался шипящий свист, как будто от тысячи котлов, из которых вырвался пар. Я бросился наверх. По дороге на меня налетел, чуть не сбив с ног, перепутанный вахтенный с дико блуждающими глазами:

- Капитан, — задыхаясь от ужаса, кричал на ходу матрос.
- Она здесь... Она схватила корабль и держит его...
- Да кто «она»?..
- Не знаю.. Она... Змея... Она обвилась вокруг корабля... Хочет его разбить...

Признаюсь, страх матроса передался и мне. Я таки перетрусил, но все же вернулся в каюту, снял со стены карабин, зарядил его разрывной пулей, взял большой фонарь и вышел на палубу в сопровождении матроса. Когда я осве-

тил палубу, мне прежде всего бросилось в глаза какое-то тело грязно-молочного цвета, лежащее поперек корабля и свешивающееся обоими концами в море. Вдруг тело задвигалось, натянулось и корабль, треща по всем швам, закачался во все стороны...

— Что это?.. — непроизвольно вырвалось у меня.

— Змея... — заплетающимся от ужаса голосом зашептал матрос. — Змея... Она хочет потопить шхуну...

Я направил фонарь за борт. Прямо перед собой я увидел страшную голову животного: лошадиная морда с отвисшей нижней губой, открывавшей ряд острых выдающихся вперед клыков, приплюснутый нос, сбоку что-то вроде небольших рогов, на голове спутанная, перемешанная с водорослями грива... Голова была величиной с хороший концертный рояль и ее глаза, ослепленные светом фонаря, яростно смотрели, как мне показалось, на меня. Ничего не соображая, я поднял карабин, выстрелил и в ту же минуту слетел с ног, сбитый, как мне потом рассказали, чудовищным хвостом животного. Последнее, что я слышал, это громкое шипение, перешедшее в пронзительный вопль. Оглушенный всем этим, я потерял на минуту сознание и, когда очнулся, чудовища уже не было. Едва только рассвело, мы двинулись в море и свободно вздохнули только тогда, когда заросли скрылись из наших глаз...

— Да, — вздохнул старший помощник капитана, — много говорят о Саргассовом море, но все же больше загадочного в южных морях... Матросы, вернувшиеся из плавания по этим морям, рассказывают массу странных вещей... От одного старого морского волка я слышал, что на самом юге, среди льдов, живет огромное белое чудовище величиною чуть ли не с гору, которое топит зашедшие туда случайно корабли...

— Ну, это, вероятно, сказки, — ответил капитан. — Поврать-то любителей много... А вот что действительно существуют морские змеи и чудовища, это так же верно, как то, что мы сидим здесь и разговариваем...

Анна слушала эти рассказы, широко раскрыв глаза и стараясь не пропустить ни одного слова. Я в такие минуты

тоже, должен сознаться, даже забывал об уходе и невольно переживал страхи и ужасы вместе с рассказчиками... и все же мне до безумия хотелось увидеть какое-нибудь чудовище, чтобы, вернувшись в Лондон, было бы что порассказать.

* * *

Старый отставной моряк, хотя, по-видимому, и очень любил дочь, но обращал на нее мало внимания, проводя почти все время в кают-компании за стаканом грога или за партией в шахматы с капитаном, который был страстный любитель игры.

Техник держался как-то в стороне и мы с Анной все время волей-неволей проводили вместе, чем я, впрочем, не особенно огорчился, так как, помимо привлекательной наружности, Анна обладала острым умом и твердым характером, унаследованным от отца. Несмотря на юные годы, она имела определенные взгляды на жизнь и на вещи, сбить с которых ее было не так-то легко. Это была девушка серьезная и несмотря на то, что плавание продолжалось уже месяц, между нами не было сказано ни слова о любви. Я делал несколько попыток завязать флирт, начинал разговоры на эту тему, но девушка каждый раз ловко меняла разговор и я оставался ни с чем.

Отношения наши мало-помалу окрепли, перешли в самую искреннюю, в самую теплую дружбу. Каждую свободную минуту мы старались проводить вместе, поверяя друг другу все мысли, желания, мечты...

О том, чтобы начать флирт, я скоро перестал думать, с каждым днем привязываясь все больше и больше к этой девушке, которая, будучи еще полуребенком, была положительнее и серьезнее многих взрослых женщин.

С ужасом я думал о той минуте, когда, по приезде в Америку, нам придется расстаться и мне хотелось, чтобы это плавание продолжалось вечно.

В начале второго месяца мы достигли мыса Доброй Надежды. Все шло хорошо и капитан несколько раз говорил, что никогда он еще так благополучно не совершал переезда, как в этот раз.

Однажды утром, выйдя на палубу, я застал капитана внимательно рассматривающим в бинокль небо.

Утро было великолепное, море гладко как зеркало, небо чистое, за исключением двух-трех небольших облачков. В природе как бы все замерло и спало глубоким непробудным сном.

Отняв бинокль от глаз, капитан еще раз внимательно посмотрел на небо, потом покачал головой и, не замечая меня, мрачно проговорил:

— Плохо...

— В чем дело, капитан? — спросил я. — Что плохо?

— Буря большая будет... свирепая, и не дольше, как через час или полтора...

— Но почему вы знаете?.. Небо чистое, море спокойно.

— Чистое, да не совсем... Вон, посмотрите, маленькое серое облачко на горизонте — это буря идет.

Я недоверчиво отошел от капитана. Слишком уж все кругом было покойно, чтобы ждать бури... и так скоро. Но облачко быстро росло и скоро заполнило весь горизонт. Воздух стал тяжелым, густым, дышать было нечем. Я несколько раз ходил в кают-компанию пить воду со льдом, но это помогало немного.

Не прошло и часа, как разросшееся облако покрыло уже все небо и легкие порывы ветра подернули рябью до того времени спокойную гладь воды. Порывы постепенно все усиливались и, как бы оборвавшись, прекратились. Наступила полная тишина. Дым из трубы шел прямо вверх. Так прошло минуты четыре. Вдруг, сразу, без каких-либо признаков со свистом и воем налетела буря. Все заплясало в неистовой пляске расходившейся стихии, мачты согнулись под неудержимым напором воздуха и шхуна, подхваченная

вихрем, бешено понеслась по все увеличивающимся волнам к югу.

Все кругом трещало, свистело, выло... голоса не было слышно. Капитан молча, почти ползком, добрался до меня и повелительно указал на кают-компанию. Я не осмелился возражать и тотчас же спустился вниз, где застал отставного моряка, спокойно потягивающего из стакана грог, и его дочь, сидевшую рядом и испуганно прислушивающуюся к реву бури.

Весь день бушевала буря. К вечеру порывы как будто даже усилились, стоять на палубе было невозможно. Судно, казалось, каждую минуту готово было перевернуться. Мы, с беспокойством ожидая рассвета, не спали всю ночь. На заре капитан вошел в кают-компанию и, подойдя к буфету, вынул бутылку рома, налил большой стакан и залпом выпил.

— Сорвало руль... — бросил он мимоходом, выходя наверх.

* * *

Три дня и три ночи были мы игрушкой волн, которые нас несли с бешеной скоростью к югу. Неуправляемое судно со сломанным рулем могло каждую минуту погибнуть в этом хаосе ветра, воды и пены, но каким-то чудом мы избегали опасности.

Измученный двумя бессонными ночами, проведенными около Анны, с которой мы каждый момент ожидали смерти, я на третьи сутки заснул одетый на диване в кают-компании. Анна сидела около меня и поправляла мне голову, когда она от качки соскальзывала с подушки...

Вдруг раздался страшный треск. Весь корпус судна вздрогнул, рванулся в сторону и на мгновение замер. Я вскочил, как под действием электрического тока. Спросонок мне казалось, что судно рассыпалось на массу кусков. Все, испуганные, в ужасе выскочили на палубу... Даже старый мо-

ряк потерял на время свое обычное хладнокровие.

— Что случилось?.. В чем дело?.. — обратился он к капитану, выскочив бегом на палубу.

— Налетели на разбитый корабль... Кажется, тонем... — ответил спокойно капитан. — Сейчас Нордсон смотрит повреждение... Пока еще не знаю...

Буря как будто только и ждала столкновения, чтобы утихнуть. Ветер так же внезапно стих, как и поднялся. Небо начало понемногу проясняться и, хотя громадные валы еще ходили по морю, но по всему видно было, что утомленные стихии утомнились.

Нордсон, бледный, с красными от ветра и бессонных ночей глазами, подошел к капитану:

— Большая пробоина сбоку... Починить невозможно... Вода заполняет трюм...

— Как много воды?.. Сколько времени продержимся?.. — отрывисто спросил капитан.

— Не знаю... Часа два... Не больше...

— Распорядитесь тотчас же наложить парусиновый пластырь. Я пойду осмотреть пробоину...

Капитан быстрыми шагами спустился вниз, а старший помощник позвал матросов и, вытащив с помощью их большой парус из трюма, стал прилаживать его для пластыря.

Пластырь заключается в том, что парусину сворачивают в несколько раз и накладывают снаружи на пробоину. Самое трудное — удачно подвести пластырь к пробоине. Давлением воды материя прижимается к отверстию и герметически закрывает его.

Несколько раз пластырь срывался, пока наконец не удалось подвести его к пробоине и закрыть ее. Несмотря на геройские усилия офицеров и команды, делавших нечеловеческие попытки, чтобы спасти корабль, вода в трюме все время прибывала и стало ясно, что через несколько часов шхуна все равно должна пойти ко дну. От трехдневной бури и удара при столкновении обшивка корабля разошлась и пропускала воду, которая быстро наполняла трюм.

С болью в сердце капитан отдал распоряжение готовить шлюпки, приказав положить в них теплую одежду, оружие,

пищу и запас воды.

Когда все было готово, капитан в последний раз окинул судно грустным взглядом и обратился к Нордсону:

— Вы, как старший помощник, будете командовать вельботом... С вами поедет вся команда, за исключением боцмана и двух матросов, которые будут со мной... Я поеду на моторной лодке с пассажирами... Прикажите спускать.

Через десять минут две лодки, прыгая по все еще большим волнам, отчалили от погибающего судна, чтобы затеряться в беспредельном пространстве океана.

До темноты лодки шли вместе, одна в виду другой, но, когда стемнело, невозможно было ориентироваться, особенно благодаря громадным волнам не утомившегося еще моря, и на рассвете мы уже не видели около себя вельбота и не знали, что с ним случилось.

Как оказалось впоследствии, на восьмой день Нордсон встретил китобойное судно, случайно занесенное бурей в эти моря, которое подобрало людей и доставило их в Америку.

* * *

Нас в моторной лодке было всего девять человек: капитан, его второй помощник ирландец Брэдди, боцман, два матроса, старый отставной моряк с дочерью, техник и я.

Провизии на две недели, бочонок воды, бензин, теплая одежда, оружие до краев наполнили небольшую лодку. Анна поместилась на корме рядом со мной, устроив себе подобие гнезда из свертков с теплой одеждой. Капитан, Брэдди и отец Анны по очереди дежурили около руля, держа направление по компасу на юг, где капитан рассчитывал встретить китобойные судна.

Определить местоположение лодки капитан не мог, так как во время столкновения все инструменты поломались и даже хронометр капитана, упав со стола каюты, не шел.

Так мы плыли неизвестно куда, изредка перекидываясь незначительными фразами и жадно всматриваясь в горизонт в надежде увидеть далекую точку корабля или туманную линию берега.

* * *

На четвертый день утром техник, до того времени упорно молчавший и только мрачно озиравшийся беспрестанно по сторонам, вдруг ни с того ни с сего разразился громким хохотом и потом затыкнул во все горло песню. Рассудок бедняги не выдержал пережитых волнений. Целый день, сидя неподвижно на одном месте, он безумным голосом распевал одну и ту же песню, никого не трогая и не обращая ни на кого внимания. Его оставили в покое.

К вечеру поднялся легкий ветер и капитан поставил парус, желая сохранить запас бензина, которого было и без того немного.

Лодка весело подпрыгивала на небольших волнах и, укачанный ее ритмическим движением, я заснул беспокойным сном человека, не знающего, что будет с ним завтра.

Ночью я был внезапно разбужен сильным шумом борьбы и энергичными ругательствами матросов. Оказалось, техник в припадке сумасшествия открыл кран от бочонка с водой и начал выбрасывать за борт запасы провизии. Схваченный матросами, он смеялся страшным, безумным смехом и повторял:

— Все равно погибнем... Лучше скорей... Вон, глядите, глядите... плывет чудовище с лошадиной головой... Оно нас поглотит... Вот оно... Вот оно... близко... Пустите!..

И внезапным движением, вырвавшись из рук державших его матросов, техник одним прыжком перескочил через борт и исчез в пучине моря.

Лодку тотчас же повернули, но все усилия отыскать утопавшего были напрасны. Так мы потеряли одного из девяти

ти и боцман мрачно, ни к кому не обращаясь, проговорил, смотря в сторону:

— Первый... За кем теперь очередь?

* * *

Воды в бочонке оставалось едва три-четыре литра и мы были осуждены испытывать мучения жажды. Капитан отдал распоряжение сократить порцию воды до одной чашки в сутки на человека. Это было тем мучительнее, что после бури дни стояли особенно жаркие.

Со следующего же дня к мучениям неизвестности присоединились мучения жажды. Во рту пересохло, губы полопались, голова горела. Минутами сознание заволакивалось темной пеленой и тяжелый кошмар начинал надвигаться, как тисками сжимал воспаленную голову... Фантазия перемешивалась со слышанными рассказами, мерещились чудовища гигантской величины, молочно-грязного цвета, с лошадиными головами, огромные змеи надвигались, сдавливали, неведомые фантастические животные окружали, щелкая зубами и плотоядно раскрывая пасть... когда сознание возвращалось, — та же беспредельная си- нева океана, то же чувство полного одиночества, полной обособленности от мира, от всего живущего.

* * *

На седьмой день плавания ночью выпал небольшой дождь и матросы, разостлав на лодке всю парусину, какая только была, собрали некоторое количество воды.

Два-три глотка живительной влаги освежили нас и мы не так уже мрачно смотрели на будущее. Надежда встретить корабль или землю явилась с новой силой и капитан, подчиняясь общему настроению, приказал налить в бак

часть оставшегося бензина, который он берег на всякий случай, и пустил лодку полным ходом.

Так мы шли часа два, когда внезапно на горизонте увидели большую волну с белым пенистым гребнем, бешено мчавшуюся мимо нас, милях в двух. Но странно: когда белый пенистый гребень приблизился настолько, что его можно было ясно различать, мы увидели, что это была не волна, а просто столб воды высотой в двенадцать-пятнадцать метров, мчащийся с фантастической скоростью по гладкой поверхности океана и отбрасывающий от себя большие волны во все стороны.

Если бы не поразительная скорость, можно бы подумать, что это подводная лодка какой-нибудь особой конструкции, идя полным ходом и разрезая носом воду, образует смерч от слишком быстрого движения.

Непонятное явление продолжалось минуты две и столб воды, поднятый чем-то гигантским, сильным, быстро промелькнув мимо нас, скрылся на горизонте.

Капитан долго смотрел вслед исчезнувшему смерчу и в конце концов, покачив головой, проговорил:

— Что бы это могло быть?..

— Пятьдесят лет плаваю на воде, — отозвался отставной моряк, — а такого явления ни разу не видел....

— Уж не морской ли это змей... — испуганно встала Анна, до того времени довольно спокойно наблюдавшая загадочный смерч.

Все невольно вздрогнули, но в это время волны, возбужденные смерчем, достигли лодки, которую сильно качало.

* * *

Ночью поднялся туман и мы плыли, ничего не видя в двух шагах, держась направления по компасу.

Часов около девяти вечера все собрались поплотнее в кружок на корме и капитан, чтобы скоротать время, при-

нялся рассказывать какую-то историю. Только что он начал говорить, как вдруг приостановился и стал прислушиваться. Насторожились и мы. Из темноты до нас отчетливо донесся сначала слабый, потом все усиливающийся звук сирены.

— Корабль... — радостно вырвалось у Брэдли. — Корабль...

Но звук все рос, ширился, креп, пока наконец не заполнил весь окружающий нас воздух. Дойдя до высокой резкой ноты, звук на мгновение оборвался и перешел в вопль, полный горя и страдания, вопль мучившегося в предсмертной агонии человека... Мы слушали, как зачарованные, не смея шевельнуться.

— Капитан, — вдруг прервал наше молчание боцман странным голосом. — Это оно... Помните... Тогда, в южных морях...

Капитан вздрогнул и заметно побледнел:

— Глупости говоришь, Джон... Этого не может быть... — не совсем уверенно возразил он.

— Оно! Оно!.. — настаивал боцман. — Я никогда не забуду этого воя... Помните, как мы все напугались тогда...

Капитан промолчал и разговор оборвался. Каждый погружился в невеселые размышления и только Анна крепче прижалась к моему плечу, как бы ища у меня защиты.

* * *

На восьмой день в обед вахтенный матрос на носу лодки заметил какой-то большой темный предмет, плывший впереди нас, почти что на пути нашего следования.

Капитан, немного поколебавшись под влиянием таинственных звуков, слышанных накануне, приказал повернуть лодку.

Когда мы подошли вплотную к темному предмету, то увидели остатки огромного кита, начавшего уже разлагаться. Это был не труп целого кита, а именно остатки животного. Хвост и часть туловища были оторваны, а на остав-

шемся корпусе виднелась глубокая борозда шириной в поларшина. Впечатление получалось, будто бы кто-то ударил кита гигантской лапой, разорвал его пополам и коготь этой фантастической лапы оставил на туловище след.

— Кто бы мог его так разделать?.. — спросил Брэдли. — Такую махину не так-то легко разорвать...

— Это... Оно... — мрачным голосом ответил боцман.

— Будет тебе вздор-то болтать, — сердито перебил капитан. — На кита или наскочило судно, или он попал в подводное извержение... Во всяком случае, он уже достаточно протух и нам пользы не принесет. Будем двигаться дальше.

Говоря так, капитан с беспокойством озирался кругом, внимательно осматривая горизонт, и было заметно, что если он и возражает боцману, то далеко не с обычной уверенностью в своей правоте.

* * *

К вечеру мучения жажды усилились. Особенно страдала Анна. Бессильно склонив свою милую головку ко мне на плечо, она, как ребенок, бессознательно шептала:

— Пить... Пить...

Чего бы я не отдал в этот момент за стакан воды, чтобы не слышать ее душераздирающего просящего шепота, шепота страдающего ребенка.

Мы все мучились ужасно. Кругом было много воды, целый океан, а мы страдали от жажды... Это еще больше усиливало мучения, так как каждый момент напоминало о воде.

Капитан сидел, мрачно насупившись, а старый отставной моряк поминутно бросал взгляды, полные страдания и жалости, на дочь. Привыкший за свою полную приключений жизнь ко всевозможным лишениям, он страдал гораздо больше за Анну, чем от недостатка воды.

Эта кошмарная ночь тянулась особенно долго. Казалось, ей конца не будет. На минутку я забывался в полусне, но тотчас же просыпался и жажда с удвоенной силой начинала мучить меня. В короткие минуты забытья я видел реки, окаймленные полосой яркой зелени, озера и массу воды, воды, которую я пил без конца, погружался в нее, разбрызгивал руками...

Анна лежала бессознательно на моем плече, которое отекло, но я боялся шевельнуться, чтобы не разбудить девушку и не заставить ее переживать то, что переживали мы.

Так прошла ночь...

* * *

Едва только на горизонте появилась светлая полоса зарождающегося дня, как вахтенный матрос громко, радостным голосом закричал, сразу разбудив всех:

— Земля! Земля!..

Все вскочили на ноги, едва не опрокинув лодку, и с замиранием сердца смотрели на темную линию на горизонте, едва заметную в полумраке рассвета. Даже Анна приподнялась, несмотря на слабость. Но сомнения не могло быть. Перед нами была земля, земля, где мы найдем воду, утолим жажду, будем пить, пить без конца... Это первое, что пришло нам в голову.

— Бензина... Давайте бензина... — громко закричал капитан.

Через минуту лодка, мерно отсчитывая удары, быстро неслась к неизвестной земле, на которую мы смотрели взором, полным надежды, как на нашу спасительницу.

— А вдруг там нет воды... — заметил один из матросов.

— А, чтоб тебя... — со злостью выругался боцман. — Сидел бы лучше да молчал...

Мы все невольно вздрогнули. А вдруг, действительно, там нет воды?.. Но земля была впереди, а в ней была надежда.

Через час лодка подошла настолько близко, что мы могли уже видеть в бинокль на вершинах гор отдельные деревья.

— Раз есть растительность, есть и вода... — сказал капитан и все облегченно вздохнули, как будто с плеч спала громадная гнетущая тяжесть.

Жадными глазами глядели мы на приближающуюся землю и не могли дожидаться минуты ступить на твердую почву, напиться, отдохнуть после девятидневного странствования на углой, хрупкой, могущей ежеминутно пойти ко дну лодке.

Приблизившись, мы прежде всего увидели груды нагроможденных друг на друга скал, о которые с шумом и пеной разбивались волны прилива. Пристать было негде и мы разочарованно поникли головами, сердясь на эту новую задержку.

Капитан направил лодку вдоль западного берега. Прошло полчаса. Те же скалы, тот же хаос из камней, пены и воды. Мы начали уже терять надежду, как вдруг капитан заметил небольшой проход между двух нависших скал и направил туда лодку, которая, проскользнув в узкое отверстие, очутилась в небольшой естественной бухте, отгороженной от моря грядой в беспорядке разбросанных скал и камней.

Перед нашими глазами расстилалась песчаная отмель около полуверсты шириной, далее были видны высокие, кажущиеся недоступными горы, покрытые скудной растительностью. Посредине отмели, причудливо изгибаясь, протекал небольшой ручей, к которому капитан тотчас же направил лодку.

Едва только лодка подошла к берегу, все бросились к пресной воде и пили, пили без конца.

Я никогда еще не испытывал такого наслаждения, как в эти минуты, захватывая полные пригоршни воды, набирая ее полный рот, обливая себе голову, лицо, шею...

Утолив жажду, я вспомнил об Анне. Девушка была так слаба, что не могла выйти из лодки и молча смотрела на нас жадными глазами. Мне стало стыдно, что животная по-

требность поскорее напиться самому заглушила во мне чувство человечности и, быстро вернувшись к лодке, я взял большую кружку, наполнил ее водой и отнес девушке, которая благодарно, со слезами на глазах смотрела на меня.

Напившись воды и вытащив лодку на берег, мы внешне почувствовали такую усталость, что тотчас же, завернувшись в одеяла, легли спать и проспали, как убитые, целый день и всю ночь до следующего утра.

Было как-то странно после томительного девятидневного пребывания на лодке чувствовать под собой твердую почву и я с наслаждением потягивался на мягком прибрежном песке.

* * *

Утром меня разбудили горячие лучи солнца и я вскочил, протирая глаза, не веря себе, что я уже не на море, а на твердой земле, что мне не угрожает ежеминутная опасность попасть на обед рыбам.

Едва только я успел умыться, привести в порядок туалет и напиться холодной воды, которую я пил с особым наслаждением, как редкий напиток, ко мне подошел Брэдди, вставший раньше меня, и предложил пройти по берегу поискать чего-либо съестного. Я охотно согласился, тем более что и меня самого интересовало поближе познакомиться с островом, куда нас занесла судьба и где мы должны будем провести неизвестно сколько времени, возможно, всю жизнь...

Пробираясь между скал и рискуя ежеминутно сломать ноги, мы направились вдоль песчаной полосы, держа направление к югу. В скором времени мы вышли на небольшую площадку, свободную от скал, покрытую мелким морским песком, на котором были разбросаны в беспорядке несколько больших темных камней. При нашем приближении камни эти задвигались в разные стороны. Я отскочил в ужасе...

— Черепахи!.. — радостно воскликнул Брэдли. — Живой черепаховый суп... Помогите-ка перевернуть.

Соединенными усилиями мы перевернули сопротивляющуюся черепаху на спину, потом другую, третью.

— Ну, довольно! — остановил Брэдли. — Пока хватит.

Оставив черепах, которые сами без посторонней помощи не могли перевернуться и уйти, довольные удачной охотой, мы свернули к горам, отстоявшим от нас в полумиле.

С трудом преодолев препятствия в виде беспорядочно нагроможденных скал и камней, мы наконец добрались до подошвы горы и увидели, что она не так недоступна, как это казалось издали. Подъем был возможен, хотя, правда, с большим трудом, так как гора была очень крута и нависшие скалы грозили каждую минуту оборваться.

Пока мы стояли и рассуждали, каким способом удобнее подняться на вершину, по ту сторону горы послышался сильный шум, гул и треск, продолжавшийся минут пять, потом раздался сильный плеск волны и все стихло.

— Обвал, — сказал Брэдли. — Видите, как опасно взбираться на эти горы... А все-таки попытаться надо... когда отдохнем получше.

— Попытаемся.. — ответил я. — Да и интересно, что находится за этими горами...

Мы вернулись в лагерь и застали всех уже вставшими.

Черепаховый суп доставил всем огромное удовольствие, особенно же когда узнали, что черепах много и, следовательно, вопрос о продовольствии на время отпадает.

За обедом решили, прежде чем начать осмотр острова, отдохнуть несколько дней и набраться сил после перенесенных волнений.

* * *

Весь вечер я провел с Анной, гуляя по прибрежной полосе и ведя бесконечные, ничего не значащие разговоры. Анна, еще не совсем оправившаяся от болезни, опиралась

о мою руку и мне было особенно приятно чувствовать ее молодое горячее тело около себя, особенно в такой обстановке, где я мог быть ее защитником и спорой.

Выспавшись накануне, нам не хотелось уходить в пещеру, служившую нам спальней, и после ужина, отойдя от лагеря, мы сели на камне у самого моря, наслаждаясь и дивным теплым вечером и тем, что мы находимся на твердой земле. В лагере все уже легли спать, когда вдруг до моего слуха донесся с той стороны горы отдаленный плеск воды.

Мало-помалу плеск становился все отчетливее, пока наконец не перешел в один сплошной гул разбрызгиваемой какой-то чудовищной силой воды. И вдруг до нас ясно донесся звук довольного пофыркивания какого-то гигантского животного. Звук этот на мгновение заполнил воздух, затем послышался шум от падающих камней, продолжавшийся несколько минут, и все смолкло.

В ужасе мы сидели, прижавшись друг к другу, не зная, чем объяснить слышанное, не зная, что предпринять, пока наконец дрожащая от страха Анна не встала и повлекла меня за собой к лагерю, где все уже спали и никто не слышал странных звуков.

* * *

Ночь я спал беспокойно, просыпаясь каждые полчаса и подолгу прислушиваясь, не повторится ли слышанный мною звук, пока наконец не наступил рассвет.

Едва только стало достаточно светло, я разбудил Брэдли и предложил ему пройтись. Жизнерадостный ирландец быстро вскочил и, кое-как наскоро умывшись, последовал за мной. По дороге я рассказал ему все происшедшее накануне и Брэдли сомнительно покачал головой:

— Мне думается, — сказал он, — что вам все это помешалось... просто напряженные нервы после...

Но он не успел договорить: сильный шум от падавших по ту сторону горы камней перебил его. Затем, как и нака-

нуне, слышался мощный плеск волны, все усиливающийся, среди которого мы ясно услышали повторенное несколько раз довольное пофыркивание. Затем все смолкло.

По силе звука можно было судить о величине животного, которое должно было быть огромных, невиданных размеров.

— Что за чертовщина?.. — воскликнул Брэдди. — Что это может быть?..

— Оно... — сорвалось у меня, вспоминая слова боцмана.

Про охоту мы забыли и молча вернулись к лагерю, не зная, что делать.

После обеда я отозвал капитана и рассказал ему все, не пропуская ни одной подробности. Капитан молча выслушал рассказ и, ничего не ответив, вернулся на свое место. Брэдди не удержался и посвятил всех в тайну горы, как он окрестил загадочные звуки. Вечером никто не хотел ложиться спать и все, сидя у костра, ждали событий.

* * *

Спустя приблизительно час после того, как стемнело, до наших ушей донесся сильный плеск воды, затем гул от падающих скал. Гул все приближался к нам и вдруг масса камней и земли покатилась на нашу сторону. Внезапно какой-то тяжелый предмет со свистом пронесся в воздухе и грузно упал в нескольких шагах от костра. Еще некоторое время слышался шум, уже по ту сторону горы, и затем наступила тишина.

Брэдди первым опомнился и бросился к упавшему предмету, осветив его горячей головней.

Это была небольшая дикая коза, еще трепетавшая в предсмертных конвульсиях.

Какая нечеловеческая сила сбросила ее с горы, заставив пролететь в воздухе такое расстояние?

Новая необъяснимая загадка...

Козочка, сделав несколько конвульсивных движений, вытянулась и замерла, и капитан, подойдя, поднял ее и стал разглядывать.

— Это какой-то мешок с костями... — ворчал он, ощупывая животное. — Ни одной целой кости... Все разбито вдребезги...

В этот же день, несмотря на страх, мы отлично поужинали свежим мясом козы, которое оказалось великолепным.

Брэдди весь вечер был серьезен и, против обыкновения, не проронил ни слова. После ужина он обратился к капитану:

— Разрешите, капитан, мне завтра утром подняться на гору... Так жить под вечным страхом неизвестного положительно невозможно... Лучше уж что-либо одно...

Капитан вначале ни за что не хотел отпустить Брэдди, но потом согласился, поставив ему условие не идти дальше вершины горы.

Я заикнулся было сопровождать ирландцу, но капитан решительно отклонил мою просьбу:

— Нас и так мало, — сказал он. — Если уж рисковать, то пусть рискует один... Кроме того, одному легче спрятаться в случае опасности...

Я не стал возражать и украдкой взглянул на Анну, глаза которой сияли радостью, видя, что капитан отказал мне в разрешении сопровождать Брэдди в его экспедиции.

* * *

Когда на следующий день я проснулся, Брэдди уже не было. Очевидно, он ушел еще ночью, чтобы к рассвету начать уже подъем.

Взобравшись на высокую скалу около лагеря, я не спускал глаз с линии гор и одно мгновение мне показалось, что на неясном еще фоне неба мелькнула фигура лейтенанта.

Так я просидел более часа, когда до моего слуха донесся знакомый грохот осыпающихся камней и в то же время прозвучали, один за другим, два выстрела. В воздухе пронесся резкий яростный рев, заставивший всех спавших в лагере в страхе вскочить на ноги. Некоторое время раздавался сильный грохот, как бы от разбрасываемых во все стороны камней, затем плеск воды, после чего, как всегда, наступила тишина. Только легкий шорох от продолжавшей осыпаться земли еще долго был слышен в тишине наступавшего утра.

* * *

Напрасно прождали мы Брэдди к обеду, напрасно прождали весь вечер, — ирландец не возвращался. Утром на следующий день, взволнованный больше, чем хотел это показать, капитан предложил мне сопутствовать ему вместе с боцманом и одним матросом для розысков пропавшего лейтенанта.

Когда солнце взошло и мы слышали хорошо знакомый нам всплеск воды, отряд двинулся к горам, подниматься на которые оказалось значительно легче, чем это можно было предполагать. Правда, местами приходилось взбираться по почти отвесным скалам, но все же часа через полтора мы достигли вершины и остановились, с восторгом любуясь открывшейся панорамой.

Горы, на которых мы стояли, представляли из себя грядку высоких скал, слегка загибающуюся к востоку и отделяющую отмель, где мы помещались, от остальной части острова. Под нашими ногами расстилалась длинная песчаная отмель с открытым выходом в море, не загороженным скалами. Далее, подернутый легким туманом, ярким пятном расстилался густой лес, тянувшийся верст на шесть, затем группы скал и далее беспредельная синева моря.

Как и предполагали, мы находились на острове, но на каком, где, в какой части света?.. В продолжение трех дней

буря нас несла неизвестно куда, потом девятидневное странствование почти наугад на моторной лодке. Определить местоположение острова за отсутствием инструментов было невозможно и капитан, тяжело вздохнув, провел рукой по мокрому лбу, как бы отгоняя какую-то мысль, и решительно проговорил:

— Брэдди надо найти во что бы то ни стало... живого или мертвого. Давайте спускаться. Чудовище, если оно действительно существует, по-видимому, на день уплывает в море, так что непосредственной опасности нет... Кто не согласен идти, тот может вернуться в лагерь.

Все, конечно, согласились, тем более, что Брэдди был общий любимец за свой веселый, никогда не унывающий характер.

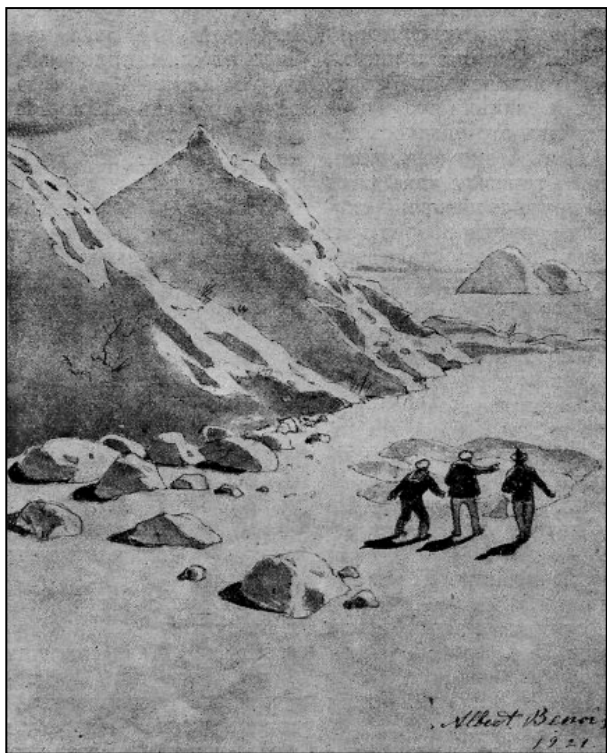
Разделившись на две группы для удобства поисков, мы стали осторожно спускаться к отмели, боязливо оглядываясь во все стороны. Спускаться было гораздо легче, чем подниматься, так как с этой стороны гора была очень покатая и мы без труда через какие-нибудь полчаса достигли подошвы.

Отмель была ровная, гладкая, как паркет. Мелкий морской песок казался утрамбованным, небольшие камни были вдавлены в землю и только несколько больших скал живописными группами раскинулись на белом ковре площадки. Укатанный песок был настолько тверд, что ноги совершенно не вязли и мы легко шли, как по асфальту.

Пройдя несколько сот шагов и завернув за большую скалу, капитан, шедший впереди, чуть не упал в глубокую яму метров семь длиной и около пяти шириной. Яма была, очевидно, недавнего происхождения, так как на дне ее находился влажный песок, хотя дождей давно уже не было.

— Кто бы это мог выкопать?.. — проговорил капитан, ни к кому не обращаясь. — Одно только ясно, что выкопана яма недавно. Посмотрите, на дне еще сохранились следы подпочвенной влаги... Песок совершенно мокрый...

— Поглядите, капитан... — вдруг с ужасом в голосе воскликнул старый боцман, — посмотрите на форму ямы... Это след.. Это оно...

— *Посмотрите на форму ямы... Это след! Это оно!..*

Одного общего взгляда на контур ямы было достаточно, чтобы убедить нас в правдивости предположения боцмана. Яма имела резко очерченную форму гигантской лапы и даже следы от громадных когтей ясно отпечатывались на одной из ее сторон.

— Это или удивительная игра природы, — серьезно сказал капитан, окончив осмотр ямы, — или след животного чудовищного, поражающего размера...

* * *

Мы двинулись дальше, переходя от скалы к скале, чтобы иметь возможность укрыться в случае опасности.

Внезапный громкий крик матроса, зашедшего за одну из скал, остановил нас и мы бросились к кричавшему, думая, что он подвергается опасности. Матрос стоял над какой-то бесформенной кровавой массой и жестами звал нас подойти.

Это был труп человека, но Боже, в каком виде... Туловище было вдавлено в песок и совершенно расплюснуто, представляя из себя лепешку из мяса, костей, крови и обрывков одежды. Вместо головы кровавое пятно.

— Брэдди... — воскликнул капитан, поднимая лежащую поблизости морскую фуражку. — А вот и его ружье... — и капитан, взволнованный, со слезами на глазах, снял фуражку.

Все последовали его примеру.

* * *

Похоронив останки ирландца, погибшего столь трагической смертью, с тяжестью в душе и в страхе от ежеминутно грозящей неизвестной опасности, мы двинулись к лесу, желая использовать остаток времени, чтобы осмотреть его хоть поверхностно. Дойдя до леса, мы пошли вдоль опушки и вдруг остановились, пораженные странным зрелищем: перед нами открывалась большая поляна, врезающаяся в лес метров на пятьсот и так же гладко утрамбованная, как и отмель.

Громадные вековые деревья, вывороченные с корнем, были втоптаны в землю; сучья, ветки, все представляло один ровный твердый настил, по которому так же было удобно и ловко ходить, как по паркету.

Осматривая поляну, мы недоумевали, какая чудовищная сила могла сделать такую колоссальную работу, на которую понадобились бы месяцы при тысяче рабочих с усовершенствованными инструментами...

Когда окончили осмотр поляны, солнце стояло уже высоко и капитан решил двигаться обратно.

Взобравшись на гребень горы без всяких приключений, мы долго стояли, напряженно всматриваясь в горизонт в надежде увидеть какой-нибудь корабль, который бы увез нас из этого проклятого места.

— Не устроить ли нам здесь дневную вахту? — спросил боцман, обращаясь к капитану. — Возможно, что вдали будет проходить корабль, можно зажечь костры...

— А что же, это мысль... Днем здесь стоять безопасно.

На том порешили и на следующий день, после обычного обвала и всплеска, матросы по очереди взбирались на гору и наблюдали горизонт до тех пор, пока не начинало темнеть.

Напуганный загадочной смертью Брэдли, капитан строго воспретил кому-либо спускаться с горы на ту сторону и мы жили в вечном страхе, так и не зная, что за чудовище обитает на утрамбованной северо-восточной отмели острова.

* * *

Прошло две недели. Положение наше не изменилось ни к худшему, ни к лучшему. Единственное, что утешало нас, это обилие воды и пищи: черепах было много, кроме того, матросы устроили удочки и ежедневно приносили несколько десятков больших рыб, которых было очень много в бухте.

На двадцать четвертый день нашего пребывания на острове, внезапно утром с вершины горы раздался выстрел и в тот же момент к небу взвился столб дыма от подожженного на горе костра.

Огромная груда сухих веток и хворост еще заранее по приказанию капитана были сложены на вершине горы и должны были быть подожжены в случае появления на горизонте корабля.

Мы все бросились на гору и даже Анна, уже оправившаяся от потрясений, следовала за нами. Ее отец, несмотря на свои годы, также не отставал от всех.

Едва только мы добрались до вершины, как до нас донесся радостный крик дежурного матроса, показывающего рукой на горизонт...

— Корабль! Корабль!..

Вдали на гладкой поверхности моря едва заметной темной точкой вырисовывался неясный корпус корабля и длинная полоса черного дыма тянулась далеко за ним по горизонту.

Мы с замиранием сердца следили за приближающимся кораблем, несущим нам надежду на спасение. Вдруг он изменит курс, не обратит внимания или не заметит нашего сигнала... Анна, вся трепещущая, прижалась ко мне и ее маленькая ручка бессознательно пожимала мою руку, ободряя меня и подавая мне надежду.

Корабль становился все яснее и мы уже могли различать его оснастку. Вдруг на корабле показалось белое облако дыма и до нашего слуха донесся звук выстрела. Нас заметили.

Громким ура мы приветствовали этот сигнал, которым мы снова связывались с отрезанным от нас миром. Восторг охватил всех, мы радовались, смеялись, кричали, бегали, как дети. Один только боцман стоял, мрачно насупившись, и пристально смотрел вдаль.

— Оно... — вдруг отчаянным воплем вырвалось у старика. — Оно...

Вдали на горизонте появился высокий смерч, окруженный белой пеной, с невероятной быстротой несущийся к острову. Пройдя полпути в течение какой-нибудь минуты, смерч свернул в сторону и направился к кораблю. Мы с замиранием сердца следили за происходившим, не смея вздохнуть, боясь шевельнуться.

Но вот смерч, не изменяя скорости, долетел до корабля, окутал его белой пеной и брызгами, совершенно скрыв от наших глаз. Гигантский черный хвост, имеющий вид огромной змеи, внезапно взвился высоко в воздухе и с шумом,

слышным за десятки верст, ударился о воду, поднимая громадные волны и вздымая столб пены. Все закружилось в каком-то страшном кошмарном хаосе чего-то сверхъестественного, фантастического, жуткого...

Когда немного успокоилось, на месте корабля мы увидели груды обломков и только... Смерч исчез, как будто рассыпавшись при столкновении с кораблем.

* * *

Что это было? Смерч воды, вызванный какой-либо естественной причиной, или кошмарное легендарное чудовище фантастической величины, ломающее корабли, как щепки?.. Мы не могли дать себе отчета, тем более, что виденный нами в хаосе воды хвост чудовища мог просто померещиться или быть подброшенной кверху сломанной мачтой корабля... Первой нашею мыслью было идти на помощь погибавшим, постараться спасти оставшихся в живых, если таковые были.

Вылив в бак остаток бензина, капитан, двое матросов, боцман и я сели в лодку и, поставив мотор на полный ход, понеслись к разбитому кораблю. Но спасти не удалось никого. Все живое погибло при столкновении, сметенное вихрем воды, и только груды обломков да остаток кузова, темной бесформенной массой плавающие на воде, напоминали о когда-то стройном корабле с высокими мачтами, гордо закинутыми назад, корабле, в котором мы видели надежду и спасение.

Прежде чем вернуться обратно, капитан решил осмотреть разбитый остов корабля, рассчитывая найти в нем что-либо полезное для нас, а может быть, и кого-нибудь оставшегося в живых. По свешивающейся веревке сначала капитан, а потом остальные взобрались на палубу, оставив одного матроса стеречь лодку, и начали осмотр

Первое, что нам бросилось в глаза — это был, судя по одежде, труп матроса, совершенно расплюснутый так же,

как и Брэдли. Вид окровавленных останков за несколько минут перед тем живого, полного жизни человека был ужасен и мы, обойдя кругом, прошли дальше.

Корма у корабля была совершенно сорвана, нос сильно поврежден, мачты, рубка, все находящееся на палубе как бы сметено гигантской метлой. Сравнительно уцелела только средняя часть корабля, который держался на воде каким-то чудом.

Что это был за корабль, какой национальности, определить не представлялось возможности, так как часть кают-компаний была сорвана вместе с кормой, оставшаяся же часть была залита водой и проникнуть туда было нельзя.

Проходя по палубе, капитан заметил полуоткрытую крышку трюма и решил осмотреть его. Я тотчас же последовал за капитаном. Трюм был почти сух и, едва только я сделал несколько шагов, как, поскользнувшись, упал, попав рукой во что-то липкое. Подойдя к отверстию, при свете дня я увидел, что мои руки все в крови.

— Капитан, здесь весь пол в крови... — крикнул я.

Один из матросов засветил огонь и при свете фонаря мы увидели недалеко от лестницы труп человека в форме морского офицера, плавающий в луже крови, о которую я поскользнулся. Голова с шеей и рукой были начисто срезаны и остаток туловища бесформенной массой лежал на полу. Около трупа валялся объемистый бумажник, весь испачканный в крови. Капитан поднял его, обтер о брезент, висевший на стене, и спрятал со словами:

— По крайней мере, узнаем, что это за корабль... хотя... в этом маленькое утешение...

Осмотрев трюм, мы нашли несколько ящиков с консервами, которые тотчас же перетащили в лодку. Дальнейшему осмотру помешало начавшееся колебание и капитан, видя, что разрушенный остов судна готов пойти ко дну, хотел уже покинуть трюм, как вдруг взор его случайно упал на несколько металлических бочек в углу трюма.

— Бензин!.. — радостно воскликнул он. — Заберем хотя бы одну бочку... Ну-ка, наляжем...

С трудом перетащив две тяжелые бочки с бензином, мы оттолкнули лодку от корабля и поплыли к острову. Когда лодка подходила к скалам, послышался сильный треск. Перегородки трюма, не выдержав напора воды, лопнули и корабль, повернувшись на бок, медленно, как бы нехотя, стал погружаться в воду.

Капитан и матросы, сняв шапки, набожно перекрестились, с грустью смотря на постепенно исчезающие в глубине моря остатки шхуны.

В бумажнике, кроме денег, ничего не оказалось, никакого клочка бумаги, могущего пролить свет на происхождение корабля, и капитан, после долгого размышления, решил поделить поровну между всеми найденную сумму, которая оказалась очень значительной, более пятидесяти тысяч долларов. Но этот случайный приз нас не радовал: мы бы охотно отдали и эти деньги и все, что имели, лишь бы очутиться на палубе какого-нибудь корабля, который вез бы нас куда угодно, лишь бы только покинуть остров с его загадочным хозяином.

* * *

Уже несколько дней в моей голове вертелась неотвязная мысль во что бы то ни стало увидеть таинственное чудовище. В том, что по ту сторону обитает чудовище, я ни минуты не сомневался, хотя никто из нас за все время пребывания на острове ни разу не видел его.

В тот же день вечером я подговорил одного молодого матроса, Боткинса, и на следующее утро, не говоря никому ни слова, мы взяли с собой винтовки, перебрались через горы и спустились на отмель.

План наш был прост: до вечера мы охотимся в лесу, где и переночуем, а на рассвете подойдем крадучись к опушке и будем наблюдать. Таким образом мы убьем двух зайцев: и увидим чудовище и пополним запасы свежей провизией.

Солнце едва только взошло и скорого возвращения чудовища ждать было нельзя; поэтому мы сравнительно спокойно углубились в лес в надежде встретить какую-нибудь дичь.

...Лес, очень густой вначале, вскоре стал редеть...

Лес, очень густой вначале, вскоре стал редеть и мы вышли на большую поляну, окруженную со всех сторон вековыми деревьями. На поляне мирно паслись штук десять-двенадцать диких коз. Боткинс приложился и выстрелил, убив наповал ближайшую козу, которая, высоко подпрыгнув, неподвижно растянулась на земле. Оставшиеся животные даже не повернули головы, продолжая щипать сочную траву. Очевидно, звук выстрела им не был знаком, к шуму же и грохоту, ежедневно производимому чудовищем, они привыкли. Я, в свою очередь, не торопясь приложился, выбрав мишенью молодую козу, которая упала, как подкошенная. В это время матрос случайно ступил на сухую ветку, которая с треском сломалась и все стадо в одно мгно-

вание исчезло с поляны.

Незнакомый, не слышанный еще звук выстрела не испугал пугливых животных, знакомое же хрустение ветки, обозначающее приближение врага, сразу разбудило инстинкт самосохранения.

Зная, что теперь стадо настороже, мы не продолжали охоту, но, подобрав убитых коз, расположились под большими деревьями и принялись готовить себе обед.

Плотно пообедав мясом дикой козы, которое после консервов и черепахового супа показалось нам особенно вкусным, мы, отяжелев от обильной пищи, легли спать и проснулись только перед вечером, когда начало уже темнеть.

Быстро добравшись до опушки, в полной уверенности, что чудовища еще нет, мы, громко разговаривая, вышли на отмель и, сделав по ней несколько шагов, остановились как вкопанные, замерев от ужаса. Волосы на голове поднялись дыбом и мы стояли в полубесчувственном состоянии, не зная, что делать. Прямо перед нами громадной скалой повисла ужасная голова чудовища. Туловище и хвост заняли почти всю отмель, а громадная лапа его лежала всего в нескольких шагах от нас. Не смея шевельнуться, мы, как зачарованные, смотрели на кошмарную фантастическую голову, которая была ужасна.

Громадная открытая пасть с отвисшими губами, из-за которых вырисовывался ряд клыков величиной с бивни взрослого слона, издавала смрадное дыхание, окутывавшее одуряющей волной; большие красные глаза, налитые кровью, яростно глядели на нас, осмелившихся нарушить покой этого фантастического властителя морей. Густая спутанная грива, как у лошади, свешивалась по обе стороны длинной шеи чудовища, придавая ему еще более кошмарный вид, а торчащие из гривы не то уши, не то рога напоминали облик дьявола. За шеей шло массивное темное туловище, постепенно переходя в длинный, как у ящерицы, хвост, которым животное яростно било по отмели, вздымая целые горы песка. В общем чудовище напоминало громадную, неслыханных до того размеров, ящерицу и только гривой и отчасти формой головы отличалось от последней.

...Боткинс вскинул винтовку, заряженную разрывной пулей и, прицелившись в глаз чудовища, спустил курок...

Боткинс, не будучи в состоянии дальше выносить зрелище, вскинул винтовку, заряженную разрывной пулей и, прицелившись в глаз чудовища, спустил курок. Я ясно видел, как от действия разрывной пули лопнула роговая оболочка и чудовище, испуская яростные крики, занесло над нами лапу. Я машинально отскочил в сторону и бросился к лесу. Сзади до меня донесся ужасный вопль матроса и, когда я оглянулся на ходу, то увидел, как гигантская лапа чудовища, опустившись на матроса, постепенно двигается, раздавливая его так, как давят клопа на стене.

Как я добежал до поляны, не помню. Помню только, что, выйдя на открытое место, я свалился на траву, не будучи в состоянии двинуться от ужаса пережитого...

Так я пролежал в полузабытьи до рассвета и до моего слуха все время доносился страшный грохот с отмени, где пришедшее в ярость от боли чудовище било и ломало все. Я слышал глухой треск от падавших вековых деревьев, сбитых мощным хвостом морского великана. Глыбы земли и камней с плеском падали в воду. Наконец, когда начало уже светать, послышался громкий продолжительный всплеск и наступила тишина.

Пользуясь отсутствием чудовища, я бросился к опушке, желая пробраться к лагерю. Но Боже, что сделалось с отменью! Я ее не узнал. Песок был взрыт, образуя целые горы, громадные деревья в беспорядке раскинуты, всюду целый хаос из камней, скал, деревьев и земли...

* * *

Как я добрался до лагеря, не помню и только через несколько часов, придя в себя, сумел рассказать все. Капитан слегка побранил меня, но тотчас же, видя мое возбужденное состояние, переменил тон и стал успокаивать. Анна, дрожа всем телом, слушала мой рассказ и крупные слезы текли по ее щекам, когда я передавал о тех опасностях, которым подвергался. Даже старый моряк в волнении ходил

взад и вперед с давно уже погасшей трубкой, а боцман беспрестанно повторял:

— Это оно... Оно... То самое чудовище, которое мы видели пятнадцать лет тому назад в этих морях...

Поздно ночью вернулось чудовище на остров и в ярости от не прошедшей еще боли стало крушить лес, думая, по всей вероятности, найти там причинившее ему боль существо.

Мы слышали гулкие тяжелые удары исполинского хвоста, треск ломающихся деревьев, яростное ворчание и вой. Потом чудовище взобралось на вершину горы и, заметив огонь от костра, пришло еще в большую ярость. Громадные скалы летели вниз под мощными ударами обезумевшего исполина. Его огромный контур кошмарным пятном вырисовывался на фоне неба. Чудовище делало попытки спуститься вниз, но, очевидно, не решалось или благодаря крутизне горы или по каким-либо другим, неизвестным нам соображениям. Мы поспешили загасить огонь и через некоторое время животное успокоилось.

Наутро мы увидели следы разрушения. Часть горы была как бы сметена и осыпавшееся скалы и земля образовали довольно пологий скат, по которому чудовище уже свободно могло спуститься вниз. Со страхом мы ждали вечера.

Анна все время в ужасе повторяла:

— Господи, что будет... Что будет... Лучше смерть!..

А я готов был отдать последнюю каплю крови, чтобы только избавить ее от опасности... Но что я мог сделать...

* * *

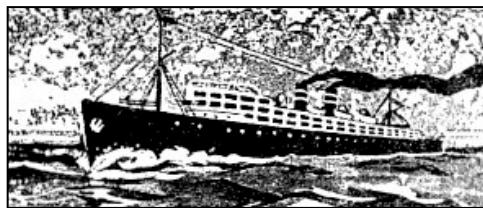
Вечером, едва только стемнело, чудовище опять появилось на скалах и с удвоенной яростью стало сбрасывать вниз скалы, камни и груды земли. Тяжелые удары могучих лап и хвоста болезненно отзывались в наших сердцах и всем было ясно, что животное крушит гору не в бессозна-

тельной ярости, а готовит себе спуск к отмели, чтобы уничтожить всех нас. Огромные камни докатывались до лагеря и мы принуждены были спрятаться за скалами, чтобы не быть раздавленными, а чудовище безостановочно продолжало свою разрушительную работу.

Небо было светлое и мы отчетливо видели высоко вздымавшийся могучий хвост ящера, ритмически разбивающий гору, и с каждым его ударом нам казалось, что смерть, ужасная, кошмарная смерть, все ближе и ближе подвигается к нам и ее холодное дыхание уже проникает в наши души и леденит нашу кровь.

Проработав некоторое время, чудовище сделало попытку спуститься вниз, но не решилось и ушло к себе.

Когда все замолкло, мы, не сговариваясь, бросились к лодке, наскоро погрузили в нее все наше несложное имущество, не позабыв захватить с собой два бочонка с водой, и с замиранием сердца, чтобы не разбудить чудовище стуком мотора, отплыли, держа направление на восток, и дали лодке полный ход.

На шестые сутки мы встретили судно, которое нас подобрало и доставило в Америку.

Рассказывая за стаканом грога в кают-компании наши приключения, капитан говорил, пытаясь объяснить существование подводного исполина на поверхности:

— Чудовище, которое мы видели на острове, я уже встречал один раз в южных морях и мне думается, что, выкинутое извержением из недр моря, животное было так сильно ранено, некоторые части его туловища были настолько по-

вреждены, что оно навсегда потеряло способность жить в глубине морей, где мускулы должны были быть все время в страшном напряжении, чтобы выдерживать колоссальное давление столба воды. Поэтому оно принуждено было остаться на поверхности, выбрав себе пристанищем этот необитаемый остров, лежащий в стороне от пути следования кораблей. Что же касается козы, сброшенной к нам сверху, то она, по всей вероятности, случайно попала под удар страшного хвоста чудовища... Другого объяснения я не нахожу...

* * *

Устроив в несколько дней дела фирмы, по которым я был послан в Америку, и сговорившись заранее с отставным моряком, с которым мы условились ехать обратно вместе, я наконец, купив себе место на большом пассажирском пароходе, отплыл в Англию, куда и прибыл благополучно, без всяких приключений.

Едва только я успел приехать, как меня обступили со всех сторон корреспонденты и одна солидная фирма предложила мне уступить ей мои заметки, которые я вел на острове.

Я согласился и получил за тетрадь пять тысяч долларов, что вместе с имевшимися у меня семью тысячами — моей долей из денег, найденных на разбитом корабле и экономией от командировки, — составило ровно тринадцать тысяч долларов. Кроме того, директора фирмы, в которой я служил, подкупленные тем, что несмотря на пережитые приключения, я все же вполне добросовестно исполнил возложенное на меня поручение, предложили мне место заведующего отделением с очень приличным окладом.

Поэтому я решился просить у старого отставного моряка руки его дочери, со стороны которой, я рассчитываю, не встретится особенных препятствий. По крайней мере, она мне так сказала, когда мы стояли на палубе корабля, подхо-

дившего к Гавру, и я крепко обнимал ее за талию...

О чудовище я буду вспоминать с чувством ужаса и вместе с тем с благодарностью, так как, главным образом, благодаря ему мне удалось приобрести любимую жену, мою дорогую маленькую Анну.

Михаил Щербаков

УТЕС ДРАКОНА

— Ти-та-та-та... Ти-та... Ти-ти-ти-та...

Затем чередовавшиеся в неправильном ритме ясные пiski прекратились и послышался смутный и сбивчивый гул.

— Наконец-то! — с облегчением подумал Георгий Николаевич. — Ишь, какую длинную телеграмму закатили!...

Он взглянул на часы: до конца вахты оставался еще час. Слегка сдвинув с правого уха придавивший наушник, он посмотрел на лежавшую перед ним бумагу. Там стояли ряды отдельных записанных им букв. Они не разделялись на слова. Георгию Николаевичу — еще новичку радиооператору — трудно было улавливать сразу смысл сокращенных до предела телеграфных фраз, передаваемых на чужом языке.

И к тому же это не входило в его обязанности. Лишь бы правильно схватить на слух то отрывчатые, то более долгие попискивания, от напряженного слушания которых у Георгия Николаевича к концу вахты всегда отчаянно ломило уши и голову. Разберут их другие. Они разобьют шеренги букв на слова, заполнив сокращения — отделят фразы, выправят их, отметят, где надо, абзацы, снабдят заголовками и, перестукав на машинках и размножив на ротаторах, разошлют по редакциям газет готовые телеграммы. А завтра, быть может, те самые писклявые «ти-та-та», которые пойманы в тишине душной ночи им, русским эмигрантом Георгием Николаевичем, заставят замирать, негодовать, надеяться тысячи людских сердец... О каких только новостях, собранных, как мед — пчелами, бесчисленной армией корреспондентов, рассыпанной по всему миру, не сообщали эти слабые звуки, выуженные чуткими антеннами из того мирового эфира, о котором люди до сих пор так ничего и не знают....

Тут философствования Георгия Николаевича оказались прерванными. В его ушах снова послышались неясные комбинации длинных и коротких писков. Это были позывные Сайгонской радиостанции.

— Ну-с, что же такое случилось в Сайгоне?.. — безразлично подумал Георгий Николаевич.

— С... А... R... G... O... R... A... N, — записал он одну за другой девять букв, и они сразу же завладели его утом-

ленным вниманием. Он насторожился. Кажется, дело шло о том самом грязноватом французском грузовике «Оран», на котором всего неделю тому назад уехал в девятимесячный отпуск, оттрубив шесть лет в большой английской фирме, его закадычный приятель Сережка Елагин.

По мере того, как слух воспринимал букву за буквой, а пальцы машинально регистрировали их на бумаге, карандаш Георгия Николаевича начал спотыкаться. Телеграмма была короткой. Он без труда разобрал ее смысл.

Сайгонская станция сообщала, что вчера ночью грузовик «Оран», застигнутый густым туманом в заливе Алонга, в Индо-Китае, наткнулся на рифы около скалы «Жаба» и, переломившись пополам от удара, сразу же пошел ко дну. Из-за сильной волны все попытки спасательных судов подобрать потерпевших крушение остались тщетными. На борту «Орана» было тридцать человек, считая команду и пассажиров. До сих пор никто из них не отыскан.

— Бедный Сережка! — думал Георгий Николаевич, перечитывая снова и снова сухую, лаконичную телеграмму. — Неужели он погиб? Царство ему Небесное!.. И так глупо погиб, теперь, когда все в его бурной жизни как будто наладилось, утряслось, когда впереди были девять месяцев полной, обеспеченной свободы и такое чудное путешествие в Европу... А уж из каких только катавасий ни выкручивался: в Восточной Пруссии одиннадцать суток в тылу у немцев с разъездом болтался, — вернулся, даже Владимира с мечами заработал. Когда под Равой Русской «наблюдом» летал, так немцы его аэроплан осколком сбили: пилот угробился, а он хоть бы что. Красные два раза в Сибири ловили, и ничего — удрал. Мало того: у самого Барона в Даурии на «губе» сидел, в Шаньдуне у Фынь Ю-сяна чуть-чуть было не стал «на одну голову короче», — и все-таки выцарапался! А тут — на тебе! Попал, как кур во щи. Из-за какого-то тумана. Глупо! Господи, как глупо!..

Острая досада овладела Георгием Николаевичем. Он точно видел перед собою Елагина — оживленного, веселого, бодрого, каким провожал его всего семь дней тому назад на злополучный «Оран». Сережа нарочно взял билет

не на быстрый пассажирский пароход, а на этот грузовик, подолгу стоявший во всех попутных портах, чтобы лучше их осмотреть и побольше накрутить фильм новеньким «Сине-Кодаком», последним своим увлечением. И вот — результат!

Но тут снова в уши оператора застучали прерывавшиеся попискивания, и он скрепя сердце начал принимать скучнейшую телеграмму о партийной борьбе в Нижней Палате.

Кончив вахту, Георгий Николаевич мрачно побрел домой. В этот глухой, предутренний час улицы окраины вымерли. Не попадались даже рикши. Только на перекрестках дремали, прислонясь к потушенным световым сигналам, кривоногие полисмэны-аннамиты в своих конических шляпах, похожих на абажуры. Из приоткрытых ставень китайских лавок, где готовили бобовое тесто, плотными клубами выкатывался жирный пахучий пар. Голые по пояс китайцы, копошившиеся внутри у закопченных котлов, казались чертами с даоских картин, изображавших адские муки. На тучах, нависших над городом, ровно тлело малиновое зарево неоновых реклам.

— Подождем завтрашних телеграмм, — думал Георгий Николаевич, добравшись наконец домой и устало заводя свой заржавленный беженский будильник. — Надо будет пораньше встать, просмотреть все газеты...

Но в утренних выпусках, в дополнение к принятой им вчера телеграмме, был лишь полный список лиц, находившихся на «Оране» и считавшихся окончательно погибшими. Среди них он нашел и Елагина, только фамилию Сергея при двойном переводе переврали в «Иладжина».

Георгий Николаевич написал поправку в газеты, дал траурное объявление и короткий теплый некролог о своем друге, охотно помещенный на следующий же день. Родных у Елагина в Шанхае не было, а знакомые и сослуживцы покачали головами, пожалели, вспомнили, что покойник был «хорошим парнем» и перестали о нем говорить. Да и сам Георгий Николаевич, хотя и не забыл сразу приятеля, но целиком ушел мыслями в предстоявший официальный экзамен.

Так, приблизительно через месяц, вернувшись домой после вахты, Георгий Николаевич нашел на столе заказное письмо с индокитайской маркой. Недоумевая, он разорвал объемистый пакет и начал читать письмо на бланке госпиталя Св. Марии в Хайфонге.

«**Monsier**, — писал ему старший врач больницы, — согласно последней просьбе вашего друга, мосье Сержа Елагина, на меня выпал тяжелый долг сообщить вам о его кончине, последовавшей от заражения крови 15-го сего июля в нашем госпитале.

За три дня перед тем мосье Елагина доставила сюда в бесчувственном состоянии, с оторванной или откушенной ступней, портовая полиция, которой его передал, в свою очередь, один из местных китайцев-скупщиков ласточкиных гнезд. Джонка этого видного коммерсанта, плавая в поисках излюбленного китайского деликатеса среди скал у архипелага Фай Цзи Луна, нашла вашего друга на крошечном острове неподалеку от скалы, известной у моряков под названием “Жабы”. Согласно показаниям сборщиков ласточкиных гнезд, он лежал без памяти рядом с лужей запекшейся крови, в маленькой прибрежной пещерке.

В связи с недавним крушением парохода “Оран”, о чем, быть может, вы читали в газетах, нам нетрудно было заключить, что несчастный находился, по всей вероятности, на борту этого корабля.

Так как рана больного была в очень скверном состоянии, я решил немедленно произвести ему ампутацию ноги до колена. К сожалению, операция уже запоздала: заражение пошло выше. Больной двое суток боролся со смертью и почти непрерывно бредил.

Все же, за день до кончины, мосье Елагин пришел на некоторое время в себя. Он вызвал меня, назвал свою фамилию и вполне связно, хотя и сильно волнуясь временами, рассказал о том, что с ним случилось. По его просьбе рассказ этот подробно записала одна из наших сестер, владеющая английским. Мосье Елагин просил меня переслать вам, вместе с его прощальным приветом, эту запись, что я и делаю.

Стоит ли прибавлять к ней какие-либо комментарии? Скажу только, что за четверть века моей жизни “к Востоку от Суэца” мне пришлось и видеть, и слышать немало такого, что в Европе сочли бы сплошной выдумкой. Во всяком случае, могу вас заверить, что во время рассказа мосье Елагин вовсе не производил впечатление бредившего человека. С другой стороны, самый тон рассказчика и полное сознание безнадежности своего положения уничтожают, как мне кажется, всякое подозрение в умышленной мистификации.

В заключение упомяну, что, слыша аналогичные рассказы от местных тонкинцев-рыбаков, я уже давно заинтересовался этим спорным вопросом из серьезных источников, трактующих его «*in extenso*»...

— Рассказы тонкинцев и гибель Сергея!.. Это что еще за белиберда?.. О чем он говорит? — думал Георгий Николаевич, дочитав письмо доктора. — Почему же не верить Сергею: он никогда не был вралем...

И Георгий Николаевич с напряженным любопытством погрузился в чтение листков, исписанных беглым мелким почерком.

* * *

«Находясь в здравом уме и твердой памяти, я сообщаю следующие сведения о том, что произошло со мной во время и после крушения парохода “Оран”.

Накануне вечером, пересекая залив Алонга, наш грузовик попал в полосу сильного тумана и шел уменьшенным ходом, непрерывно давая сигналы гудками и сиреной. Около полуночи я поднялся в мою каюту, выйдившую дверь на спардэк, и быстро заснул.

Среди ночи резкий толчок выбросил меня из койки. Удар был настолько силен, что тяжестью тела я сорвал крючок, на котором держалась приотворенная дверь каюты, оказавшаяся почти подо мной, и скатился по накренной

палубе за борт парохода. Оглушенный ударом, я не успел даже зацепиться за поручни. Все произошедшее я осознал лишь в тот миг, когда начал быстро погружаться в волны. Судорожным усилием мне удалось выплыть снова на поверхность. Сильная волна, оставленная недавним тайфуном, сразу же подхватила и отнесла меня от борта и, может быть, именно благодаря этому я не попал в водоворот, засосавший остатки “Орана”.

Висевший над морем знойный туман тут же скрыл от меня очертания корабля, а затем потухли и желтые бусины паровых иллюминаторов. По-видимому, вода уже успела проникнуть в машинное отделение. Сквозь пелену тумана, глухо, точно сквозь слой ваты, доносился жалобный вой sireны и слабые крики людей. Потом раздался точно приглушенный пушечный выстрел, и все сразу стихло. Я подумал, что это, должно быть, взорвал палубу воздух, сжатый внутри парохода. В наступившей тишине я слышал лишь шипение пены на гребнях волн, светившихся фосфорическим светом. Меня накрыл мрак тропической ночи.

Я хороший пловец. Морская вода была совсем теплой, и, несмотря на волну, я мог свободно продержаться на поверхности несколько часов. Если только наш радиотелеграфист успел дать сигнал «S. O. S», то к нам уже спешат на помощь спасательные суда. Кроме того, лишь накануне капитан в разговоре со мной ругательно ругал это море, усеянное тысячами скал-островков архипелага Фай Цзи Лун, между которыми проходят сильные морские течения. Быть может, меня поднесет к одному из них. Правда, оставались еще акулы, частые гости в этих местах, но меня столько раз в жизни выручал счастливый случай, что в тот момент я не считал свою игру безнадежно потерянной. Главное было, экономя каждое усилие, продержаться на поверхности возможно дольше.

Я сорвал облипавшую мое тело пижаму, перевернулся на спину и лежал почти без движения, то поднимаясь на гребни, то соскальзывая в долинки между волнами.

Так прошло, может быть, два, может быть, три часа. Я сильно устал. Тут, случайно повернув голову, я с облегчением

заметил, что небо впереди меня стало сереть. Перламутровый рассвет быстро, по- южному, вступил в свои права, и вскоре показалось солнце, огромное и кровавое сквозь стену густого тумана. Его лучи начали рассеивать окружающую меня желтовато-молочную муть, рассыпавшуюся капельками горячего мелкого дождя, который приятно омыл мои соленые губы. Теперь я мог оглядеться. В четверти мили от меня, сквозь клубы расходившегося мороса, виднелись над грязно-желтыми волнами обрывистые контуры какого-то утеса, точно высеченного по рисунку китайского художника.

Я поплыл к нему, борясь со сносившим меня в сторону течением, часто отдыхая на спине. Наконец я услышал рокот прибоя, бывшего о стены утесов. Чтобы найти подходящее место и выбраться на скалы, поросшие скользкими водорослями, мне пришлось напрячь остатки моих сил. С ободранными ладонями, весь в ссадинах и синяках, я с трудом вскарабкался по откосу выше линии прибоя и свалился в какую-то пещерку, дрожа от перенесенного напряжения. Отдышавшись, я крепко заснул и проснулся лишь к вечеру, разбуженный резким криком морских птиц, возвращавшихся в свои гнезда, которыми были облеплены каменные срывы над моей головой.

Чувствуя сильную жажду и голод, я пополз искать пресную воду, пользуясь каждой шероховатостью скалы. Мне посчастливилось: ниже пещеры, в одной из трещин, настолько узкой, что в нее с трудом проходила моя голова, оказалось углубление, наполненное дождевой водой. Правда, она была совсем затхлой и притом еще солоноватой от заносимых ветром брызг моря, но все же пригодной для питья. Несколько крупных устриц, которые я не без труда отбил острым камнем от скал, спустившись к самому морю, слегка утолили мой голод. Тогда я тщательно осмотрел то место, куда меня забросила судьба.

Этот утес был окончечностью крохотного и высокого островка. Склоны его срывались прямо в грязно-желтую воду моря, образуя маленькую глубокую бухточку, открытую подковой на запад. Лишь в одном месте скатившиеся сверху

глыбы нагромодили как бы ступени, ведущие от моря к скале, а по ее обрыву наискось и вверх шел узкий выступ-карниз. В десятке метров над водой он несколько расширялся. На этом природном балкончике, нависшем над морем, в трещине, где с трудом уместились бы два человека, я и проспал весь тот день.

В общем, я попал в настоящую каменную западню. Впереди было море, а сзади, справа и слева уходила вверх неприступная отшлифованная ветром стена, не дававшая никакого упора ни рукам, ни ногам. Я не мог даже подняться к птичьим гнездам, лепившимся над моей головой и дразнившим мыслью о больших белых вкусных яйцах. Выбраться из бухточки можно было только морем, вплавь, рискуя встречей с акулами. И у меня не было при этом ни малейшей уверенности, что с другой стороны островка подъем окажется более доступным. Да и что мог я найти на его вершине, кроме травы, кустов, да, может быть, нескольких птичьих гнезд?

Я посмотрел в сторону моря. В закатной дымке виднелся на горизонте целый лабиринт разбросанных повсюду островков, таких же безлюдных и обрывистых, как и тот утес, на который я попал.

Моя робинзонада начиналась плохо. У меня не было даже огня, чтобы разжечь костер и привлечь таким образом внимание спасательных судов или проходящих мимо рыбацких джонок. А ведь только они могли избавить меня от медленного истощения, грозившего рано или поздно на этом обрыве. Я добыл себе еще несколько устриц, поймал пару мелких шустрых крабов и, съев их, заполз снова с последними лучами солнца в мою нору. Над морем уже начинал клубиться жаркий, парный туман.

Я быстро заснул и лишь на следующее утро почувствовал себя совсем отдохнувшим от моего утомительного плаванья. Воспользовавшись ранним часом, когда тропическое солнце еще не так жгло, я снова обшарил всю доступную часть моей скалы. Но все мои старания найти какую-нибудь лазейку или подъем остались напрасными. Я был заперт в этой бухточке так же прочно, как если бы сидел за ре-

шеткой одиночной камеры.

Море теперь успокоилось совершенно и лишь лениво всплескивало между глыбами у подножья утеса. Был час отлива. И вот, почти под самым моим выступом, я заметил на уровне воды черневшее в камне отверстие. Около него вилась стайка небольших птичек, вылетающих из-под сводов полуподводного грота. Буро-коричневые по крыльям и спинкам, с сероватым брюшком, с прямыми, раздвоенными хвостами, они напоминали наших ласточек-стрижей. Я понял, что это те самые саланги, вареными гнездами которых меня не раз угощали в шанхайских ресторанах мои друзья-китайцы. По их рассказам, эти птички любят именно такие прибрежные пещеры, прилепляя к их сводам свои гнезда. Всмотревшись внимательно, я увидел на уровне прибоя целый ряд похожих гротов, скрытых раньше от меня приливом и волнами.

Это открытие снова зарядило меня энергией: если здесь в изобилии гнездятся саланги, то мою скалу, может быть, навещают охотники за ласточкиными гнездами. Я слышал, что сбор обычно производится три раза в год. Сейчас было начало июля — самое начало летнего сезона. Надо запастись терпением и сидеть на этом голом утесе, не подвергая себя риску попасть на зубы акулам. Я отлично сознавал, что шансов на спасение у меня немного, что долго питаться одними устрицами я все равно не смогу, но я все же старался всеми силами не поддаваться отчаянию. Во всяком случае, мне следовало устроиться поудобнее.

Чтобы сделать себе ложе, я нарвал большую охалку водорослей и разложил их сушиться на самом припеке. Из наиболее гибких я сплел себе жалкое подобие шляпы, которая все же защищала мою голову от нещадных лучей солнца. Однако мне скоро пришлось прервать работу: солнце поднялось высоко, накалившийся камень жег ступни. Влажный зной загнал меня в тень пещерки, где я и просидел до заката, жадно всматриваясь до боли в глазах в расстилающуюся подо мной желтую гладь моря. Но она продолжала быть сверкающей и пустой. Даже на горизонте я не смог заметить ни дымка, ни паруса. Лишь кое-где на поверхности

виднелись темные точки плавающих птиц, да раз или два вдалеке появились какие-то черные тела, — вероятно, табунок дельфинов, быстро шедших гуськом друг за другом, то высовывая над волнами круглые спины, то снова ныряя.

Перед самым закатом с моря поднялся западный ветерок, который расчесал на длинные космы уже начинавшийся скапливаться над морем туман. Я перетащил в мое логово полупросохшие водоросли и с наслаждением вытянул на этом сыроватом ложе, пахшем йодом и морем, обожженные солнцем ноги. Когда птицы утомонились после заката, я уснул вместе с ними.

Но проспал я недолго — часа три-четыре. Меня начали мучить кошмары. Мне снилось, что я снова сброшен толчком с “Орана” и плыву во мраке по волнам, плыву бесконечно. Я устал, выбиваюсь из сил, задыхаюсь, захлебываюсь соленой водой... Тут я проснулся и, еще не придя в себя, почувствовал какое-то острое, невыносимое зловоние, от которого у меня перехватило горло. В нем мешались и едкий смрад клоаки, и приторный запах мускуса, и вонь гниющей рыбы. Приподнявшись на локте, я быстро огляделся.

Сквозь прорывы несшихся по небу рваных туч серп луны бросал на волны скользящий свет. У самого берега вода была скрыта от меня выступом скалы. Ни сверху, ни по сторонам я не заметил ничего особенного. С моря шел порывистый ветерок; он-то и наносил на меня тошнотворное зловоние. И вот, совсем-совсем рядом, я услышал снизу мощный ритмичный хрип и шипенье, как будто под самой моей пещерой стоял паровоз, с шумом выпускавший пары. Я поспешно подполз к срыву и осторожно заглянул вниз, к подножью утеса, и буквально застыл от ужаса и отвращения...

Вы видели китайские шествия, когда тридцать-сорок человек несут на шестах извивающееся бумажное чудовище с саженной головой и парой горящих выкатившихся глаз? Так вот, всего в нескольких метрах ниже края выступа мой взгляд уперся в глаза очень похожей гадины, но настоящей, живой, тяжело храпевшей и обдававшей меня целыми волнами мерзостного смрада.

Вы всматривались когда-нибудь в глаза крокодила, в

прямые узкие щелки его зрачков, полных пристальной холодной злобы и голодного коварства? — Увеличьте их в десять, может быть — в двадцать раз, до размера крупных тарелок, налейте переливающимся зелено-оранжевым огнем, и тогда, приблизительно, вы получите глаза той твари, которая жадно смотрела на меня снизу, вытянув вверх свою длинную косматую голову величиной в двухместный автомобиль...

К сожалению, мои пальцы сейчас не в силах владеть карандашом. Чтобы дать вам хоть смутное представление об этой голове, мне опять придется прибегнуть к сравнениям. Это было что-то среднее между мордой лошади, черепахи и бегемота. Я видел гигантское длинное косматое рыло, снова уширявшееся к тупому, точно обрубленному концу с двумя посаженными сверху и вывернутыми ноздрями. Под ними, по бокам — пара длинных, свешивающихся усов влажно блестела при луне. Мне бросился в глаза плоский широкий лоб, разрезанный пополам зубчатым гребнем, который обегал затем пилой по гибкой лебединой шее, могучей и толстой, как ствол пальмы в два обхвата. Ушей я не заметил, но там, где голова переходила в шею, на ней ерошилась густая щетинистая львиная грива. Самое тело чудовища, его общие очертания, я не мог разглядеть. Они терялись внизу, скрытые темной водой, из которой высывалась лишь змееобразная шея, несшая громадную голову дракона.

Да, да, это был самый настоящий дракон, но скорее дракон японских, а не китайских художников, — с более вытянутой вперед, лошадиноподобной головой. Вероятно, есть и другие... Ведь не мог же человек, при всей своей фантазии, выдумать такое адское исчадие! Во всяком случае, я-то убедился теперь воочию, что первый художник, изображавший дракона, рисовал его с натуры и прекрасно схватил все характерные черты...

Дракон тоже увидел меня. Его зрачки засветились рубиновым огнем, зубчатый гребень, нервно заколыхавшись, встал торчком, зоб раздулся в громадный пузырь, а голова начала подавать в воздухе из стороны в сторону гибкими

змеиными движениями, точно голова кобры, готовой к падению. Он широко раскрыл пасть, обнажив ряд футовых серповидных клыков и, обдав нестерпимым смрадом, прынул прямо на меня.

Не моя воля, нет, — сам жизненный инстинкт заставил меня откатиться от обрыва. В тот же миг я услышал, как его страшные зубы шелкнули в воздухе, встретив пустоту, и пасть закрылась, точно бухнула тяжелая дверь, захлопнутая порывом ветра.

Мне некуда было бежать. Я забился в логово под скалу, дрожа каждым мускулом. Много раз за мою жизнь я смотрел смерти в глаза, но никогда еще она не вставала передо мной в таком омерзительном облике. Задыхаясь от зловония, стараясь не дышать, я каждую секунду ждал, что вот-вот из-за края скалы покажется вытянутое рыло этого доисторического гада, что в меня снова вопьются его леденящие рубиновые глаза.

Я слышал, как он тяжело храпит, сопит и возится у подножья утеса, как бурлит морская вода от его движений, как царапает о камень его костяная чешуя. Мне казалось, что этот шум становится все ближе, что камень крошится и осыпается под тяжестью его когтистых лап. Затем, точно сорвавшаяся с талей шхуна, исполинская туша ухнула обратно в воду. Меня обдал фонтан брызг, поднятый с падением, а уши резанул дикий рев зверя, — нет, скорее не рев, а высокий, пронзительный визг, полный боли, ярости и досады. Этот визг разбудил птиц, которые поднялись с резким гамом над моей головой и всей стаей метнулись прочь от своих гнезд.

Но неудача не остановила чудовища. Через несколько минут его шумная возня под утесом возобновилась с удвоенным усердием. Не было сомнений, что сначала учуяв, а потом увидев меня, дракон всячески старается теперь добраться по скалам до моего убежища...

Вы говорите, что я совсем седой? Еще бы! Думаю, я поседел именно тогда, в эту первую ночь. Ведь я еще не знал, что лап у них нет, что, на мое счастье, — впрочем, какое же это счастье, если я теперь умираю, — природа дала им толь-

ко четыре больших плавника, вроде ласт моржей или тюленей. Но его ласты я рассмотрел уже позже. А всю первую ночь напролет я дрожал, прижавшись к стене своей пещерки, напряженно ловя каждый звук, шедший снизу. Я так и не посмел подползти к обрыву, чтобы еще раз на него взглянуть. Конечно, мне и в голову не приходило думать о какой-нибудь защите или борьбе. Я чувствовал себя таким ничтожеством, такой тлей перед этим исполином. Чем мог я с ним бороться? Тут нужны пушки и снаряды...

Так продолжалось до самого рассвета. На восходе храп и плеск у подножья наконец стихли. Окружавшее меня зловоние стало рассеиваться. Я подождал, пока встревоженные птицы вернулись в свои гнезда, и уже тогда только рискнул подползти к краю выступа. Дракона нигде не было. Только саланги носились со щебетом около обоих гротов, и на зеркале моря расплывалось вширь пахучее маслянистое пятно. Оно наглядно доказывало, что все, виденное ночью, не кошмар и не бред.

Я чувствовал смертельную усталость. Наступила реакция. О еде я не мог и думать; мне только страшно хотелось пить. Но, чтобы утолить жажду, надо было спуститься на несколько метров ниже. А вдруг дракон не уплыл и лишь притаился где-нибудь в бухточке у скал, подкарауливая, когда я сойду с выступа? Может быть, он даже скрылся в пещеру к салангам, под самым моим утесом.

Но жажда становилась все мучительнее и, подождав еще немного и собравшись с духом, я начал осторожно сползать к моему колодцу, не сводя глаз с моря. Все кругом оставалось тихим и спокойным. Тогда я осмелел и, все еще готовый при первой тревоге спастись в пещерку, спустился еще ниже, к устричным камням. Добыв несколько раковин, я поспешно вернулся наверх.

Весь этот день прошел у меня в тяжелом полусне. Я вздрагивал при каждом шорохе. Как только я пытался закрыть глаза, мне снова мерещилась мерзкая голова чудовища, его глаза, его удушливое зловоние. Я не думал тогда о том, каким образом мог уцелеть до наших дней в безднах этого туманного теплого моря потомок вымерших ящеров. Я толь-

ко ждал, замирая от страха и отвращения, появится ли он снова вблизи утеса.

Бежать отсюда? Но куда? На другую сторону острова, обогнув вплавь рифы?.. А если он рыщет вокруг острова в поисках пищи? Мне вспомнились черные тела, виденные накануне вдали. Я принял их тогда за стаю дельфинов, шедших гуськом. Но разве не могли они быть извивами его длинного хвоста, когда он, опустив голову к воде, стремительно рассекает волны? Нет, все-таки в моей норе было безопаснее. Прошлая ночь показала, что чудовищу что-то мешает добраться по скалам до моего убежища. А для того, чтобы достать меня прямо из моря, не вылезая из воды, его змеиная шея в шесть-семь метров все же была недостаточно длинной, даже при самом высоком уровне прилива.

Наконец наступила ночь, ясная и тихая. Преодолевая страх и отвращение, я решил на этот раз как можно лучше рассмотреть дракона, если он снова появится. Чтобы не раздражать его, я бросил у края обрыва охапку водорослей с моего ложа и лег, укрывшись за нею.

Ждать мне пришлось очень долго. Лунный серп уже начал склоняться к горизонту, когда я заметил на море черное пятно. Оно быстро росло. Вот над поверхностью показался лоб чудовища, увенчанный зубчатым гребнем, глаза и дыры вывернутых ноздрей. Далеко сзади высокими извивами тянулся могучий хвост. Рассекая волны, дракон оставлял по ним два расходящихся вала, точно несущийся в атаку миноносец.

На этот раз он был не один. Через несколько секунд рядом с ним вынырнула вторая, меньшая голова, лишенная гребня. Я подумал, что это, вероятно, его самка. Приплыв в бухту, дракон замедлил ход и высоко поднял косматую голову, озираясь вокруг. Затем он быстро повернул и <по>-плыл прямо на меня. Самка шла за ним. Через минуту меня снова окутало нестерпимое зловоние, распространяемое чудовищами. Драконы подошли вплотную к подножью утеса.

Стиснув зубы, собрав всю мою волю, я продолжал наблюдать. Они были теперь совсем близко. Я видел их отлич-

но. Первый, с гривой и гребнем, имел никак не меньше тридцати метров в длину; второй несколько уступал ему размерами. Когда они подняли головы, показавшиеся небольшими по сравнению с их общей величиной, я увидел, что шея, расширяясь книзу, переходит у них в вертенообразное, сплющенное сверху туловище, оканчивающееся длинным хвостом, занимавшим чуть ли не половину всей длины чудовищ. Самое туловище имело у самца не меньше пяти метров в поперечнике, как у хорошей шхуны. Весь он был покрыт не то костяной чешуей, не то мокро блестящей щетиной. При неверном свете месяца я не мог определить окраску. Могу только сказать, что на спине она была темнее, чем снизу, и что по коже шли темные пятна, образуя мраморные разводы.

Подплыв к утесу, первый дракон вытянул шею во всю длину, не достав до меня всего несколько метров, и начал, тяжело сопя и раздувая ноздри, обнюхивать воздух. Затем он прильнул грудью к скале, и я видел, как из воды показался огромный плавник, которым он старался опереться о камень. Самка, отойдя немного в сторону, последовала его примеру. Теперь уже не одна, а две головы с двумя парами отвратительных глаз жадно тянулись к моему выступу. То подымаясь, то снова срываясь со скользких камней, злясь, визжа и раздувая свои змеиные шеи, они старались дотянуться до меня, вздымая среди прибрежных скал высокие волны.

Но через некоторое время они поняли, по-видимому, бесполезность своих попыток. Отплыв от берега, драконы стали бороздить бухточку, то ныряя — должно быть, за рыбой, — то снова показываясь на поверхности в пенистых водоворотах. Несмотря на все мое отвращение, я не мог не залюбоваться мощной ловкостью, быстротой и змеиной грацией их движений.

Я уже подумал, что они забыли обо мне. И все же, не прошло и четверти часа, как косматая голова снова высунулась рядом с моим утесом и, подозрительно обнюхав воздух, опять скрылась. Так повторилось несколько раз. Наконец, измученный бессонницей и уверившись, что пока что

я в безопасности, я не выдержал, уполз в пещерку и задремал, надеясь, что с наступлением дня драконы, как и накануне, уйдут из бухты.

Когда я проснулся, было уже около полудня, но и море, и островок укутались в плотный туман, мешавший видеть дальше, чем на несколько шагов. Я долго и чутко прислушивался: все было тихо. Я не чувствовал характерного зловония. Птицы надо мной тоже не проявляли беспокойства. Тогда я осторожно слез к трещине с водой и, напившись, стал спускаться к морю за устрицами.

Вдруг где-то рядом из молочного тумана послышался знакомый храп. С проворством обезьяны, спасающейся от тигра, я полез вверх по скале к моему убежищу. Храп раздался снова, повторяясь все ближе, то слева, то справа. Притаившееся чудовище учуяло меня и нюхом искало в тумане. Обливаясь холодным потом, я лез выше и выше, впиваясь пальцами рук и ног в трещины камня. Еще четыре, три, два метра... Тут моя нога скользнула по отсыревшей скале, я остушился и повис, уцепившись за выступ руками.

В тот же миг молниеносная, безумная боль резнула мою правую ногу. Я услышал, как лязгнули тяжелые челюсти гадины от страшного удара мордой о скалу. Дракон дико заверещал. Послышался всплеск воды. Моя нога сразу же стала будто свинцовой. Не знаю, каким чудом мне удалось тогда удержаться на руках и как, почти теряя сознание от невыносимой боли, я дополз в пещерку...

Переведя дух, я взглянул на ногу: вместо ступни торчала бесформенная култышка, из которой широким ручьем хлестала кровь. Среди клочьев мускулов и связок белел осколок кости, точно перекушенный щипцами. Последним усилием воли я схватил пучок полувysохших кожистых водорослей и, свив из них жгут, изо всех сил перетянул им ногу под коленом. Затем все поплыло передо мной и я потерял сознание... В себя я пришел только здесь, в больнице...»

Прочитав рукопись до конца, Георгий Николаевич покачал головой и крепко задумался.

— Если только Сергей не помешался во время крушения, то за ним охотилось что-то среднее между плезиозавром и мозазавром, — решил он наконец, не без труда вспомнив названия вымерших чудовищ из школьного курса геологии. — Но разве могут они существовать до сих пор?.. Обязательно надо запросить этого хайфонгского доктора, о каких «серьезных трудах по этому вопросу» он пишет....

Георгий Николаевич так и сделал и через две недели получил второе заказное с индокитайской маркой.

Это была целая ученая диссертация. Доктор вполне научно и логично доказывал не только возможность, но и действительное существование в морях странных существ, вроде описанного Елагиным. Он подкреплял свои выводы целым списком книг, посвященных вопросу о морской змее, которую Елагин называл «драконом». Среди них были работы серьезных французских, английских и голландских зоологов, выписки из корабельных журналов, рапорты капитанов и письма тех пассажиров, которые встречали в разных морях и в разное время таинственных чудовищ. Всего за период с 1552 года и до наших дней доктор насчитывал до 352 таких опубликованных наблюдений. Многие из них принадлежали миссионерам и другим лицам, заслуживающим полного доверия.

Несмотря на упорные поиски, большинство этих книг Георгий Николаевич не смог достать в Шанхае, но, пробравшись через знакомого патера в богатейшую библиотеку Зиккавейского монастыря, он откопал там два французских издания, на которые, среди других, в особенности ссылался хайфонгский доктор.

Это был пожелтевший комплект газеты «*Courrier de Haiphong*», где в номере от 5-го марта 1898 года опубликовывался официальный рапорт лейтенанта Лагрезиля, командира канонерской лодки «Лавина». Офицер доносил начальству, что в июле 1897 года он встретил на широте залива Алонга двух змееподобных животных, двигавшихся вертикальными волнообразными движениями. Длинной в 20 мет-

ров каждое, они имели, по-видимому, от двух до трех метров в диаметре туловища. Головы их были сравнительно небольшими. Выстрел из револьверной пушки с дистанции в 600 метров заставил их тотчас же нырнуть, поднимая сильные водовороты.

15-го февраля следующего 1898 года «Лавина» снова встретила в том же месте обоих животных и обстреляла их из пушки с дистанции от 300 до 600 метров. Почувствовав преследование, одно из животных обогнало канонерку, ища, по-видимому, более глубокого места, чтобы нырнуть. Его видели вполне ясно. Преследование продолжалось полтора часа и было прервано лишь с наступлением темноты.

Через девять дней «Лавина» в третий раз встретила в том же месте оба странных существа. При этом рядом с лейтенантом Лагрезилем находился капитан Жоаннет и восемь офицеров с броненосца «Байар». На этот раз охота продолжалась всего 35 минут. Все указанные офицеры показывали, что животные имели по меньшей мере 20 метров в длину и были серо-черной окраски, неся на спинах зубчатые гребни.

Вторым любопытным документом, который нашел Георгий Николаевич, был официальный рапорт лейтенанта Л-Эоста, командира канонерки «Решительный», поданный контр-адмиралу, командующему 2-ой дивизией французской Дальневосточной эскадры, и опубликованный на странице 94-ой второй книжки журнала «Ля Нуа» за 1904 год.

Лейтенант Л-Эост доносил, что 23-го февраля 1904 года он встретил в заливе Алонга, в виду скалы «Ля Нуа», на дистанции в 300 метров неизвестное животное, имевшее вид плоской змеи. Оно имело 30 метров в длину и 5 в ширину. Животное скоро приблизилось на расстояние, не превышавшее 50-ти метров. Люди экипажа и офицеры наблюдали его одновременно.

В разрезе туловище его было полукруглым, совершенно не похожим на тело китообразного, — заявлял доктор Ловиш. Его окраска была серо-желтой с мраморными пятнами, — показывает рулевой Лэгуэн. Животное нырнуло в глубину совсем рядом со срезом корабля, оттуда механик ун-

тер-офицер Пинан видел его ближе чем на расстоянии в 40 метров. Он говорил, что голова животного имела в ширину около метра, а морской стрелок Лекублэ и марсовой Ле Галль заметили, что она имела более удлинённую форму, чем голова тюленя¹.

* * *

Когда Георгий Николаевич прочёл оба эти официальные донесения, его слегка передернуло. Он только тихонько повисстал и подумал старыми, избитыми словами Гамлета:

— На земле и на небе, друг Горацио, есть много вещей, которые и не снились нашим мудрецам...

Рассказ Елагина уже не казался бредом.

¹ Автор ручается за точность перевода приводимых выдержек (*Здесь и далее прим. авт.*).

Михаил Щербаков

ДЖОННИ, МОЛОДОЙ МАМОНТ

«Туземцы Сибири рассказывали мне, что на утренней заре, вблизи рек и озер, им доводилось замечать некое существо, именуемое “Мамтон”. Однако этот “Мамтон”, притив их, стремительно бросался в воду, и вообще днем отнюдь не бывает видим».

John Ranking. «Исторические изыскания
о походах и охотах Монголов
и Римлян». Лондон. 1826 г.

— Хотите купить молодого мамонта? — спросил человек с затекшим глазом.

— То есть, его клыки? — поправил я.

— Да какие там клыки! — обиделся мой гость. — Я вам говорю: живого молодого мамонта!..

— ???!?!

— Чего вы устались? Я не пьян... А знаете, с вас бы я дешево взял... Конечно, стоит только заикнуться какому-нибудь американцу, так он с руками оторвет, да уж очень жалко загонять Джонни чужим...

Да, да! Все это я отлично знаю, читал сотни раз! Это верно, что они вымерли: у меня случайный... Серьезно, купили бы, а?.. Мамонт — первый сорт. Можете хорошо заработать...

Человек с затекшим глазом вынул из кармана своих брюк, сшитых из оленьей замши, пожилой клеенчатый бумажник.

— Вот, — протянул он плохо проявленную пленку жилетного кодака, — это вот — Джонни, а рядом — коряк-проводник. В кухлянке. Я их снял, когда мы возвращались.

При желтом свете мерно качавшейся каютной лампы я увидел слабый негатив. На сером фоне выделялись длинные нарты. Рядом с ними стоял человек, а впереди, превышая в полтора раза его рост, виднелся расплывчатый силуэт мохнатого слона с длинными спирально загнутыми вверх клыками. Действительно, такой шерсти и таких бивней не было ни у одного из современных животных. Но ма-

монт, запряженный в нарты, да еще рядом человек в кухлянке! Я очень подозрительно посмотрел на гостя.

* * *

Наше знакомство с белобрысым Яном Довейсом завязалось неважно. Для начала безбожно надул меня, променяв крохотную облезлую сиводушку за полсотни берданочных патронов, фунт пороха и два «старичка»¹. Я тогда был еще совсем новичком в пушных делах.

Сунув добычу в мешок из нерпичьей кожи, он быстро спустился в свою долбленку, отвалил от шхуны и загреб к берегу единственным веслом о двух лопастях. Когда же на следующий день у борта снова оказался Ян, мечтавший повторить выгодную сделку, то шхуна встретила его очень нелюбезно, и валкая душегубка отчаянно закачалась на волнах, хлебнула до половины воды из корабельного брандспойта. Впрочем, Ян скоро раскаялся и предложил мне мир, прислав в подарок отличные торбаза² с пестрой вышивкой и банку янтарного морошкового варенья.

Все это происходило в северном углу Охотского моря, примерно в десяти днях восьмиузлового хода от ближайшего порта. В тех местах людей гораздо больше интересует, сколько у вас спирта, чем ваша родословная. Расспрашивать о таких вещах считается даже неприличным, так как большинство пришедших людей попали сюда не иначе, как по суду.

Поэтому, разговаривая с Яном, я избегал этой скользкой темы и долго не знал, кто он такой. Местные камчадалы, коряки и тунгусы звали его просто «Иван Иванович». Сначала Ян говорил со мной северным цокающим говором, вставляя кстати и некстати чуть ли не в каждую фразу сло-

¹ Полбутылки японского спирта.

² Высокие сапоги из оленьей шкуры.

вечко «однако», но я скоро заподозрил в нем интеллигентного человека. Он вспыхнул под своим сандаловым загаром, а затем, посмотрев мне в глаза твердым и острым взглядом, утвердительно кивнул и заговорил уже обычным языком.

Часто, когда во время летних штилей наша «Наяда» еле колыхалась на длинной волне трехсаженного прилива и корейцы-рабочие лениво грузили в кунгасы тюки мануфактуры, табака и кирпичного чая, Ян подходил на долбленке к шхуне и за стаканом виски, которое он очень любил, рассказывал в моей каюте о сибирском Северо-Востоке.

С одной стороны залива виднелись серые скалы, переходившие выше в конические сопки, на которые тяжело налегали тучи, будто сплошное серебристо-сизое тесто; с другой — тянулся низкий желтый берег, безотрадный и плоский, с воздушной цепью гор, затерянной на горизонте.

То и дело над самой мачтой пролетали большие морские птицы, совершенно не пугавшиеся людей. Из воды то высывались, то снова пропадали глупые, черные и как бы обсосанные головки нерп, чьих детенышей, оставшихся в лужах после отлива, мы ловили голыми руками. На всем побережье нельзя было различить и в бинокль следов человека. Даже «поварни» — высокие избы на сваях, где летом, во время хода, коптят рыбу, — были скрыты скалами с щетиной прилегших к камню буро-красных кустов, напоминавших шерсть тех самых мамонтов, о которых заговорил Довейс.

* * *

— Видно, Ян, ванна из брандспойта вас вылечила!

— Думаете, вру?.. Ну конечно!.. Напрасно заводил разговор...

— Послушайте, но живой мамонт в наши дни, ведь это же абсурд!

— Абсурд? — Ян презрительно хмыкнул и показал на свой затекший глаз. — Видали?.. Так вот, этот самый «абсурд» чуть не оставил меня без глаза... Да вы читали про опыты Бахметьева?

— Какого Бахметьева? Того профессора, который воскресал перед революцией в Питере замороженных карасей и лягушек?

— Вот, вот... Но не одних только карасей, а даже тепловых сусликов. Я сам видел студентом. Потом он начал опыты и с обезьянами, да умер.

— Так причем же тут мамонт?

— А, вот при том!.. Э, да чего языком трепать: вы же все равно не верите...

— Ладно, ладно, друг мой, нечего ломаться! Рассказывайте толком. Так и быть, поставлю вам виски!..

* * *

— Видите ли, — начал Ян, наблюдая, как в стакане побежали вверх серебряные пузырьки газа, — я перезимовал здесь три зимы. Это уже марка. Если за этот срок вы не спились, то, наверное, навидались разных разностей.

Я смотался из Владивостока, как только там появились первые большевики. Забился в угольную яму на «Симбирске» и вылез только после Хакодате, где они уголь грузили. Ну, что ж, не выбрасывать же, в самом деле, парня за борт! Капитан выругал, боцман как следует поучил концом, а потом поставил драить¹ палубу. После десяти дней плавания меня высадили на первой же стоянке. Ничего: нашел тут земляка-латыша и стал ездить с его товарами в разъезды на «собаках». Потом мало-мало оперился, завел и свою запряжку...

Ян остановился.

¹ Скresti, чистить палубу.

— Вы о Колыме слыхали? — прищурил он свой затекший глаз.

— Да, слыхал кое-что...

— Ну так вот. На вторую зиму я решил туда обязательно пробраться. Раньше я доезжал до Станового хребта и научился кое-как болтать по-коряцки. Так что до перевалов я рассчитывал дойти довольно легко.

— Позвольте, — перебил я, — но ведь на Колыму пробираются, как я слышал, гораздо более с юга, от Олы?..

— Да нет, это раньше так делали. А лет пять назад на Ольском пути случились осенние палы. Весь олений мох в горах сожгло. Ведь туда на «собачках» не проедешь: или корм для них вези, или товар на мену. Только на оленях и можно. Теперь южную дорогу совсем забросили.

Я с Наяхоны и тронулся. Нанял тунгусов-проводников, забрал в кредит у земляка товаров и спирта и, как только выпал снег, двинулся по тропам. К весне я думал добрать-ся через хребты до верховий Каркадона, а там, когда вскрыется, спускаться на плоту до самой Колымы. Так всегда делают. Ведь от Охотского моря до Нижне-Колымска и напрямки-то чуть не две тысячи верст, а если считать тропами!.. — он махнул рукой.

Конечно, дело тут было вовсе не в товарах. Мне хотелось пробить постоянный путь на Колыму, чтобы наладить туда правильный транспорт. Ведь тот, кому это удастся, станет богачом, настоящим миллионером!.. Подумайте только: снабжать целую область, набитую битком пушниной, у которой нет ничего своего, кроме оленей, морошки да этой паршивой «юколы»¹. Область, которая годами отрезана от всего мира! Ведь даже от Иркутска, где проходит ближайшая железка, надо сделать тысяч пять верст на лошадях, оленях и собаках, чтоб туда попасть. Да еще ехать через Верхоянск с морозами в 60 градусов! И только зимой — летом везде болота. Морем же, через Берингов пролив, путь сво-

¹ Вяленая и высушенная на солнце рыба, которая вместе с оленьей является главной пищей всей Северо-Западной Сибири.

боден от льда только раз в три года...¹

Ян заметно оживился.

— Ну-с, я пропущу подробности. Зима стояла скверная — вьюги, бураны, и мы продвигались много тише, чем я рассчитывал. Все же до Станового мы добрались благополучно, но на самых перевалах мои три проводника вздумали бунтовать.

Началось с того, что ночью тунгусы стащили с моих нарт пару баночек и налакались спиртом как звери. Я рассердился и набил им морды. Они как будто сдрейфили, но урок не подействовал. Вы сами видели: тунгусы — народ тихий, забитый, пока не дорвались до первой баночки, но за второй пойдут отца резать. На другой день — опять кража. Тут я совсем обозлился. Зову ихнего старшинку Ивкава, а он мне вдруг:

— Ты, — говорит, — уркан (парень), шибко дерешься! Иди один. Мы с тобой больше не пойдем!..

Я сначала ушам не поверил, но проклятый спирт сделал свое дело. Пьяные щелки тунгуса смотрели тупо и упрямо. Оба моих винчестера, из которых они, шутя, снимали белок с макушек лиственниц, были у них, а кругом — одни сопки да снег.

Я подумал, подумал, а потом начал уговаривать, наобещав каждому по десятку баночек, когда вернемся. Но недотягивая отлично понимали положение и требовали сейчас же спирта. Особенно меня бесило, что эти обезьяны устроили революцию тогда, когда труднейшая часть пути осталась позади.

Вы знаете, я — человек упорный. Бросать свой план из-за каких-то тунгусов я не хотел и решил тогда, что пойду на Колыму один, если даже они сбегут.

¹ Действие рассказа относится к первым годам революции. Теперь, ценою тысяч жизней заключенных в «концлагерях», проведен тракт, соединяющий Охотское побережье с Колымской областью. Кажется, была также нерегулярная воздушная почта.

Весь этот день мы простояли на месте, а ночь я не спал напролет, приготовив под кухлянкой револьвер. Так и думал, что негодяи удерут, прихватив мои нарты со спиртом и патронами. Холодная ночь была. Хотелось плюнуть на все и заснуть хоть на час. Но я отлично видел, что тунгус у костра только притворяется спящим.

Днем, едва забрезжил поздний рассвет, попили не торопясь «цайку» и пошли собирать оленей, отпущенных пастись. Я подумал, что, протрезвившись, они взялись за ум, но не тут-то было! Ивков подошел ко мне и начал опять требовать спирт.

Я показал ему наган, сказал «Аттэ!» (нет!) и послал ко всем тунгусским чертям. Ну, сами посудите, как бы меня приняли в Колыме без спирта? Да меня бы каждая баба засмеяла!.. Так я и остался в горах с одной нартой и одним оленем...

Ян помолчал и выбил трубку о каблук.

— Да... Сначала жутко было одному. Как сейчас помню первый спуск по леднику. Щели какие-то, промоины, ямы, — того гляди шею свернешь. А кругом — тишина и лед, и ни одной живой души на сотни верст кругом... Разве пурга завоюет да прогрохочет где-нибудь обвал.

Морозы стояли трескучие, но как только я спустился с главных хребтов, ветра стихли. Снега в тот год выпало мало, и мой олень легко откапывал себе копытами мох, пока я спал под какой-нибудь скалой.

На мое счастье, я захватил с собой карманный компас, — двадцать белок отдал в Наяхоне, — а то не знал, как бы я выбрался из этих сопок. Только перевалишь одну, глядишь — впереди, под самыми тучами, торчит новая, и в долинах между ними — хвойные пролеси со всяким зверьем.

Еще в Наяхоне мне говорили, что за хребтами, не доходя Каркадона, кочуют по тайге несколько родов оленных коряков. И правда, пройдя с десятков дней, я заметил под вечер дымы над лесом. Там стояло кочевье из восьми больших юрт.

Не знаю, кто из нас больше обрадовался, — коряки или я. Они уже больше года не видали русского и не нюхали

спирта. Не успел я остановить оленя, как меня подхватили под ручки и повели в юрту к «тойону» — старшинке рода, беззубому старику с провалившимся носом. Там ведь целые кочевья больны сифилисом. К ночи все стойбище наливалось в дым, а на следующий день начался большой праздник. Сначала парни гонялись на оленях и боролись в снегу, а потом девки, — некоторые очень смазливые, только уж больно грязные, — пели песни и щеголяли в праздничных кухлянках, пестро расшитых мехом выдр и бисером.

Праздник кончился пиром, для которого закололи и сварили самого жирного оленя из стада в несколько тысяч голов, принадлежавшего кочевью, а голову с рогами выставили на высоком шесте около юрты старшинки.

Все эти номера я видел и раньше, но вот что меня задело, так это обряд вроде шаманского «камлиания». Надо вам сказать, что накануне моего приезда сын старого тойона убил волка, который считается слугой злого духа. Значит, следовало успокоить и самого дьявола, и душу убитого зверя, а то еще начнет отпугивать дичь от охотника.

Для церемонии пьяный старик, пошатываясь на тощих кривых ножках, надел свою «кагаглю». Это такая короткая оленья рубашка. Она сшита мехом внутрь, окрашена в кровавый цвет ольховым отваром и вся расшита лентами, бисером и железными побрякушками. Потом он достал бубен, — так, аршина в полтора в поперечнике, — тоже весь увешанный бубенцами и всякой дребеденью, и начал ходить вокруг костра посередине юрты. За его спиной болталась шкура убитого волка, а на голове, вместо шапки, торчала волчья морда. Вся семья сидела кружком на звериных шкурах и глазела на тойона.

Так он ходил молча минут десять. Потом ударил в бубен, ответивший глухим рокотом и забряцавший железками, и затянул грустную гортанную песнь, расхваливая убитого волка и умоляя его не сердиться. Все кругом начали качаться в лад с тягучей песней, подхватывая припев.

Бубен рокотал все громче и чаще. Голос старика окреп и зазвучал, как приказ. Шаги его ускорились. Он не то бежал, не то приплясывал с удивительной для его лет легко-

стью. Чудилось, что сам костер понимает старика и желтые языки его пляшут и припадают под удары бубна, бросая кровавые отблески на полога из кож. Вот одна из ездовых собак завyla на воле, подхватив песню, и ей сейчас же ответил целый хор жалобных, истошных голосов. Точно все волки Севера справляли поминки по убитому брату...

Не знаю, как это вышло, но от непривычного чада и этого воя у меня закружилась голова, куда-то поплыли и шаман, и качавшиеся, как маятники, скуластые морды. В конце концов, я сам начал качаться и подвывать старику. И ведь вся эта морока шла битых четыре часа, пока шаман не выбился из сил и не свалился с пеной на губах за полога. Черт их знает, как они это делают! Гипноз, что ли...

Ян остановился и потянулся к стакану.

— Ну-с, когда старик отошел и праздники кончились, я переговорил с ним о делах: раньше это была бы кровная обида. И знаете, что оказалось? — Или меня надули негодьяи-тунгусы, или я сам сильно заплутался, но вышло так, что я забрал много дальше на восток и что теперь стало выгодней идти уже не на Каркадон, а на Омолон и спускаться до Колымы по этому притоку.

С тойоном мы быстро сговорились. За патроны и баночки он дал мне в проводники двух своих сыновей, вместе с нартами и оленями, так что со стойбищем мы расстались закадычными друзьями.

Как мы оттуда шли, я не смогу сказать. Вся эта область к северу от Станового обозначена на картах просто белым пятном. Мы то пробирались по сопкам, покрытым хвойным лесом, то ехали целыми днями по дну узких долинок. Летом по ним не пройти: все пади — сплошное болото.

Моими новыми проводниками я не мог нахвалиться. Это были простые честные парни, на которых можно было положиться. Я особенно подружился со старшим, Чейло, после того, как снял пулей подраненную рысь, прыгнувшую к нему на плечо прямо с кедра.

Как-то утром, только мы двинулись с ночевки, Чейло поглядел вокруг и что-то крикнул Чейвину, прокладывая

шему путь впереди нарт. Я не понял, а они оба засмеялись и остановили оленей.

— Богата наша земля, эреки! (друг), — сказал Чейло. — Чего-чего только нет: белка, песец, соболь, чернобурка... А желтое железо!... Сколько его по нашим ручьям валяется. Только брать нельзя: шаман не велит. Когда в тайге кто найдет, обратно зарывает. Потому оно большую беду несет. Русские пронюхают — сейчас же придут. Русские придут — корякам пропадать. Сейчас пьянство пойдет, белка скочует, бабы загуляют, — вот как в Охотске, у тунгусов... И не только пушнина с желтым железом, — есть у нас немало и другого... Ты, эреки, — хороший человек. Мы тебе тут одно место покажем. Старое, тайное место. Ночью, так сам шаман придет: духов боится. Однако не сердись: спусти-ка шлык от кухлянки на глаза: я тебя за руку поведу...

Я послушался, и они повели меня в сторону, по сопкам, петлями, чтобы сбить с направления. Наконец Чейло сказал:

— Теперь смотри!

Я поднял шлык. Прямо передо мной высился обрыв в десяток саженей высоты, берег замерзшей речки. Со стены склонялась старая корявая лиственница, вся обвешанная вылинялыми и драными лентами, обозначавшими святое место. От солнца и ветра снег на гребне обледел и свисал навесом. И вот под ним-то, на самом срыве, я и заметил торчавшие из желтого мерзлого песка кривые пни и бревна. Так, по крайней мере, мне сначала показалось. Их было очень много.

Я посмотрел вниз, к подножью. У самой речки лежал какой-то черный и большой обломок, полузасыпанный, точно остов вельбота с ободранной обшивкой. Из сугроба торчали вверх одни голые ребра. Всю долину, насколько хватал глаз, покрывали такие же странные обломки.

— Что это? — спросил я проводников.

— Это — наши предки, — тихо ответил Чейло. — Было время, когда мы, коряки, росли могучими великанами. Но прогневался Великий Дух, Аннанэль. Он истребил великанов. Мы стали рождаться маленькими и слабыми. Потом Аннанэль наслал на наш край русских. Кости предков остались

по всей нашей земле, а здесь, говорят, было их самое большое стойбище...

И тогда я понял, что передо мной не пни и бревна, а костяки каких-то допотопных животных. Я быстро пошел к обрыву и споткнулся об одну из кочек. Это был наполовину вмерзший в землю череп мамонта с завитыми вверх клыками, которые весили много пудов. Конец одного обломался, и под темным слоем коры виднелась желтая, как сливочное масло, старая слоновая кость.

В этой затерянной долинке хранился богатейший клад. Десятки нарт не смогли бы вывезти тех бивней, которые начинали песчаные срывы или просто валялись на земле, вымытые речкой из соседних холмов.

Коряк понял мелькавшие в моей голове мысли. Он подошел, положил мне руку на плечо и сказал:

— Пойдем, эреки! Русскому здесь нехорошо... Ты думаешь, Чейло — дурак, Чейло не знает, сколько ружей и спирта можно взять за эти кости?.. Только трогать нельзя. Это место святое. Это наши предки. Ничего отсюда нельзя брать. Пойдем лучше...

Я посмотрел на ставшие строгими лица коряков и понял, что уговаривать их нечего. Мы прошли еще немного по речке. На повороте мне попался длинный вдавленный череп вымершего сибирского носорога со страшным наростом впереди. Многие из мамонтовых клыков отлично сохранились, да и самые костяки купил бы за бешеные деньги любой из музеев. Но уже падали ранние сумерки, и коряки заторопились к нартам. Скрепя сердце, я опять надвинул шлык на глаза. Обратно меня повели уже другой тропой...

Ян остановился и набил трубку.

— Видите ли, — продолжал он, пыхнув крепчайшей «маньчжуркой», — мне и раньше болтали о каких-то песчаных холмах к северу от Станового, набитых мамонтовыми костями, только я думал — врут. Долго я ворочался на следующую ночь и, признаюсь, совсем уже решил спровадить проводников к их предкам, найти этот овраг, нагрузить нарты клыками и повернуть к морю. Но утром, взглянув на славную грязную рожу Чейвина, рубившего топором кирпич чая,

я понял, что все это не так просто, как мерещилось ночью. Просить коряков было бесполезно: я чувствовал, что они не выдадут тайны. Оставалось только заметить это место, чтобы попозже вернуться...

— И что ж, вы заметили? — прервал я Довеяса.

— Да-а-а, конечно... — уклончиво протянул Ян. — Кое-где в тайге зарубок понаделал... Только найти трудно: тайга велика...

— Ну-с, — продолжал он, — после этого мы опять потянулись на север. Но теперь солнце стало выше забираться на небо, дни сделались много длиннее и временами начали налетать весенние бураны. В полдень на полозьях появлялись подлипы. Они сильно задерживали: приходилось то и дело останавливаться, опрокидывать сани и счищать наледеневший снег. Горы и холмы остались сзади. Мы ехали теперь то тайгой, то тундрой. Через четыре недели быстрой езды мы добрались до какого-то притока Омолона, спустились по нему до самой реки и стали ждать, когда тронется лед.

Вот на этой стоянке я и нашел Джонни. Собственно говоря, он сам ко мне приплыл.

Там, где мы вышли на Омолон, это была уже мощная, широкая река с частыми порогами. Срубив легкое зимовье, мы начали валить деревья, чтобы связать плот. Кругом была дремучая тайга с вековыми кедрами, кишевшая всяким зверьем. Весна была на носу и по всей тайге шел какой-то гуд. По ночам мы слышали, как за несколько верст дрались самцы-лоси.

Удивительное, знаете, это время за полярным кругом! Весь Север сразу оживает. Целые дни ходишь пьяным, а зверье так совсем бесится. Потом начнется ледоход, треск по реке подымется, все сильнее, сильнее, точно из пушек палят. Лед взгромоздится к берегам, потрескается посередке и медленно двинется к Ледовитому океану...

Как сейчас помню: в конце мая я пошел за росомахой и забрел к ближнему порогу. Он был так в версте выше нашего становья. На реке шло настоящее столпотворение: глыбы неслись по течению, застревали на перекате, на них на-

пирали новые, вылезали кверху, и на пороге получился высокий ледяной затор. Но вода уже промыла себе в одном месте широкую дорогу и падала с ледяной стены водопадом. А с верховья плыли все новые глыбы, важно поворачиваясь и колыхаясь на ходу. Может быть, их несло с тех самых гор, по которым я путался с тунгусами. На одних лежали целые кедры, упавшие за зиму, в другие были заморожены большущие валуны. Все это двигалось под молодым весенним солнцем, искрилось и мешалось. Север совсем оживал.

Тут я обратил внимание на большую желтую льдину, под рыхлой коркой которой мне почудилось что-то темное. Вертясь в мутной воде, глыба шла к затору как раз против того места, где я стоял. С полного хода она треснулась о стену, подпрыгнула боком и встала. От удара верхушка ее обломилась и тут же пропала в водовороты.

И знаете, что я увидел под свежим изломом? — Чей-то громадный горб со свалывшейся шерстью! Он выпирал целым куполом из-под льда. Я сразу же бросился к нему, но остуился и растянулся ничком. Прямо под собой я увидел сквозь лед морщинистый хобот и конец бивня. Это был мамонт! Господи, как я несея тогда к нашей стоянке! Еще бы, даже знаменитый мамонт Петербургской Академии Наук и в подметки не годился моему. Вы помните, дойдя до Лены, экспедиция нашла уже изглоданную волками развалину, а мой был целенький, свеженький, как мороженный поросенок из рефрижератора.

На мое счастье, коряки были в зимовье. Я крикнул им захватить топоры и ремни, и мы помчались обратно к ледяной плотине. Ведь она каждую минуту могла поддаться напору воды и унести мою находку. Надо было как можно скорее прикрепить глыбу к берегу.

Значит, если взять моего мамонта, то разница была лишь в размере животного и в том сроке, который эта спячка продолжалась. У Бахметьева были маленькие суслики, и спали они по несколько месяцев. У меня же был мамонт, проторчавший во льду, наверное, много тысячелетий. Но сущность-то оставалась той же: ведь во время анабиоза вся

жизнь, весь обмен веществ в организме идет с неуловимой медленностью или даже совсем замирает.

Я постарался припомнить, как ставились опыты, но все это было так давно. Я только твердо помнил, что Бахметьев отогревал своих нежитей очень медленно и осторожно в особых грелках. Значит, и мне следовало, по возможности, действовать так же. Конечно, у меня не было даже самого простого градусника, но у меня была вода, чтобы не дать ледяной корке стоять неравномерно, и сколько угодно дров, чтобы его постепенно отогревать.

Чейвин, вернувшись с ремнями, прервал мои думы. Мы разбудили его брата и провозились всю ночь, пока не отвели мамонтовую глыбу в маленький затончик, где и затопили под водой, чтобы защитить от резких перемен температуры. Потом мы завалились спать и проснулись только к вечеру. Зато весь следующий месяц мы спали мало.

Наступал июнь; ледоход на реке скоро кончился. Вода вошла в берега, и затончик, в котором оттаивал мамонт, оказался просто большой ямой, окруженной старыми лиственницами. Пока на туше оставался хотя бы тонкий слой льда, температура внутри нее не могла меняться, но льдина могла оттаять неравномерно с разных сторон. Поэтому, пропустив ремни под глыбой, мы перекинули их через соседние сучья и, подняв мамонта как на блоках, оттащили его в сторону. Работая топорами и ножами, мы осторожно скололи весь лишний лед. В конце концов перед нами висела грубая статуя слоненка, одетая в вершковый слой чистого, как хрусталь, льда. Если б вы видели, как она посверкивала при красном пламени костров!

Мы работали только по ночам, которые становились все светлее и короче, а на день опускали мамонта обратно в яму, чтобы не повредить ему припекавшим в полдень солнцем.

Теперь наступало ответственное время. Я целыми днями сидел у ямы и следил, как лед медленно сходит с нашей огромной сосули. Прозрачная кора становилась все тоньше. Сквозь нее уже пробивалась местами грубая красно-бурая шерсть. Затем на хоботе и ушах лед сошел совершенно. То-

гда мы повернули тушу так, чтобы конец хобота высовывался из воды. На ощупь он стал как будто более упругим. Я подождал еще двое суток. Наконец, корка стаяла везде. Тогда я приказал корякам подвести под мамонта сшитые оленьи кожи, мы осторожно подняли его на ремнях, дали немного обсохнуть и подвесили над кострами, разложенными под деревьями.

Затем наша работа не прекращалась ни днем, ни ночью. Мы натаскали целые горы валежника и все время подбрасывали его в костры, разложенные под зверем, который покачивался над ними, как ребенок в люльке, на своих ремнях. Я постепенно увеличивал жар костров, действующий на мамонта.

Так он прогревался у нас четверо суток. На пятую ночь все тело его стало тепловатым на ощупь. Хобот упруго сгибался в руках. Наступил критический момент: в эту ночь он или оживет, или достанется волкам.

Но, к моему великому огорчению, мамонт и не думал двигаться. Я сильно волновался. Ведь на моих глазах проваливался самый смелый опыт нашего века! И потом, ускользало прямо-таки между пальцев целое богатство... С каждым часом этой белой ночи мне становилось все обидней.

Наконец наступила полночь. Солнце на несколько минут скрылось за чертой леса, а потом его край снова выплыл и стал набухать. В жидком белесом свете мамонт продолжал лежать мертвой тушей. Я отошел от костров и протер изъеденные дымом глаза. Все мои надежды показались теперь детским бредом.

— К черту! Заливай костры!.. — приказал я корякам.

Они посмотрели на меня с удивлением.

— А что, эреки, — робко спросил Чейло, взявшись за веревку, — если нам его покачать?

— Покачать?.. — переспросил я. — Зачем?..

— Ну, как человека, когда утонет... Небось сколько у него воды в животе!..

Я так и подскочил. Ну, как же я мог забыть о воде, оставшейся в легких!..

— Хватай ремни! — крикнул я. — Раз!.. Два!.. Раз!.. — и

мы принялись качать и подбрасывать слоненка. Потом мы опустили его на землю, повернули на спину и, пока коряки подымали и опускали его ноги, я несколько раз прыгал к нему всей тяжестью на грудь.

Подул утренник и накрыл нас едким дымом валежника. Я закашлялся. И вдруг мне показалось, что шерстистая грудь под моими ногами подымается... Я соскользнул на землю. Сквозь дым я увидел, как мои коряки отлетели в стороны... затем из зашевелившегося хобота прямо в костер вылетел целый фонтан воды. Мой мамонт чихнул, судорожно вдохнул воздух и грузно перевалился на бок. Он все-таки ожил!..

— Послушайте, — прервал Ян свой рассказ, — нет ли у вас еще чего-нибудь?.. Что-то в горле пересохло... А-а, спасибо!.. Довольно, довольно!..

— Да-с, знаете... Отличный оказался мамонт! Такой умный, ласковый, послушный... Я окрестил его «Джонни». Сначала был, конечно, слабоват после спячки. Больше недели отлеживался на ветках и все дрожал. Смотрит на меня этак жалобно своими буркулами, водит хоботом и тихонько посапывает. Точно хныкает. Видно, мать искал.

Ну, а потом обошелся: встал на ноги и принялся щипать травку и кусты с почками. Пока он лежал, я отпаивал его оленьим молоком, и он так ко мне привязался, что стал бегать по пятам, как собачонка. Ночью, бывало, пристроится поближе к зимовью, с того бока, где я спал, и все лазит хоботом посмотреть: здесь ли я. А когда подрос и стал ходить в тайгу пастись, то стоило мне крикнуть: «Джонни, сюда!», как он несся ко мне, распутив лопухами уши и ломая осинки на пути. Подбежит, остановится рядом, и сейчас хоботом в карман, куда я прятал лепешки... Да он у меня до сих пор очень ласковый, только уж зато и пуглив!..

Так мы провозились с мамонтом пол-лета. Конечно, спускаться с ним Колыму было немыслимо. Я решил переждать на месте до снега, вернуться к Охотскому морю и оттуда на следующее лето пробираться в Америку. Представьте себе, какой бы там тарарам поднялся! Пустили бы без всяких виз... И потом тоже кусочек хлеба до самой гробо-

вой закрышки, только вози его напоказ из города в город...

К осени Джонни у меня совсем окреп и сильно вырос, и я начал приучать его таскать нарты. Это ему совсем не понравилось.

— Видите, — указал Ян на свой затекший глаз, — как он меня изукрасил во время ученья... Ну, уж и нагорело ему тогда багром!.. Два дня после пропадал в тайге и все-таки вернулся, не выдержал характера. Так мы и пропутешествовали обратно через Становой: впереди проводники с оленями, а сзади — я с Джонни и с парой нарт цугом, да еще с возом его сена. Как только мы перевалили хребты, я отослал коряков домой с подарками, чтобы не развонили здесь о мамонте. Так до сих пор никто о нем не знает.

— А где же он теперь? — спросил я.

— Ишь ты, какой вы любопытный! — прищурился Ян. — Я его тут в одной пади спрятал. Ведь такую махину в карман не сунешь!.. Знаете что? — Забирайте-ка завтра провизии суток на двое и жарьте ко мне на берег. Я сам его давно не навещал. Вот затрубит-то!..

— Я все-таки не понимаю, Ян, зачем вам его продавать?

— Видите ли, — наклонился ко мне конфиденциально Ян, — я уж вам, так и быть, скажу: вы все равно не покупатель. Продаю потому, что он слишком боится моря. Даже издали. Я сам этого не знал, пока не поехал с ним на берег. Лишь только слышался гул прибоя, Джонни насторожился и начал водить лопухами, а когда завиднелись волны, — Господи, что тут было!.. Задрал хобот, затрубил да как пустится во все лопатки обратным ходом!.. И сколько ни старался приучить, ни шпинта не выходит. Так, мамонт, как мамонт, и слушается, и ласковый, а как увидит море — никакого слада нет. Может, вспоминает шум воды, когда замерзал...

Вот теперь и прикиньте, как его грузить на пароход? Ведь он раза в два повыше меня, и силища — как в хорошем автомобиле. А если забьется, чем его свяжешь? Да он всех перекалечит!.. Нет, видно, придется загнать... Не помирать же с ним в этом мерзлом краю...

Наверху, на палубе, пробили склянки.

— Батюшки, никак полночь! — встрепенулся Ян. — Ну и заболтался... Так, значит, до завтра!.. Обязательно приезжайте!

Он накинул свою клетчатую куртку и вышел из каютки. Я выглянул вслед за ним. «Наяду» покачивало. С берега шел крепкий норд-вест, и по волнам гуляли барашки.

— Оставайтесь-ка лучше ночевать, смотрите, какой ветер пошел.

— Ну, ерунда, у меня долбленка испытанная! — и Довейс поглубже надвинул кепку.

Наклонившись над фальшбортом, я проследил, как он сел в скакавшую по волнам душегубку, оттолкнулся веслом от шхуны и почти сейчас же пропал в обступившем нас мраке.

К рассвету барометр сильно упал. Стали налетать такие шквалы, что нам пришлось идти штормовать открытое море. Там нас болтало двое суток, и за эти дни у меня не было досуга, чтобы раздумывать о мамонтах. Но когда ветер спал и «Наяда» отдала якорь на прежней стоянке, чтобы кончить выгрузку, мне ужасно захотелось проверить рассказ Яна. Я захватил провизии и отправился на берег.

Имба, которую нанимал Ян в поселке, оказалась запертой. Я спросил у соседей.

— А мы, однако, думали, Иван Иванович у вас!.. Ветер застал, он и гостит... Уж не случилось ли чего?.. Вот грех-то, однако!

Мы поспешили на взморье. Живший около морской кошки камчадал уверял, что Ян вернулся на берег, но за последние три дня никто не видел его в деревне. Только через неделю старый пьяница Корнеедов нашел у бара на соседней речке опрокинутую и разбитую долбленку. Ее признали по выжженным буквам.

Так я никогда больше и не встретил Яна. Ясно, что, отыскивая его след, я перерыл все оставшиеся пожитки. В боковом кармане его праздничного пиджака оказался потемневший, не фиксированный отпечаток с того негатива, который Довейс показывал мне на шхуне. Скоро он и совсем

почернел. Там же лежал оборванный уголок записки с тремя словами, нацарапанными карандашом:

— Кладбищ. мам. окол...

Вот и все, что я смог найти примечательного. Мои поиски Джонни вокруг поселка не дали никаких результатов. Впрочем, я должен заметить, что у меня не было времени уходить далеко. Стояла уже поздняя осень, по реке шла пуга, и «Наяда» торопилась в обратный путь, наспех заканчивая выгрузку. А зазимовать в этом затерянном мирке я так и не рискнул.

Тэффи

ЧУДОВИЩЕ ЛОХ-НЕССА

Ну-с, дело Ставицкого покончено. То есть, конечно, будут еще разные разоблачения, скандалы и даже аресты, но для нас особого интереса все это уже не представляет.

Так что можно спокойно вернуться к чудовищу Лох-Несса.

Ужасно жалко, что это скверное дело с прозаическими мошенниками отвлекло нас на столько дней от милого чудовища.

Теперь даже трудно как следует вспомнить все подробности.

Но постараемся.

Итак: по свидетельству вдовы (вот имя уже и забыли!), голова у чудовища размером в поперечнике 13 дюймов, глаза в поперечнике 20 дюймов и злые, как у коровы.

Шея у чудовища в десять метров и совершенно свиная.

По свидетельству велосипедиста, у чудовища девять горбов.

Велосипедист очень честный человек. Он говорит прямо:

— Не хочу врать, точно сосчитать горбы я не успел, так как находился от чудовища на расстоянии пяти километров. Может быть, горбов было и больше, но я успел досчитать только до девяти. А врать не хочу.

Проходящая девица разглядела только хвост, длиною приблизительно в 20 метров четыре сантиметра. О том, что она врать не хочет, девица не упоминала.

По отпечаткам оказалось, что у чудовища четыре правых задних ноги. Но какая-то старуха ясно разглядела, что чудовище шло, опираясь на плавники.

Африканский охотник ничего не видел, но слышал такой ужасный шум, что безумно перепугался.

Ученые натуралисты изучили отпечаток лап. Другие ученые натуралисты сказали, что это не лапы, а просто тина. Нашли еще какие-то следы чудовища, о которых детально не рассказывается. Следы эти анализировали и нашли, что они принадлежат не чудовищу, а насмерть перепуганному африканскому охотнику.

Еще одна баба заявила, что встретила чудовище на берегу, но, так как было темно, то разглядеть его не могла и в точности определить ни размера, ни формы не берется. За-

метила только, что коренные зубы у него круглые, как у петуха.

Вот приблизительно все, что мы знаем о чудовище из свидетельских показаний. И мы были накануне самых великих открытий, потому что на берегу Лох-Несса должны были открыться новые отели. И уже гуляли по берегу сотрудник «Дейли мейль» и сотрудник «Морнинг пост» и многие другие сотрудники гуляли и все примечали. И уже сотрудник «Дейли мейль» слышал какой-то шум и видел какой-то след (кажется, след сотрудника «Чикаго трибюн»). Так неужели же вы думаете, что сотрудник «Морнинг пост» уступит в чем-нибудь сотруднику «Дейли мейль»? Если тот увидел след, так этот увидит два следа. Если тот увидел голову, так этот сочтет долом чести увидеть две головы. Потому, что его газета ничуть не хуже и пребывание его оплачивают ничуть не меньше, и главное — он такой же талантливый журналист, как и тот, если не лучше.

Так и бродят они вокруг озера, с кодаками, с арканами, с полевыми биноклями, бродят и пугаются друг друга.

Но, конечно, как у всякой знаменитости, у Лох-Несса появились клеветники и завистники. Стараются унижить чудовище. Какой-то профессор, позавидовавший интересу, окружающему чудовище, заявил, что это просто куча торфа. Швейцария существования чудовища не оспаривает, но говорит, что у нее таких сколько угодно. Что ни озеро, то чудовище, и все самые допотопные. Но только до сих пор швейцарцы об этом молчали, потому что они по природе враги всякой рекламы. А кроме того, они считали, что ничего нет удивительного, если из озер лезут допотопные чудовища. Плеинозавр? Но кого же это может заинтересовать? У них в Швейцарии на это никто и внимания не обращает.

В советской России тоже всколыхнулись.

— Давай чудовище!

Моряки в Черном море видели какую-то штуковину, аршин в десять длины. Но если это можно отнести к «нашим достижениям», то согласны увидеть и в двадцать.

Да это, между прочим, для России далеко не новость. Я сама слышала когда-то рассказ очевидца о морском чудовище.

Очевидец был человек сухопутный, но с морскими наклонностями. Был он помещиком средней полосы России. Человек в летах, в чесунчовом пиджаке, в шляпе-панаме, которою так гордились всегда ее владельцы. Шляпа эта была всегда грибообразна, некрасива, неудобна и безумно дорога. Достоинство ее (единственное) заключалось в том, что ее «если понадобится, то можно свободно сложить в шестнадцать раз». Никак не могу себе представить такого случая, чтобы человеку понадобилось сложить свою шляпу в шестнадцать раз. Во время землетрясения, что ли?

Но не будем отвлекаться.

Итак, это был помещик. Встретилась я с ним в имении у знакомых, верстах в десяти от Тулы. Помещик этот тоже приехал в гости и рассказывал, как он два года тому назад проделал удивительное и редкостное путешествие из Севастополя в Ялту на пароходе. Наверное, немногим доводилось сделать такой пробег.

Прежде всего, «погода была — лютый шторм. В девятнадцать с половиной баллов. Волны с грохотом перекатывались через верхушки мачт. Грот-мачту сорвало. Ее заменили фох-мачтой.

— Трави шкот! — кричал обезумевший, но не растерявшийся капитан.

Но травить было нечего. Все шкоты снесло в море.

Все запасные вымпелы погибли.

Мы шли, лавируя против ветра довольно ровным ходом тридцать два узла в час.

Так мотало нас восемь дней. Ни одной склянки не уцелело. Так что отбивать было нечего, и мы совершенно потеряли понятие о времени. Один говорит «сейчас ночь». Другой кричит «полдень!» и бежит завтракать.

Капитан положил корабль левым галсом направо. Он меня очень любил и я почти все время проводил у него на рубке, следя за компасом и прочими аппаратами секретнейшей важности».

— Неужели вы восемь дней шли до Ялты? — удивился кто-то из слушателей.

— Разве я сказал восемь? — спросил помещик. — В таком

случае, очень может быть, что я ошибся. Очень может быть, что не восемь, а девять.

«Так вот, как-то раз сидим мы с капитаном после завтрака у него на рубке, как вдруг он хватает бинокль, смотрит вдаль и бормочет:

— Тысяча громов! Так я и знал!

— Что такое?

— Да вот, — говорит, — не хотите ли полюбоваться? Морская змея.

Я хотел было схватить бинокль, но в нем уже не было надобности. В каких-нибудь трех-четыре кабельтовых от нас плыло чудовище. Сказочной величины. Ну, примерно от головы до хвоста — верст девять».

— Господи! — крикнул кто-то из слушателей. — Да ведь это значит, как отсюда до Тулы?

— Н-да, — согласился помещик. — Приблизительно так. Только в море это гораздо удобнее наблюдать. Морская поверхность сокращает расстояние, — объяснил он и деловито прибавил: — Капитан занес в шканечный журнал.

Тут уж, конечно, все притихли. Раз в шканечный журнал, так уж спорить нечего.

Да и чего спорить?

У нас, помнится, чуть не в каждой речке водяной жил. И мало ли баб такого водяного видали! Конечно, у нас к этому относились спокойно, журналиста из «Дэйли мэйль» в какие-нибудь Манькины Хрящи не посылали. Но ведь это дела не меняло.

Помню, старая нянька, жившая у моей тетки, сама видала водяного. И рассказывала. И как рассказывала! Волосы на голове шевелились.

— Шла я это с Катенькой на руках вдоль бережка, гуляла. Погода хорошая, солнышко печет, тихо. Вдруг, Мать Пресвятая Богородица, вдруг как ухнет что-то, и вся река так и закипела, так и заходила ходуном. Да вдруг как выпалит, словно из пушки. Я Катеньку к себе прижала, да бегом домой. Да бегу, да молитву шепчу. Кабы не то, что был со мной ребенок, ангельская душенька, так тут бы мне и ко-

нец. Уволок бы меня водяной в воду. Эдакие страсти! Вспомню, так всю трясет.

Я несколько раз слышала этот сказ, наконец спросила у тетки — что это такое было, что и вода кипела, и будто из пушки.

— Да, да, знаю, — спокойно отвечала тетка. — Знаю. Это кучер купался.

Вот как у нас ко всему просто относились.

А в Европе-то! В Европе сейчас бы ресторан построили, прислали бы журналистов из «Дэйли мэйль», поместили бы нянькин портрет в «Матэн», предложили бы ей выступить в «Казино де Пари» и подписать контракт в Холливуд за себя и за водяного.

Но вот окончится дело Ставицкого, опять примутся за Лох-Лесс. Чудовища этого нам надолго хватит. Оно живучее, допотопное, для многих журналистов «матушка-кормилица».

Дай ему Бог.

Комментарии

Все включенные в книгу тексты публикуются в новой орфографии, с исправлением некоторых устаревших особенностей правописания и пунктуации.

И. Лукаш. Гомункулус Мельхиора Краузе

Впервые: *Новая неделя* (Рига). 1926. № 7, под загл. «Гомункулус: Фантастическое, но действительное происшествие». Публ. по этому изд. Заглавие и рис. Л. Лесснер взяты из сокращенной авторской версии в журн. *Мир и искусство* (Париж). 1930. № 12.

И. С. Лукаш (1892-1940) — прозаик, поэт, драматург, критик, художник-иллюстратор. Родился в семье швейцара и натурщика петербургской Академии Художеств. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Дебютировал как поэт-эгофутурист. В период Гражданской войны воевал в Добровольческой армии, печатался в газ. *Юг России*, *Голос Таврии*. В эмиграции с 1920 г., жил в Турции, Болгарии, Чехии, с 1922 г. в Берлине, в 1925-1927 гг. в Риге (где возглавлял литературный отдел газ. *Слово*), с 1927 г. в Париже. Широко публиковался в периодике, выпустил в эмиграции ряд сборников рассказов и очерков, несколько исторических романов.

С. 10. ...*Scientibus et Artibus* — Наукам и ремеслам (*лат.*).

М. Первухин. Зверь из бездны

Впервые: *На суше и на море*. 1911. Кн. 1, под псевд. М. Алазанцев.

М. К. Первухин (1870-1928) — журналист, писатель, переводчик. Уроженец Харькова; был исключен из университета по политическим мотивам, затем из-за туберкулеза в 1899 г. поселился в Ялте. В 1900-1906 гг. редактировал газ. *Крымский курьер*. В 1906 г. был

выслан из Крыма за оппозиционные настроения, уехал в Германию, через год поселился в Италии, с тех пор жил в эмиграции. Как репортер и беллетрист (часто под различными псевдонимами) сотрудничал со многими российскими изданиями, после 1917 г. — эмигрантскими. В числе прочего оставил заметное научно-фантастическое наследие, в том числе ранние романы в жанре «альтернативной истории», а также приключенческие произведения. В конце жизни на почве ярого антибольшевизма запятнал свое имя активной поддержкой итальянского фашизма.

С. 16. ...*боэр* ...*Кронье* — боэр — бур (уст.); Кронье — генерал П. Кронье (1836-1911), один из командующих южноафриканскими силами в англо-бурской войне.

С. 42. ...«*хирифэнгэрами*» — В современной транскрипции хиршфангер, охотничий клинок (от нем. *Hirschfanger*).

С. 45. ...*Гервега* — Г. Гервег (1817-1875), немецкий социал-демократический поэт, публицист, переводчик, любовник жены А. Герцена Натальи.

С. 54. ...«*коне бледе*» ... «*звере из бездны*» — «Конь блед», на котором восседает смерть, описан в Откр. 6:8; о «звере из бездны» говорится в Откр. 17:8: «Зверь, которого ты видел, был, и нет его, и выйдет из бездны, и пойдет в погибель; и удивятся те из живущих на земле, имена которых не вписаны в книгу жизни от начала мира, видя, что зверь был, и нет его, и явится».

М. Первухин. Зеленая смерть

Впервые: *На суше и на море*. 1911. Кн. 5, под псевд. М. Де-Мар. Илл. автора (в первоизд. также использованы илл. западных художников, не имеющие прямого отношения к тесту).

П. Карелин. Таинственный остров

Впервые: *На чужбине* (Шанхай). 1921. № 3, март.

П. Карелин (П. С. Красник, 1884-1939) — писатель, журналист. Выпускник Александровского училища. Участник Русско-японской, Первой мировой (в чине капитана) и Гражданской войн. Был начальником штаба гарнизона в Троицке и корпусным интендантом в Челябинске. Эмигрировал в Шанхай, где в 1920-1921 гг. совм. с Е. Семчевской редактировал журн. *На чужбине*, в котором опубликовал ряд фантастических повестей и рассказов. Затем перебрался в Сидней и оттуда в Сан-Франциско, где на протяжении 14 лет, до продажи издания в 1938 г., редактировал газ. *Русская жизнь*.

М. Щербаков. Утес дракона

Публикуется по авторскому сб. *Корень жизни* (Шанхай: Врата, 1943).

М. В. Щербаков (ок. 1890-1956) — писатель, поэт, переводчик, литературный критик, фотограф. Уроженец Москвы. Окончил физико-математический факультет Императорского высшего технического училища. Во время Первой мировой войны занимался аэрофотографией на Балканском фронте. После войны получил франц. гражданство, работал в банке в Ханое. В 1920 г. переехал во Владивосток, где редактировал газ. *Крестьянская газета* и *Русский край*. Позднее переехал в Шанхай, работал в банке и франц. полиции. Возглавлял Содружество русских работников искусств «Понедельник», издавал одноименный альманах и альманах *Врата*. Много путешествовал и занимался фотографией. В 1950-х гг. жил в Сайгоне, где открыл фотоателье и давал частные уроки фотографии. Страдая от депрессии и нервного расстройства, переехал ближе к друзьям в Париж, некоторое время лечился в психиатрической клинике, однако 3 янв. 1956 г. покончил с собой, выбросившись из окна.

С. 154. ...у самого Барона в Даурии — речь идет о действовавшем в период Гражданской войны в Монголии «кровавом бароне» Р. Ф. фон Унгерн-Штерберге (1885-1921).

С. 154. ...Фынью Ю-сяна — Фэн Юйсян (также Фын Юй-Сян, 1882-1948) — китайский военный и политический деятель; в ходе

междоусобной борьбы в Китае в первой трети XX в. нередко занимали просоветские и прокоммунистические позиции.

C. 157. ...«*in extenso*» — полностью, дословно (*лат.*).

C. 169. *Это был пожелтевший комплект...* — далее в сильно сокращенном виде и с ошибками в именах свидетелей цитируются два реальных отчета французских военных моряков о встречах с загадочными морскими существами.

М. Щербаков. Джонни, молодой мамонт

Публикуется по авторскому сб. *Корень жизни* (Шанхай: Врата, 1943).

Автор эпиграфа Джон Ранкинг (1759? – 1830?) — английский торговец и историк-любитель; в цитируемой курьезной кн. доказывал, что останки мамонтов связаны со слонами, которые использовались монголами и римлянами для войны и охоты. В другом сочинении, вышедшем годом позднее, Ранкинг утверждал, что монголы-завоеватели основали империю инков и привезли слонов в Новый Свет.

Тэффи. Чудовище Лох-Несса

Впервые: *Возрождение* (Париж). 1934. № 3148, 14 января.

Тэффи (Н. А. Лохвицкая, в замуж. Бучинская, 1872-1952) — поэтесса, прозаик, мемуаристка, переводчица, драматург, чьи юмористические и сатирические произведения пользовались большой популярностью как до революции, так и в эмиграции и высоко оценивались современниками. Дочь адвоката, сестра поэтессы М. Лохвицкой. До революции печаталась в *Ниве*, *Синем журнале*, газ. *Речь*, *Биржевые ведомости*, *Русское слово*, была постоянной сотрудницей журн. *Сатирикон* и *Новый Сатирикон*. В 1918 г. уехала в Киев, в 1919 г. в Турцию, откуда вскоре перебралась в Париж. В

эмиграции широко печаталась в периодике. В 1910-1952 гг. опубликовала свыше 30 книг прозы и стихов.

С. 193. *...дело Ставицкого* — точнее, Ставиского, грандиозная финансово-политическая афера, связанная с именем А. Ставиского (1886-1934), французского предпринимателя родом из Российской империи, обвинявшегося в выпуске фальшивых векселей. Скандал затронул многих высокопоставленных политиков и представителей парижской элиты и в конечном итоге привел к отставке двух правительств и попытке фашистского путча в начале февраля 1934 г. Рассказ Тэффи был написан буквально через несколько дней после того, как Ставиский был обнаружен смертельно раненым в Швейцарии (8 янв. 1934), что многими рассматривалось как убийство, однако официально было сочтено самоубийством.

С. 193. *...вернуться к чудовищу Лох-Несса* — Следует напомнить, что период написания рассказа был чрезвычайно «урожайным» в плане упоминаний лох-несского чудовища; в газ. *Возрождение* в 1933-1935 гг. были опубликованы десятки заметок о встречах с легендарной «Несси» и другими морскими и озерными монстрами.

Оглавление

И. Лукаш. Гомункулус Мельхиора Краузе	7
М. Первухин. Зверь из бездны	15
М. Первухин. Зеленая смерть	60
П. Карелин. Таинственный остров	111
М. Щербаков. Утес дракона	152
М. Щербаков. Джонни, молодой мамонт	172
Тэффи. Чудовище Лох-Несса	192
Комментарии	198

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.